

**Этнополитический
и литературно-
художественный
журнал**

Учредитель:
редакция газеты «Литературная Россия»

Главный редактор
Вячеслав ОГРЫЗКО

Заместитель главного редактора
Евгений БОГАЧКОВ

Исполнительный директор
Александр ДОРОФЕЕВ

Редакционный совет:
Еремей АЙПИН (Ханты-Мансийск),
Михаил АНДРЕЕВ (Томск),
Андрей БОРИСОВ (Якутск),
Галина БУТЫРЕВА (Сыктывкар),
Людмила ЕФРЕМОВА (Надым),
Николай КУРИЛОВ (Якутск),
Татьяна МОЛДАНОВА (Ханты-Мансийск),
Анатолий ОМЕЛЬЧУК (Тюмень)
Александр ПИЛЯСОВ (Москва)
Дмитрий ЧЁРНЫЙ (Москва)

Компьютерный набор
Татьяна ЕГОРОВА
Дизайн/Вёрстка
Евгения МОИСЕЕВА

Обложка
Юлия НАКОВА (1,3,4)
Дмитрий БАЛАКИРЕВ (2)

Подписано в печать
30 августа 2016 года.

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ
по печати. Свидетельство о регистрации
№ 015849 от 14 марта 1997 года.

Тираж 1200 экз.

Адрес редакции:
127051, Москва,
Цветной бульвар, 32, строение 3.

Телефоны: 8 (495) 694-23-24,
8 (495) 694-03-65,
Факс: 8 (495) 694-50-10

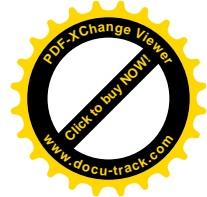
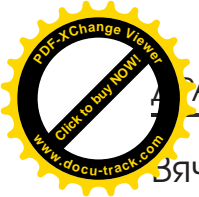
E-mail: litrossia@litrossia.ru

Отпечатано
в ППП «Типография «Наука»,
121099, Москва, Шубинский переулок, 6.
Тел./факс: 8 (495) 554-21-86, 554-25-97,
974-69-76.

Заказ 1496к

СОДЕРЖАНИЕ

2	ДРАМА Вячеслав ОГРЫЗКО. Будут ли извлечены уроки из ямальской трагедии
4	ПУТЕШЕСТВИЕ Олег ХИМАНЫЧ. Пролив Вилькицкого. Перегон
20	НА РОДИНЕ ПРЕДКОВ Юлия НАКОВА. Во времени зимнего Солнца над озером Ур ёх лор
24	ВЕРА Николай КОКУХИН. Паломничество по Енисею
31	ПРОЗА Олег ЕРМАКОВ. Бабушка Катэ из рода Кабарги
39	ЗАПИСКИ ПОЛЯРНИКА Сергей ИГНАТЬЕВ. Пусть безумствует море и хлещет
46	ПОКЛОН УЧИТЕЛЯМ Анфиса ШАРЫПОВА. Подвижники Чукотки
50	ТРАГЕДИЯ Александр РАШКОВСКИЙ. Безнравственные методы борьбы в писательской среде города Кирова
53	ВМЕСТО ИСПОВЕДИ Нина КАЛЕНДАРЕВА. За чашкой чая
55	СЛЕД В ЖИЗНИ Сергей СУЩАНСКИЙ. Хозяйка птичьей скалы
59	РАССКАЗЫ Елена ФЕДОТЕНКО. На детской площадке
65	ПАРОДИИ Пётр ЦЫБУЛЬКИН. Сказки колымского ветеринара
66	ОХОТНИЧЬИ БАЙКИ Леонид БАБАНИН. Лебязьи пельмешки
76	ЖЕСТОКИЙ ВЕК Владимир БАРАЕВ. Наказы Исяя

БУДУТ ЛИ ИЗВЛЕЧЕНЫ УРОКИ ИЗ ЯМАЛЬСКОЙ ТРАГЕДИИ

В июле этого года на Ямале случилась страшная беда: произошла вспышка сибирской язвы.

Специалисты нередко сравнивают эту болезнь с чумой. Она может в одночасье унести тысячи жизней. Победить её очень сложно. Споры сибирской язвы могут существовать сотни лет. Учёные до сих пор не могут выявить все потенциальные очаги опасности.

Тем не менее, бдительность специалистов в нулевые годы серьёзно притупилась. Почему? Возможно, здесь сказалось то, что последняя вспышка сибирской язвы на Ямале имела место в далёком 1941-м году. Мол, с той поры минуло целых семьдесят пять лет, ничего серьёзного больше не случилось, и поэтому среди специалистов воцарилось спокойствие. Им показалось, что страшная болезнь окончательно побеждена.

При этом почему-то многие подзабыли события весны 1979 года. Тогда от

вспышки сибирской язвы в Свердловске погибло почти сто человек. По официальной версии, эпидемию в том году спровоцировало мясо заражённого скота. Якобы в 26 населённых пунктах, расположенных вдоль трассы Свердловск-Челябинск, оказались больные туши домашних животных. Но по другим данным, большой скот был не причём. Имел место случайный выброс в атмосферу облака спор сибирской язвы из секретной военно-биологической лаборатории, которая дислоцировалась в Свердловске-19. Другими словами, свердловская эпидемия 1979 года была, можно так сказать, рукотворной.

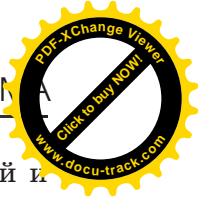
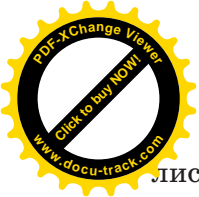
А что же случилось на Ямале в нынешнем году?

По рассказам кочевников ямальской тундры, в десятых числах июля они заметили, что во время перекочёвки от стада стали отставать десятки оленей. Некоторые животные падали на землю и больше уже никогда не поднимались. Оленеводы связали

это с аномальной жарой. Но чтобы погибшие туши не пропадали, они это мясо пустили в пищу.

В прежние времена, когда в стадах происходили ЧП и гибли животные, было принято о случившемся тут же по радиации сообщать на центральную усадьбу хозяйства, и к оленеводам тут же выезжали зоотехники. В этот раз проинформировать начальство о случившемся падежа у тундровиков возможности не оказалось. Все радиации давно поломаны, а спутниковой связью их до сих пор не снабдили. Неудивительно, что первые сообщения о гибели животных до районного центра Яр-Сале дошли лишь 16 июля, то есть через несколько дней после начала массовой гибели оленей.

Первые ветеринары в район ЧП выехали только 17 июля. Они взяли пробы тканей павших оленей. Затем биоматериал был отправлен для исследования в Тюмень. Результаты анализа были получены через неделю – 25 июля. Специа-

листы в тканях погибших оленей обнаружили споры сибирской язвы.

После этого власти и учёные стали гадать, что спровоцировало нынешнюю вспышку сибирской язвы. Версий было высказано множество. По одной гипотезе, оленеводы во время перекочёвки наткнулись на какой-то неучтённый скотомогильник.

Якобы олени, разрывая копытами землю в поисках корма, задели погибшее когда-то от сибирской язвы животное. По другой версии, заражение произошло у заброшенного человеческого кладбища, около которого проходил маршрут калашни оленей. Усугубила ситуацию, по мнению руководителя Роспотребнадзора Поповой, давняя привычка детей оленеводов вытягивать зубами жилы из туш павших оленей. Однако достоверных данных о причинах нынешней эпидемии до сих пор нет.

Власть по-настоящему занялась ликвидацией ЧП лишь с 25 июля, объявив практически весь Яр-Салинский район зоной карантина. В Салехард срочно были вывезены десятки кочевников, началась поголовная вакцинация оленей. Однако собственных сил у властей Ямало-Ненецкого округа не хватило. Москва была вынуждена срочно перебросить на Ямал группировку Министерства чрезвычайных ситуаций, а также военные подразделения.

По сути, была осуществлена масштабная войсковая операция. В её ходе было привито четыре тысячи кочевников и сто пятнадцать тысяч оленей. Кроме того, специалисты обнаружили 2400 погибших оленей. Военные организовали уничтожение каждой заражённой туши.

Общими усилиями локализовать и нейтрализовать очаг эпидемии удалось лишь к середине августа. При этом не обошлось без человеческих жертв. От сибирской язвы в больнице Салехарда скончался один подросток.

А теперь давайте посмотрим, можно ли было предотвратить эту беду. Безусловно, можно было. А подвели, как всегда, бесхозяйственность, расхлябанность и самоуспокоенность.

Вспомним, в советское время на Ямале регулярно оленям делались прививки. Но в 2007 году всё это прекратилось. Почему? Власть посчитала, что раз уже шестьдесят с лишним лет в регионе никаких вспышек сибирской язвы не было, то все болезни остались в прошлом и нечего больше тратить средства на профилактическую работу.

Идём дальше. В последние годы на Ямале, да и не только там, была осуществлена бездумная реорганизация медицинской и ветеринарной отраслей. С одной стороны, произошло укрупнение различных медицинских и ветеринарных пунктов, а с другой – масштабное сокращение специалистов. При этом реальные доходы врачей и ветеринаров резко снизились. По сути, некому стало обследовать оленеводов и животных.

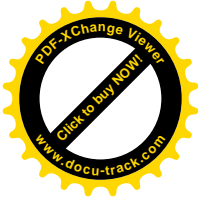
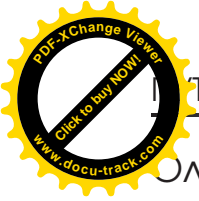
Третий момент. Существенно ухудшилось материально-техническое снабжение оленеводов. Сотни кочевников уже давно калашат по тундрам Ямала без какой-либо связи.

Именно беспечность стала главной причиной того, что власть слишком поздно узнала в этом году о тех бедах, которые навалились на тундровиков, и долго не могла принять адекватные

меры по спасению людей и животных.

Что ещё удивляет в этой ситуации? У нас за последние годы появились десятки общественных организаций, которые своей главной задачей считают защиту интересов коренных малочисленных народов Севера. Они регулярно на бюджетные деньги и различные гранты с помпой проводят всевозможные конференции и шумные фестивали, толку от которых, как правило, очень и очень мало. Но вот с их земляками случилась страшная беда. И никто из них не шевельнулся. Где в момент трагедии оказались Ассоциация «Ямал потомкам», Союз оленеводов России, депутатские ассамблеи народов Севера, лиги защиты малочисленных этносов и прочие объединения? Похоже, от испуга все они затаились в своих норках. Складывается впечатление, что все эти организации давно превратились в придаток местных администраций, которые заботятся лишь о собственных кормушках и плевать хотели на интересы северян. Они уже давно отделились от кочевников, а тундровиков используют лишь как прикрытия.

В общем, произошедшая этим летом на Ямале страшная трагедия показала, что региональная власть, много лет паразитирующая на нефтяных и газовых потоках, и присосавшиеся к ним всевозможные ассоциации и фонды выживания народов Севера срочно нуждаются в реформатировании. Пора бы уже им повернуться наконец лицом к людям. Хватит им проматывать многомиллионные состояния на Мальдивах и Сейшелах. Пусть они хотя бы с месячишко проживут в тундре и поймут проблемы оленеводов. Глядишь, после этого что-то изменится к лучшему.

Тролив Вилькицкого. Перегон

«На северном побережье пролива, кроме светящего знака Неупкоева и Солнечный, очень мало опознающихся ориентиров».

(Из руководства для сквозного плавания по Севморпути)

– Михаил Сергеевич, вы за этим рысаком особенно не гонитесь. Он по своей машине шаг отмеряет... – это наш капитан Юрий Владимирович советует старпому. «Рысаком» он называет ледокол «Красин».

Старпом, подумав:

– Понятно... Да он и не провоцирует на беготню, пока деликатно работает...

Тут же в диалог вклинивается сам ледокол, точнее его вежливая вахта, по 16 каналу:

– «Пионер Онеги», я «Красин». У нас прямо по курсу подозрительная льдинка. Давайте обойдём...

То, что на «Красине» называют «льдинкой», в поперечнике метров триста. Одинокая, торошённая, грязная льдина, года два ей. Флагман прав – чего со старухой связываться, коль можно отвернуть вправо – там «коридор» метров на сто чистой воды?!

Мы подходили к Челюскину. Шли с Востока на Запад, постепенно отстранялись от материкового берега. Серая вода. Слева – чернильные и неясные очертания суши с редкими пятнами грязных ледников. Справа – бродят стаи изувеченных льдин. Над ними – отяжеленные мутные облака – вот-вот плюхнутся в волны.

1.

Мы возвращались в Архангельск из Хатангского залива, следовали в балласте в паре с танкером «Усинск». Наш маленький караван вёл дальневосточный ледокол «Красин», за ним – «Усинск», мы – в арьергарде...

Мне позвонили в каюту – попросили подняться на мостик. Юрий Владимирович:

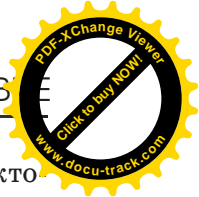
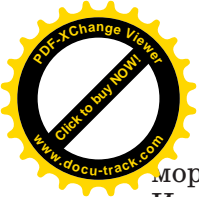
– Хочу предложить любопытное зрелище – наяновскую экспедицию на ходу. Голова покажется часа через полтора...

В руках у него бланк РДО: ледоколы ведут на восток проливом Вилькицкого тринадцать речных теплоходов и четыре речных буксира...

Наяновская – по фамилии многолетнего руководителя арктических перегонов Наянова Фёдора Васильевича. Конечно же, о его экспедициях, а точнее о специальных

Наянов Фёдор Васильевич – организатор и флагман экспедиций по перегону речных судов по трассе Северного морского пути

морских проводках по Севморпути я слышал. И не только. Видел, как в Архангельске каждую летнюю навигацию собирает она свой внушительный и разномастный караван.

Первыми, помнится, на двинских рейдах обычно появлялись ленинградцы и петрозаводчане, и в немалом количестве. Шли они в Двину от Беломорска и порой в Маймаксанском устье вытягивались длинным медлительным кильватером. Позже подтягивались волгари и южане. Летом рейды Архангельска тогда не пустовали, но и особой суеты с приходом множества судов экспедиции не было, точнее, это была рабочая, размеренная суета.

Впервые о наяновских перегонах я прочёл у Виктора Конецкого, в повести «Завтрашние заботы». О работе морских спасателей – в его же рассказе «Путь к причалу». Уточню, вскоре после публикации обе эти вещи были экранизированы. «Путь к причалу», к слову, поставил Георгий Данелия. Знаю, сам Виктор Викторович к похвалам в адрес фильма относился довольно-таки сдержанно, а знаменитый мурманский капитан Георгий Осипович Кононович и вовсе меня озадачил:

«Потом я видел и «Завтрашние заботы», и «Путь к причалу», но они, точно не скажу почему, мне неприятны. Быть может, это потому, что я в своё время достаточно посмотрелся на перегонные команды и на полуморских люмпенов, весьма колоритных, если их наблюдать со стороны или на киноэкране, но не дай Бог с ними работать.

В конце сороковых годов мне пришлось руководить перегоном большой флотилии буксиров, шхун и лихтеров из Архангельска в Дудинку.

Один капитан, например, участник боёв под Перекопом, с лицом, рассечённым врангелевской шашкой, предъявил великолепные документы и рекомендации. Был в плену у Франко, совершал плавания на китобойных и парусных шхунах на Дальнем Востоке. И везде отлично себя зарекомендовал. Правда, принял я его с некоторым опасением и лёгким недоверием, но назначил на самое лучшее судно. Он вышел в рейс, «забыл» принять бункер, так как всё это время пил со своим не менее бывалым и опытным старшим механиком. Забыл и морские карты. Другой морской бродяга, назначенный капитаном шхуны «Полярная», решил выйти из Архангельска под парусами. Мы долго потом вытаскивали его из лабиринта песчаных отмелей в устье Двины. Из плавания он домой так и не возвратился, потому что, прибыв в Дудинку, вскоре умер от многодневного запоя. Так что героев раннего Конецкого я знал вполне. Но работать с ними не рвался. У них, как у героев горьковского «На дне», всё было в прошлом».

Моё слово в защиту написанной Виктором Конецким повести и экранизированного Георгием Данелия фильма. Могу показаться субъективным, так что ж с того: ранние вещи писателя мне нравятся больше, нежели многое из созданного им позднее. В основе повести «Завтрашние заботы», для Виктора Конецкого во многом автобиографической, в сущности простая история... Два молодых капитана, два друга влюблены в одну женщину, и оттого возникает известный «треугольник». Капитаны затем идут по Севморпути – это тысячи миль вдоль полярного фасада Союза, они перегоняют новые сейнеры из Петрозаводска на Дальний Восток – опасное плавание, тяжёлая работа и долгое мучительное испытание для всех троих. Финал повести далёк от киношного американского...

Так вот, в «Завтрашних заботах» автор удивительно прост, краток и поразительно точен, чего бы это ни касалось: зыбкого океана или твёрдой суши, корабельного устава или житейского случая. Причём обрисовать сцену или окружающее он смог двумя предложениями, а то и двумя-тремя фразами.

Помнится, ловил я себя на сожалении, что не местным нашим литераторам, а, пожалуй, только Юрию Казакову – непревзойдённому мастеру русского рассказа удалось так правдиво и чувственно описать Архангельск начала шестидесятых. А ещё и Виктору Конецкому – причём не широким полотном, а кратко и остро подмеченными деталями.

Вот лёг мне на память фрагментик из «Завтрашних забот»... «Лиловая блёкляя ночь скользила над Онегой. Беззвучная и светлая, дремала вода. И озеро будто прикрыло глаза и дышало чуть приметно и покойно. Пахло свежей рыбой и крапивой... Озеро тоже молчало. Оно совсем онемело в этот лиловый ночной час. И даже ветер теребил его беззвучно, как вату».

Кто вглядывался в Карелию, подтвердит – июньские ночи над Онежским озером действительно немые, и непременно лиловые и блёкляе, и дышит озеро и вправду чуть заметно и покойно, и ветерок его и в самом деле теребит так беззвучно, как вату, – иначе и не сказать...

Те же, кто ходили в море выше 70-й параллели и на Арктику, смотрели не стылými глазами, обязательно согласятся с писателем в том, что лёд за бортами может «бормотать, жаловаться», даже «всхлипывать», а у льдин могут быть «мокрые зелёные животы», что штормовая «зыбь горбатая и зелёная», а корабли на ней «подхалимски кланяются волнам, на миг застыв в нерешительности» при «судорожных вздрагиваниях палубы»...

Вот так же сжат, поэтичен и правдив Виктор Конецкий не только в описании

окружающего, но и всего остального – мыслей, слов и поступков. Отчего? От того, что всё излившееся строками повести сначала миновало его закоулки сердечные, причём не раз, а потому там и осталось, отпечаталось, зарубцевалось. Так, верно, и рождаются правдивые строчки.

Фильм «Путь к причалу». Решительно не соглашусь с уважаемым капитаном Кононовичем. Возможно, на восприятие Георгия Осиповича повлияли личные впечатления от «полуморских люмпенов», но, право же, какое имеет это отношение к рассказу и фильму «Путь к причалу»? Прежде всего: где там неправда?! В картине, возможно, и присутствует некоторый пафос в кульминационной сцене на буксируемом «Полоцке», но всему остальному веришь, причём веришь, опять-таки окунувшись в ауру удивительно точно подмеченных деталей и сыгранных сцен не только из корабельного быта, но и сухопутного. Кстати, такие мастера, как Борис Андреев, Олег Жаков, Любовь Соколова, Георгий Вицин, Бруно Оя просто не позволили бы себе играть с фальшивого листа...

Поэтому фильм «Путь к причалу» по выходу на экраны, хотя открытием в нашем кино и не стал, но по меркам того времени (1962) всё же имел большой зрительский успех, тому являюсь, как говорится, живым свидетелем-современником.

«Полуморские люмпены» на перегонах были, и порой немалым числом, доставляли хлопот их командиру – Фёдору Васильевичу Наянову. Но из этого в финале ничего не следует. В заграничку тогда, как известно, могли ходить моряки с безупречными биографией и анкетой. В каботаж никто особенно не стремился. А задачи для перегона, взять хотя бы навигационную часть, ставились сложнейшие. И Наянов решал их с теми, кого в его команды собрали вербовщики. И потом, я бы не абсолютизировал упомянутые кадровые изъяны – в экспедициях специальных морских проводок были и настоящие моряки-профессионалы, порядочные, достойные люди.

2.

Была ли затея Фёдора Васильевича Наянова принципиально новой? Нет. Как и само дело, ведь перегоны речных судов из центральной части России, точнее – из районов Русского Севера в устья сибирских рек предпринимались и раньше, даже в... XIX веке. Впервые, как считается, это сделала экспедиция Л.Ф. Добротворского в 1893 году. Леонид Фёдорович – настоящий русский моряк. Судите сами – гардемарин покинул Морское училище, сразу же и почти беспрерывно ходил

в Атлантике и Ледовитом океане, в Арктике уже по своей принадлежности к Гидрографическому департаменту. В 1902 году окончил курс Николаевской морской академии и снова служил на кораблях, теперь на Дальнем Востоке: канонерка «Гиляк», крейсер «Дмитрий Донской». С апреля 1904-го – командир крейсера «Олег», участвовал в Цусиме. Уволен со службы в чине контр-адмирала «с мундиром и пенсией» в 1908-м...

А.С. Новиков-Прибой рисует прямо-таки устрашающий его портрет: «Это был офицер громадного роста, сильный, с раздувшимся, как резиновый шар, лицом, буйно заросшим чёрной с проседью бородой. Властолюбивый и самоуверенный, он считал себя знатоком военно-морского дела и не терпел возражений...».

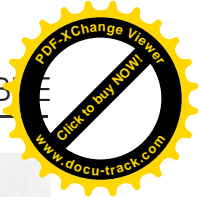
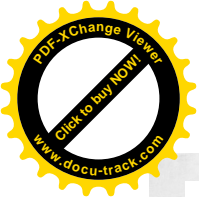
Отбросим внешние данные. Знатоком и даже практиком военно-морского дела Леонид Фёдорович всё-таки был. Свидетельством тому редкие для офицера награды. Ими в том веке далеко не каждого награждали, а если награждали, то не за выслугу, как сейчас, а за «компании и бои против неприятеля»: орден святого Владимира с бантом, орден святой Анны с мечами, светло-бронзовая медаль на соединённой Александровской и Георгиевской лентах, тунисский орден Ништан-Ифтикар большого офицерского креста...

Говорят, в личных отношениях Добротворский отличался сложным и противоречивым характером. Может быть. Молодым офицером (!) он входил в... народовольческий кружок! От ареста, как утверждают, его спасло длительное плавание на крейсере «Изумруд», а позднее Добротворский сам порвал с революционными идеями...

Всё-таки надо разобраться, чьих возражений «не терпел» Леонид Фёдорович. Это же толком неизвестно. Зато известно, что был он фанатиком строительства подводных лодок в России. Ну а будучи убеждённым в своей правоте, действительно высказывался прямо. Не всем это нравилось. Любопытная запись в офицерском деле Л.Ф. Добротворского: «21 апреля 1914 года Высочайшим приказом лишён права на ношение мундира за подтверждение в публичных собраниях и в отдельных брошюрах в высшей степени неприличной критики флота и Морского ведомства».

Вот такой офицер, тогда ещё в чине лейтенанта, возглавил в 1893 году первый перегон судов из европейской части России в устья сибирских рек.

Напомню, царская империя строила свою главную Сибирскую дорогу, будущий наш Транссиб, и потребовалось доставить из Европы большую партию рельс. Летом англичане погрузили их в трюмы пароходов «Лейтенант Малыгин», «Лейтенант Овцын» и двух крупных барж. Одна из них, к слову, числилась,

Караван в пути. Впереди –
спасательный буксир
«Балтийск», за ним –
речные теплоходы

как «парусная баржа», и даже имела название – «Лейтенант Скуратов». Любопытно, что все эти грузовые транспорты шли под Военно-морским флагом, хотя Россия в тот год ни с кем не воевала. Английская фирма «Poppin» выделила для этой же экспедиции пароход «Orestes», причём под командой одного из самых опытных ледовых капитанов Европы Д. Виггинса, а также шхуны «Ми-нусинск» и «Blencathra»... Та самая парусно-паровая «Blencathra», которую впоследствии англичане продали России. Под новым именем – «Святая Анна» в 1912-м русский лейтенант Георгий Львович Брусиллов повёл её в трагическое ледовое плавание. Это к слову...

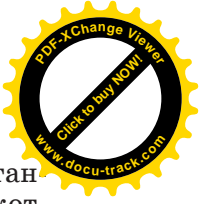
Два месяца «рельсовая флотилия» из Европы шла к устью Енисея. У промыслового становича Гольчиха её встретил караван из двух речных пароходов – «Граф А.П. Игнатьев» и «Бард», каждый с тремя баржами. Дальше были и перегрузка на рейде, и свирепый шторм, едва не погубивший всё предприятие, и тяжёлый осенний переход судов в Енисейск.

Таким стало начало. Дальше – лейтенант Л.Ф. Добротворский продолжил восхождение к заслуженному контр-адмиральскому званию. Умер он в 1915-м, похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской Лавры. В 1900-м экспедиция Николая Коллемеяцева, зимовавшая у полуострова Заря

на Таймыре, назвала один из его мысов именем Добротворского. Со временем, правда, наименование переключалось и на соседнюю оконечность суши и в конце концов «раздвоилось» на нынешние мысы Добротворский Северный и Добротворский Южный.

Иная мотивация у следующей русской экспедиции из Европы к устью Енисея: началась война с Японией. России потребовалось усилить не только свой морской флот, но и речной на главных сибирских реках. Для этого правительством были закуплены шесть грузовых пароходов: «Енисейск», «Красноярск», «Туруханск», «Минусинск», «Ангара» и «Лена», а также девять лихтеров со стальными корпусами. Руководил перегонем полковник корпуса флотских штурманов Иван Семёнович Сергеев. Между прочим, как и Л.Ф. Добротворский, тоже незаурядная личность. Он из потомственных военных, окончил Кронштадтское морское техническое училище, но по штурманской специальности. Прежде чем возглавить перегон, Иван Семёнович немало служил в полярной гидрографии совместно с А.И. Вилькицким, Ф.К. Дриженко и А.И. Варнеком. Так что Баренцево и Карское моря, подходы к Енисею с севера он знал хорошо.

Судам его экспедиции удалось пробиться к стояночной базе в Енисейске в октябре 1905-го. Именно с приходом его каравана появи-

лось у России «Срочное казённое пароходство на реке Енисей». Получается, офицеры русского флота тогда работали на экономику страны. Сам же И.С. Сергеев впоследствии вёл гидрографические исследования на Белом море, а затем вообще возглавил русскую экспедицию Северного Ледовитого океана.

В 1914-м, уже с третьим перегонем, в устье Енисея появились очередные суда из Европы. Мотивацией этой морской экспедиции русского Министерства путей сообщения снова явилась война, но уже I Мировая.

Как ни странно, но хуже мы знаем о перегонах речных судов к устьям сибирских рек, осуществлённых позже, и осуществлялись ли они вообще.

В Великую Отечественную, по монографии Виктора Павловича Пузырёва, перегонов было два – в 1943-м и годом позже. Правда, караваны формировались не в Архангельске, а на Печоре, в Нарьян-Маре, и шли не на Енисей, а на Обь. По документам 1943 года: пятнадцать речных буксиров. Начальник экспедиции – капитан В.Я. Гольдштейн. Караван охраняли, как могли, несколько минных тральщиков. Вышли из Нарьян-Мара 23 июля. За Юшаром напоролась на мины. Подорвался сам флагман – тральщик ТЩ-58. Десять человек убиты, начальник конвоя капитан I ранга А.К. Евсеев тяжело ранен. Дальше пошли под началом штурмана Н.Н. Марляна. Что были за буксиры? Колёсные скорлупки с деревянными лопастями-плитами, массой не больше 200 тонн! Таким и три балла – шторм! В Байдарацкой губе налетели все восемь баллов! А четверть команд, на палубе и в машине – женщины! Вот оно – лихо военное!

На следующий год тем же маршрутом погнали четыре буксира, два земснаряда, два лихтера. Начальник экспедиции капитан II ранга А.Э. Бауман. До Оби добрались не все – от повреждённых затонули оба лихтера...

Известно, сразу после войны на Обь перегоняли американские буксиры, каких сибиряки ещё в глаза не видели – 800 сил! Нарекли их «Родиной» и «Победой». Ещё через пару навигаций на Енисей впервые провели группу судов финской постройки: пароходы «Таймыр», «Норильчанин», «Силач», «Борец» и шхуну «Полярная»...

И только в 1948-м впервые (!) на перегон отважились таким массовым числом – 22 единицы. Причём, повторимся, были это... плоскодонные и мелкоосидающие суда, для хождений по морям не предназначенные. Повёл их в Арктику капитан III ранга Фёдор Васильевич Наянов.

Страна ещё вдоволь хлеба не ела, и года не прошло, как отменили карточки, многие города лежали в разрухе, и заводы не поднялись

из руин, уцелевший торговый флот, латаный и перелатанный, с изношенными котлами и машинами, копился в длиннющей очереди на ремонт, а они отправились через Ледовитый океан, в Сибирь. Это был подвиг на грани отчаяния, можно сказать, типично русский подвиг!

Уроженец Тамбовщины Фёдор Васильевич Наянов в детстве не помышлял о карьере военного моряка. Родился в 1902-м в бедной крестьянской семье. Не было у него возможности учиться – не окончил даже земскую школу, работал при почте. В Гражданскую воевал в Красной Армии, ранен в боях на Украине. Позднее неожиданный поворот в судьбе – призвали во флот, где он со временем и пошёл по офицерской линии.

И ещё одна война выпала на его век – Великая Отечественная. На третий год её он был начальником отделения вспомогательных судов тыла и гаваней Балтийского флота. Награждён орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени, медалью «За оборону Ленинграда». Из представления его к медали «За боевые заслуги»: «Лично руководил перевозками и неоднократно был начальником каравана, проявив при этом инициативу, смелость и знание дела...». Выходит, с проводкой кораблей Фёдору Васильевичу приходилось иметь дело уже тогда.

В 1950-м Фёдора Васильевича Наянова и его основных сподвижников удостоили Сталинской премии. Указ о награждении называется «За выдающиеся изобретения и коренные усовершенствования методов производственной работы». Перечисляются в его тексте Наянов Фёдор Васильевич, руководитель работы, начальник; Вакутин Александр Яковлевич, главный механик экспедиции; Демидов Фрол Парфеевич; Евдокимов Виктор Иванович, Сербаев Владимир Георгиевич, капитаны. Дальше цитирую: «за организацию и осуществление массовой проводки речных судов арктическими морями».

Это «изобретение коренного усовершенствования методов производственной работы», во главе которого стоял Наянов, с прибылью работало на страну более тридцати лет.

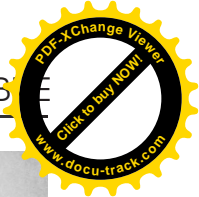
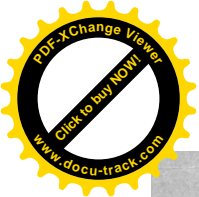
3.

– «Пионер Онеги», я «Красин». Впереди туманец... Сбавим ход... Дистанция – два, два с половиной кабельтова... Вы там случайно не упиретесь в «Усинск»...

– «Красин», я «Пионер Онеги». Вас понял. Держим два с половиной... Голову встречного наблюдаете?

– Видим только на локаторе. Разойдёмся левыми бортами... Будьте внимательнее...

До чего же деликатен «Красин»!

**Короткая передышка
в бухте Варнек на Вайгаче**

Ещё минут двадцать, и то, что штурман ледокола определял, как «туманец», стремительно превратился в туманище. Лёг он на воду ровно и тяжело. Но и мы на экране зацепили встречных – две ближние отчётливые точки в отрыве от множества остальных – до них наш локатор едва дотягивался.

– «Красин», я «Пионер Онеги». Что за пара от коллектива убегает?

– Наяновские попутчики, подцепились у Скотт-Гансена – мурманская «морковка» и ваш земляк...

«Морковки» – крупные балкеры – по мощи машин и прочности корпуса – почти ледоколы. Строили их финны специально для нас, шифр серии – СА15. В Союзе сухогрузы до той поры век красили без изысков – белым надстройку, чёрным – всё, что ниже. А этих финны покрасили не чёрным, а в абсолютно точно морковный цвет. Наши от такого модерна ахнули, а потом прозвище родили – «морковки». Ходит по Арктике такой «овощ» под дизелями «Вяртсиля-Зульцер», и полуметровый лёд под его корпусом в 20 тысяч тонн только похрустывает...

Ну, так где же они? Нацелились в мутную занавесь, шарили биноклями по левому борту через стекло иллюминаторов. Вахтенный штурман отдал дверь, шагнул за комингс и притулился к колонке пеленгатора, что на крыле мостика. Оттуда решительно потянуло свежестью и влагой...

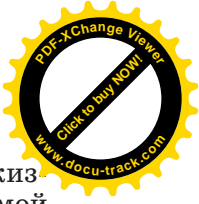
Ещё минут пять, и слева, раздвигая могучим корпусом туман, бесшумно, смутным оранжевым призраком проскользил мурманский балкер «Тикси». За ним кабельтовых в трёх поспешал «Пионер Архангельска» – его дальневосточники зачислили нам в земляки... В западной части пролива, у островов Скотт-Гансена эти двое нагнали караван спецморпроводки, форсировали с его ледоколами тяжёлый массив, и теперь «помахали» тихоходной экспедиции флагами на корме – теперь им можно и прибавить ход, поспешая из Европы в Азию по своим делам...

Случаются в осенней Арктике зыбкие сумерки, когда полярный день ещё не ушёл, а полярная ночь уже его торопит. Всё в эти минуты, а порой и часы, настороженно замирает – и ветер, и волны, стихают звуки, и над всем властвует туман – над пространством и временем, над сушей и морем, над днём и ночью. И это не просто природное явление, когда исчезают ориентиры или ухудшается видимость со всеми вытекающими для штурманов проблемами, кажется – всё окружающее начинает жить ожиданием неизвестного действия. Неведомо как, но это чувство передаётся и человеку...

Возможно, и неудачный образ, но уж так мне видится: театр перед началом загадочного зрелища. Интрига в том, что жанр, стиль, сюжет – никому не ведомы. Уходит свет, смолкают шум и разговоры. Зал в предвкушении, ждёт. И вот он – занавес!

Туман вдруг разом отцепился от воды и бегуче потянулся к облакам, а ещё через десяток минут, уже в широкой и недвижной полосе горизонта уверенно означился наяновский караван, вернее – сначала прожекторы его ледокольной головы, а за ними и скопище подрагивающих огоньков основного ордера.

С чем сравнить зрелище? Ну, конечно, с вечерним городом! Бывало же так – в предзимнюю пору возвращаешься последним рейсом на Архангельск, ремни уж пристёгнуты – снижаемся, шасси на выпуск и самолёт потряхивает. По иллюминатору бегут нервные капли, и ты через стекло и стремительное облачное рваньё ловишь блеск живой воды не скованных льдом двинских проток, притухший первый снег на полях и множество огоньков – и тусклые цепочки, и яркие в беспорядке на отдалении. Что там внизу – то ли край Жаровихи, то ли дальние выселки Маймаксы? Огни и светлячки, силуэты и бледные сполохи величаво плывут во тьме по непонятной траектории, всё отчётливей и ближе, и, наконец, угадываешь мутный глянец на изгибах Юраса, и воспалённые фонари

нефтебазы, и далеко-далеко высотки Привокзалки, а под крылом уж точно – Талажское шоссе...

Так и тут. По международным правилам каждое судно «от захода до восхода солнца» обязано стоять или идти под огнями. Для «судов длиной 50 метров и более с механическим двигателем», как минимум, обязательно пара белых топовых огней на мачтах, по корме – белый, по левому борту – красный, по правому – зелёный. Топовый огонь обязан освещать непрерывным светом дугу горизонта в 225 градусов, бортовые – в 112,5 градусов, кормовой 135 градусов. Ни больше, ни меньше – требование МППСС! Топовые огни должны быть различимы с шести миль, бортовые и кормовой – с трёх...

На перегоне «в условиях ограниченной видимости и ледовой обстановки» следуют три ледокола, семнадцать речных «самоходных средств» и три буксира-спасателя. Помимо предписанного, все и каждый из них оснащены прожекторами, несут огни наружного освещения палуб, а также источают свет внутренних помещений через иллюминаторы. Вот и представьте общую картину! Действительно, «город» плывёт по проливу Вилькицкого!

Атомный ледокол «Россия», дизельный «Капитан Сорокин» – они впереди всех. С их марсовых и прожекторных площадок в загустевшую лиловую воду упираются концентрированные лучи света. Зажжённые лампами тысячеваттных мощностей, они вонзаются в сумрак и, прежде чем увязнуть в нём, рассекают пространство на три-четыре километра. Лёд сильно разрежен, нет надобности таранить его форштевнями. Флагманы лишь выбирают среди дрейфующих льдин наиболее широкие коридоры чистой воды. По ним и ведут своих подопечных. Иллюминаторы ледокольных надстроек будто окна многоэтажных домов. Ещё один ледокол – «Мудьюг» – тоже «многоэтажка» – работает чуть дальше и будто бы в стороне от основного строя...

Непривычная картина: на мостике вахта и ещё человек пять. Вахта при своём деле. Остальные стали там, где не смогут ей помешать, молча и неотрывно глядят на встречный караван. И нет в том праздного любопытства. Скорее сказывается усталость от долгого рейса. Он у нас и в самом деле затянулся. Судно в море – у всех вахты. Кому есть дело до суеты нескончаемых волн или же тусклых полярных берегов? Свободные от вахт предпочитают спать. А в конце утомительного рейса, когда, кажется, и время-то замедляется, днём порой подступает смутное беспокойство, а во сне тревога, тогда и шутки стихают, и даже приятельские разговоры иссякают сами собой. И все надеются отыскать, увидеть в безучастной бесконечности встречный

корабль, и берега, даже чёрствые и безжизненные, вдруг начинают звать с неодолимой силой...

Не видим мы их очертаний, конечно. Сколько до Челюскина? Миль десять. Мыс не различить и в бинокль – растворился в сумеречных кулисах.

– Что это он? Будто в обход крадёт... – Юрий Владимирович тоже обратил внимание на периферийное место «Мудьюга».

Вахтенный штурман постоянно считает дистанцию, а на экране локатора ему лучше виден общий строй перегона:

– У «Мудьюга» свой караван...

Параграф 9.4 «Проводка кораблей ледоколами»: осуществляется в составе каравана, простого или сложного... В данном случае он сложный – сразу три колонны. Одну из них, дальнюю от нас, и ведёт «Мудьюг». Возможно, ему доверили наиболее слабые на корпус суда, и там, ближе к берегу лёд разредело...

Названия судов, даже ближних к нам, в полумгле не прочесть и через бинокль. Можно попытаться определить их тип... Скажем, танкер выдают характерные конструкции труб на палубе, серию сухогруза можно определить по грузовым кранам или же стрелам. Труднее с балкерами «река-море» – очень уж схожий дизайн. А вот и они – в блуждающем кильватере за «Россией». «Волго-Балты» или «Амуры»?

Лучше, чем кто-либо из нас, в «речниках» разбирается электромеханик судна Геннадий Алексеевич. Он тоже на ходовом мостике. Передаю ему бинокль. Он смотрит, вглядывается с полминуты и заключает:

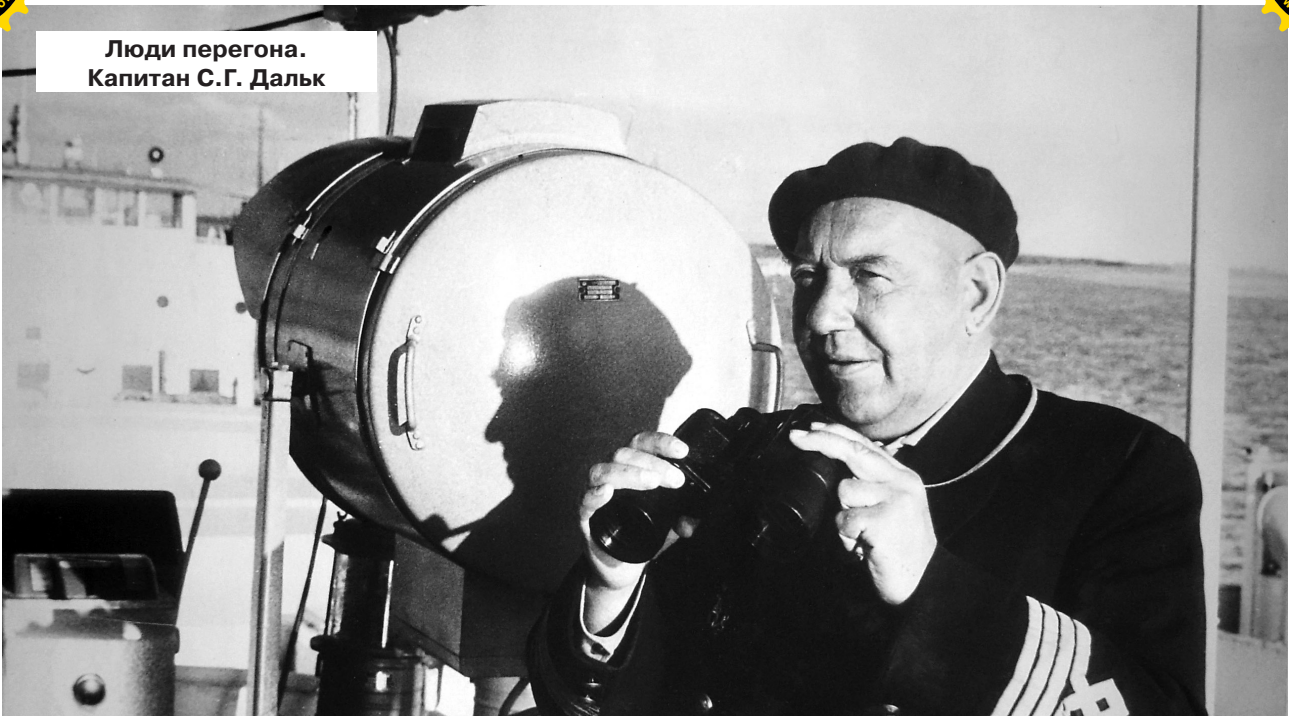
– Новьё... Врать не стану – словацкие «Амуры»... Надёжные корытца...

У Геннадия Алексеевича невесть отчего, странность – уничижительно именовать корытцами все речные суда. Даже те, что смешанного типа плавания «река-море», он упрямо и по-своему относит к обидно звучащему классу. И для теплоходов последних лет постройки, с усиленным корпусом, с машиной в полторы, а то и в две тысячи лошадиных сил, он не делает исключений – корытце и всё тут!

Видел я эти «Амуры» на петрозаводском рейде: в самом деле – крепкий корпус, двойные борта и днище – таким разреженный или однолетний лёд не так страшен, как их предшественникам – «Волго-Балтам». И всё же по Геннадью Алексеевичу – корытца...

Переключка огней слева по борту, голоса в эфире. На мостике нас человек восемь, но нет лишних разговоров. Штурман у локатора, время от времени отстраняет лицо от тубуса и докладывает капитану дистанцию. Юрий Владимирович и в жизни молчалив, и сейчас слов попусту не тратит. «Красин» выбрался

Люди перегона.
Капитан С.Г. Дальк

к широким разводьям. Мы нацелились на корму «Усинска», сильно не рыскаем, ровно идём.

Лишь на канале связи суетно от искажённых мелким потрескиванием фраз наяновского каравана. Ведущие и ведомые аукаются друг с другом, первые усвоили начальственные интонации и торопят отставших. А тем и роптать нет особого повода – лёд не сплошной, форштевнями битый, к тому же его подрастаскало, и нет нужды в него упираться. Крути штурвал, смелее правь в проход, который шире – так флагманы думают. Но и «речники» голов повинных не несут, на тонкий корпусной металл всегда им можно сетовать, риск не всегда дело благородное. Главное – идут...

Похоже, только «Россия» чуть занервничала, постоянно запрашивает: «Тритон», ответьте... А тот упорно не отзывается. Уж не наш ли архангельский спасатель «Тритон» не слышит флагмана?

Громче вклинивается наш учтивый проводник:

– «Пионер Онеги», я «Красин»... Слева будет пассажир-речничок. Хода не имеет. Смотрите, чтоб не поднесло к вам, не то раздавите «малыша»...

– Вас понял. Не раздавим...

«Корытцам» осталось с десяток миль до чистой воды. В медленном хороводе мерцающих огней вслед за ледоколами они устремились на восток. Мы же идём за «Красиным» на запад, встраиваемся в пространство, которое часом раньше одолел ордер наяновского перегона. Вот и куски разбитой ледоколами перемычки, сразу в несколько полос. Течение вытянуло их поперёк курса ордера, и

пара «ОТ» – озёрно-речных буксиров-толкачей с высокими надстройками-колоколками, бродят в них, как по лабиринту, пытаются отыскать проход...

Ага! Вот и «пассажир-речничок» с грустным аварийным огоньком на мачте, воткнулся в льдину, ждёт помощи. В густеющих потёмках строй второй колонны ордера различается слабо, но всё же угадываешь – кто то уже отвернул к бедолаге... По силуэту – буксир 745-го проекта, из ярославских... Ближе, ближе... Так и есть – короткое название на фальшборте не различить, зато на чёрном борту по миделю аршинными белыми буквами – «Спасатель»...

Геннадий Алексеевич – ему очень близко к пятидесяти, он среднего роста, крепко сбит, плечист, из тех, кто всегда закатывает по локоть рукава, и никогда не застёгивает верхние пуговицы рубашек. По-мужски красивые, рабочие руки. Рыжеват и лыс наполовину. У него простое и круглое лицо, и главное в нём – глаза: голубые, добрые, всегда смеющиеся.

Старпом, в первый день представляя мне команду, сказал:

– Геннадий Алексеевич, электромеханик. На судне со дня приёмки теплохода в эксплуатацию. Наш реликт, боевое знамя, соломбал и большой оригинал...

Геннадий Алексеевич, при этом,нисколько не обиделся ни за «реликта», ни за «соломбала» с «оригиналом»...

Моряки, которые в экипаже со дня приёмки корабля на верфи, по негласной традиции имеют особый статус. «Крёстная матушка», которая на слипе бутылку шампанского о

Люди перегона. Обычные моряки на необычном переходе

борт бьёт, потом на суше остаётся. В «красном углу» кают-компании обычно висит её портрет, но сама-то она в море не ходит. В чём выражался «особый статус» применительно к Геннадию Алексеевичу, не скажу. Оригином же он был в нескольких ипостасях...

Одна из них – рыбалка, ей он уделял любовью свободный час. Для коренного жителя Соломбалы в том, пожалуй, ничего странного и не было бы, но Геннадий Алексеевич промышлял только с борта судна и только сетями собственной вязки – иного способа и снастей он не признавал. К тому же и рыбачил Геннадий Алексеевич исключительно в наших территориальных водах. «Этим отдаю дань морскому праву», – пояснял он свой принцип.

Ещё столь же страстно, как и рыбалку, любил он баню. Теплоход ремонтировался в Турку, когда Геннадий Алексеевич дожалтаки капитана на заказ небольшой электро-сауны. Финны изловчились и смонтировали её, потеснив душевые кабинки. Правда, заготовка и сушка берёзовых веников на всю команду с того дня стала прямой обязанностью Геннадия Алексеевича.

Наконец, в его лице экипаж имел диковинного рассказчика. Истории либо поучительные, а чаще повествовательные, из тех, что, кстати, имелись у него на любой случай корабельной жизни. Поражало, как умещались они в голове Геннадия Алексеевича в столь несметном количестве! Рассказывал же занятно: неспешно, ровно, последовательно, и вот удивительно – иной раз не понять, всерьёз или шутя – странная такая манера...

Мы ждали очереди на разгрузку у мыса Косистого в Хатангском заливе, когда свободным часом Геннадий Алексеевич рассказал эту историю...

4.

– Поверишь ли, батька мой с Няновым в самой первой экспедиции участвовал. До того он по Двине на буксирах шарашился, а тогда

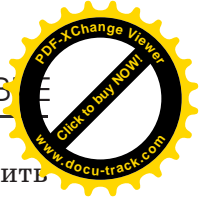
на перегонах стал пионером послевоенных пятилеток. Это ж год сорок восьмой. Потом два раза на Енисей ходил, пока его радикулит в крюк не загнул. Сначала гнал баржи-самходки германские, они нам по репарациям достались. Хорошие корытца. Но три из них, батька сказывал, всё ж утопили – у Русского Заворота море их поломало. Потом ходил он на финских самоходках – эти из новья, маленько чуток крепче. Всё ж отчаянные мужики были – на плоскодонках и по морю! А, кто решался?! Время послевоенное, на перегоне фронтовики собирались, много из бывших штрафников. Флотский порядок держали, но и бузили часто. Был у них в команде механик – три раза в танке горел, старшим лейтенантом войну начал, младшим закончил. Кулаки у него с трёхлитровую банку. Если б не они, так и порядка на корытце не видать, – так батька сказывал...

Я ж один перегон в биографии имею. Зато, считай, на самую дальность – в Николаевск – город такой, в самом устье Амура. Шёл на корытце типа «Морской», финской постройки. ГТХ и сегодня помню, как «Отче наш»: водоизмещение – 2695 тонн, два крана, три трюма. Брал 1700 тонн – генгруз, контейнера, лес в брёвнах. Машина – 1400 «лошадей» на два винта. По реке такие, врать не стану, ходоки хорошие, а для моря слабоваты, и корпусом, и машиной, хотя и «Морскими» по типу именовались. Ну, не совсем корытце, но всё ж речник...

Но на перегоны и слабже нас выходили. У шаланд-грязнух благо – корпуса изначально скроены удар держать, но машина такая, что во льдах с ней не пошарашишься. Или вот буксиры: железо у них по штату крепче. Так ведь речные они, буксиры – тоже не ахти! У танкеров-водовозок, перегоняли их в Тюмень, борт всего четыре миллиметра – маленько чуток толще консервных банок. Мы потом диву давались, как они ещё в Карском море не потонули! А ПТСки?! А черноморские сейнера?! Этих коротышек при сжатии на лёд выталкивало! Но туда ж – в Арктику!

Собиралась вся братия каждый год в Архангельске. У Краснофлотского столько корытца стояло, поверишь ли – сплошь двинское дно якорями утыкано! Под перегон Нянов свои причалы имел – пару или тройку, но на всех ему ж не хватало, он ещё и местные пристани арендовал. Нас, в паре с другим «Морским», поставили в Соломбале. Если по Маяковского к набережной выйти и маленько чуток вправо – там мы в два борта и жались с буксирами, один звался – «Кляйпеда», другой – «Балтийск».

Слыхал песню у Пьехи: «Где-то есть город тихий, как сон...»? Считай, про нас, про солломбалов зимой. Зимой-то мы, что? В море ж

не ходим, сидим по домам, треску с картошкой трескаем, а то и вовсе водку пьём. А по весне оживаем и насчёт работы шарашимся. Я тот год из мореходной школы вышел – начальный матросский разряд. Куда ж мне? Прознал про экспедицию. Отказа и быть не могло – в перегонных командах всегда большой некомплект. Начнём с этого. Штат на «Морском» – 16–18 человек, а на перегон набиралось от силы десятков. Поэтому вахты – шесть через шесть. Публика на большинстве корытец ещё та! По традиции. Кто в дальний каботаж ходил? Кого в загранку кадровики не пускали или вовсе списанные за грехи из плавсостава. Звали их в пароходстве «весёлыми ребятами»: дружба с рюмкой, бузотёры, алиментчики... Но не все, конечно, это ж я, считай, слишком загнул. Были и тёртые, опытные моряки. И романтики были, искали приключений... себе на пятую точку...

В предпоследний вечер перед отходом – все архангельские рестораны перегонщиков поили. Водки я тогда не попробовал – я ж самый молодой в команде, значит, мне и вахту стоять. Ух, гуляли! Зато весь оставшийся день старпомы из домов и подворотен своих соскребали. Соломбала в июле – под каждым кустом тебе – ресторан...

По следующему утру: трап – убрать, швартовы – отдать! Гуднули и пошли. Провожающие сыпанулись по набережной, в основном жёнки... Кому отход в радость, кому плач и вой... «Вася, люблю тебя, как ты меня!»... «Федя, много не пей!»... «Без денег не возвращайся, ирод!»... Всеобщее доходчивый лексикон.

Врать не стану, деньги на перегоне платили немалые. За риск. Кто ж на таких корытцах будет по морю шарашиться за спасибо?! Когда батька мой с Наяновым ходил, в Соломбале – сплошь частный сектор. Трудно жили: рыба, картошка, да что огород даст. Но если у мужиков руки из нужного места росли, да ещё ум водился, ставили они себе дома, новьё. Два перегона, и деньги на сруб в кармане. А кто с рюмкой дружил, ещё по дороге домой пропивались. Примерно ж так и у нас было...

До Канина за двое суток дошли – море штилелое, а завернули на Колгуев Баренцуха маленько чуток запокачивала. Кильватер нестройный – корытца туда-сюда ёрзают. Паровики тогда ж на угле кочегарились, в основном буксиры финские, штук пять – аварийный эскорт. Уйдут они подальше, и картина, как на японской войне – думы над горизонтом. Цусима!

В Бугрино на Колгуеве, сказывали, обычно остановка. Но мы не стояли, и не видал я этого Бугрино. Приказ от Папы: пока крутой волны нет, проскочить до Вайгача.

В Баренцухе такой момент ловить нужно...

Наянов Фёдор Васильевич – это Папа всем перегонам. Мы промеж собой так и сказывали: «Папа на связи»... «Папа решил»... «Папа прислал»...

Это ж глыба! Безмерно его уважали. На штабном судне в рубке кресло ему поставили, под рост и комплекцию, и повыше. Даже капитан в него не садился, знал – святее святых – Папино кресло!

Наш «Морской» в Соломбале стоял бортом к «Балтийску». Как-то подскочил к нему портовый лоцман, паровичок. Тогда ж первый раз и увидел его, Папу нашего. Здоровый, объёмный дядька – шея крупная, голова на ней тоже солидная – фуражка с кокардой прочно сидит. Кажется, был он в чине капитана II ранга. Офицерский реглан, сапоги по самое колено, на мостике по-моряцки ножищи расставил...

Мы ж на палубе с аварийным добром шарашились, концы бухтили... Иван Дмитрич, механик наш, в больших годах был, и, считай, в четвёртый перегон шёл, вылез из люка, глянул и нам, с обожанием:

– Папа дело замышляет...

Почти, как в кино – «Тихо! Чапай думать будет!»...

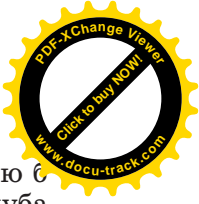
Потом видал Наянова на спасателе. Это ж когда борт у нас треснул, и мы с «Капитана Афанасьева» погружные насосы брали... Где какое ЧП – Папа всегда там. Никому рисковать не поручал. Сам спасал! Полушубок с капюшоном, из-под капюшона – козырёк, на груди бинокль командирский, кожаные перчатки вроде краг – как есть, полярный капитан. В матюгальник коротко и ясно, и аккуратно...

Из себя его вывести, так сказывали, невозможное дело. Хотя воевал он – было, где нервишки распатать... Кремь! Замечание мог сделать строго, выговор или внушение, но чтоб на крике... Нет! А ведь когда припирало, мужики не сдерживались, как есть – матом! Хотя всё ж народ тогда к культуре тянулся. В целом...

Батька мне сказывал – дали Папе Сталинскую премию – 100 тысяч. Он всю её потратил на детский садик в Москве. Такой человек...

Пока ледоколов ждали, топтались у входа в Югорский Шар. Есть такой посёлок Варнек, даже не посёлок, а становище – напротив его с неделю стояли.

Слово «чейндж» впервые услышал на Вайгаче – обмен, означает. Были на перегоне, кто выменивал у местных пыжика на водку. Ненцы, они ж доверчивые, как дети! Этот пыжик потом на барахолке шёл втридорога. Спекуляцией пахло. Крутили её оборотистые ребята – измаильцы, киевляне, одесситы – они свои буксиры-толкачи на Обь перегоняли,

и таким приработком не брезговали. Мы ж, северяне, стыдились. Моряк торгового флота не должен быть торгашом – так мне старпом сказывал.

Съездили на берег. Посёлок маленький, очень грязный. Много пьяных, а жители, считай, все. За домами несколько чумов. Не видал их раньше. Заглянули в один. Сумрачно, дымно, смрадно – дух тяжёлый, как от ворвани. Больше в чум, где б ни был, не заходил. Всю охоту тогда ж отбило...

На корытце в перекуры кофе растворимый пили – остался в артелке от команды, которая наш «Морской» из Турку гнала. Пахучий продукт. Пьём, а делать нечего, мечтам предаёмся – у кого, что...

Моторист Генка Мурмаш, из Мурманска он, потому и Мурмаш, а фамилию не знаю. Любил Генка рюмку поднять, а на машину себе копил. Сказывал, мол, хочу на розовом «Кадиллаке» развезжать. Как Элвис Пресли по Майями! Это, считай, Генка по Мурманску на розовом «Кадиллаке»!

Развлечений на борту – никаких! Домино надоело, в карты ж нельзя. В команде, кто спит, кто детективы читает. Боцман сел новую сетку-бредень вязать. Женька, второй моторист, в Архангельске на Поморской купил гитару, по самоучителю гаммы щипает – поклялся к Николаевску «Амурские волны» разучить.

Повариха наша Анна Семёновна – одинокая, хоть нестарая жёнка. Очень любила Леонида Утёсова. Был у неё проигрыватель и куча пластинок с его песнями. Она ж их в каюте на полной громкости крутила без конца. Поставит в двадцать пятый раз: «Друзья моряки подобрали героя. Кипела волна штормовая. Он камень сжимал посиневшей рукою и тихо сказал, умирая...»

Мы ей:

– Семёновна, ты бы пластинку сменила...

Она ж рада стараться, новую заводит: «Напрасно старушка ждёт сына домой. Ей скажут – она зарыдает...»

Такая тоска брала! Скорей бы дальше, да ледоколов перегону не давали...

По Карскому морю лёд круглый год шарашится. На ходу он и нам встречался, но старый, разреженный. Повезло. Летом, сказывали, носит его кругалями по часовой стрелке, но много садится на отмелях, за берега цепляется, забивает заливы и устья. Так то ж забота для корытца, что вправо, на Обь отвернули, а нам дальше – на Диксон.

Бывалые наперебой: вот как придём на Диксон, так... Вот, как съедем на Диксон, так... А что так, не сказывают, и мне не ясно. Потом понял: один писем ждёт, дру-

гой по рюмке скучает, третьему на живую жёнку глянуть. Поднадоело море и палуба валкая...

Пришли на Диксон поутру. Туман, что овсяный кисель. Днём маленько чуток рассеялось: кругом сопки жёлтые и бурые, в складках снег грязный. С воды посёлок – кучки домиков в беспорядке... Вельбот спускать не полагалось. Боцман, ещё в Солломбале, раздобыл ялик, с мотором вроде «Ветерка», на 8 сил. Съехали свободной вахтой, в два приёма...

Но не мы ж одни на Диксон съехали, с других корытца тоже. Шарашится по Диксону две толпы, та и другая с мешками – одна у почты, вторая – у магазина. Ясно, у какого магазина и зачем. Водку продавали с одиннадцати – закон такой. А мужикам невтерпёж рюмку поднять. Ждут, переживают, как кони, копытами бьют. Наконец, пришла жёнка, это ж ровно в одиннадцать, скинула амбарные затворы-запоры:

– Товарищи! Спиртное в руки только по одному ящику...

Загудел табун товарищей, как это: героям Арктики, а только по ящику?! Тут, как из-под земли, мильтон нарисовался, кобура на заднице – всеобщее доходчивый аргумент. Притихли герои Арктики...

Смотреть на Диксоне, врать не стану, не ахти что. Памятник Бегичеву, памятник Тессему – все достопримечательности. Пошарашились мы от Тессема до бухты Кладбищенской – так называется, и на всём унылый вид... Хотя нет! Над Клубом полярников яркое пятно – плакат по Мичурину – «Взять богатства Арктики – наша задача!»...

Камень везде, ряжевые пирсы, то там, то сям баки нефтебазы, остров Конус, это ж посреди главной бухты, на нём кучи угля, что и элеватор с краном едва выдать. На соседних островах – домики, антенные поля, бочек изпод горючки видимо-невидимо! Не понять, вояк хозяйство или полярников? Рейд весь корытцами заставлен...

Толпа рассосалась, мы и почту, какая пришла, забрали, и в магазин привернули. Поверишь ли, шаром покати! А водки и спирта – залейся! От прежнего завоза остались галеты и консервы олени – вся закуска! Новый завоз на Диксон не прибыл. Взяли консервы, галеты, каждый по ящику водки. Мильтон, который с кобурой, помогал до ялика провизию нести...

Дальше Диксон я только с воды и видал, а ребята с другой вахты на берег съезжали. На якоре пару дней мы постояли, такелаж поправили, как от Папы приказ – «крепи походному» и к Вилькицкому! Первые ж корытца на сутки-полторы раньше ушли, мы – за ними...

Остановка парусно-моторных
логгеров на Диксоне

До шхер Минина лёд не ахти – нилас и блинчатый. Но глядь – оттуда, с пролива, одного бедолагу с помятой мордой буксир потянул, потом второго – притоплен, корма кверху, вместо винтов обрубки, а руль скособочило. Тогда замандражировали маленько чуток, а там и разреженный многолеток навстречу. Туда-сюда сунулись – без ледоколов гиблое дело – не пройти. Штуки четыре их с нами работало. Я ж запомнил – «Ленинград» из Владивостока и «Ленин», наш первый атомный. Друг на друга похожи, так вначале показалось, но «Ленинград», конечно, меньше.

Врать не стану, не атомный, просто линейный ледокол мне тогда в диковинку. В Архангельске я видал, как ледоколы-номерники шарашатся – лёд на Двине колют – короткопузые, и трубы у них длиннющие, а силёнок-то не ахти – без разбегу перемычку им не взять – они ж паровые, дореволюционные! «Пронька» и «Петька» – так «Василия Прончищева» и «Петра Пахтусова» прозывали, они хоть и сильнее, и на дизелях, но не линейные...

У Норденшельда, сколько глаз хватает – лёд, лёд, лёд. Ладно б разреженный, влево, вправо свернуть можно, нет – матёрый и сплошняком. Не нашему ж корытцу с ним бодаться! Крикнули Папе: стоим! Часа не прошло, глядь – вырисовывается из тумана не корытце, не корыто, настоящий линейный ледокол! Сила! У «Ленина», считай, та-

бун 40 тысяч лошадей в сталь заковано! Форштвень тупой, подскошенный, прёт, как утюг – носом льдины подминает, за кормой глыбы кувыркаются! Ни трубы, ни дыма, антеннами и прожекторами весь утыкан... Ух, залюбуешься!

Пробил он канал, мы сразу в него сунулись и часа три маленько чуток шарашились, ордер почти нагнали, всего полмили оставалось, как попали на отлив. На приливе льды разреживаются, в отлив, наоборот, их сжимает. Совсем худо, если отлив, течение и ветер попутчики. Так и вышло. Канала за ледоколом нет – забило ж его и отнесло куда-то. Ждать прилив, когда отпустит? Торос в кормовой подзор лезет, а в корме машина, и шевелиться не можем... Я на руле был, канал связи на полную ж работает – мне всё про всё слышать. Стоит перегон, с ходом одни ледоколы. Ругань, мат! С ПТСок «караул» кричат, на сейнерах и баржах-нефтевозках команды изготовились с борта на лёд прыгать...

Полторы суток то отпустит, то снова зажмёт. На третьем сжатии беда у нас вышла. Вперёд хода нет. «Полный назад» – хода нет. Подлегли на правый борт, крен 10 градусов. Мы снова к флагману: дайте ледокол...

«Ленинград» нас окальвал. Зашёл справа, с кормы, но маленько чуток ближе, чем надо, льдинурассёк, и левый обломок нам под правую скулу сдвинулся, рывком. А в нём старый кусок, торошенный, очень плотный! Правду скажут, не так страшны целиковые льдины,

**Мощный ледокол ведёт
через льды несамоходную
плавучую казарму**

как те, что ледокол наломал. Удар был мать-перемать! Всё наше корытце ходуним заходило. У «Ленинграда» таких застрявших, как мы, весь перегон – он дальше поёр, мы ж не сразу течь заметили. Ночь, метель вдруг, и вода в первом трюме прибывает. Врать не стану, растерялись, заорали по радио – что делать? Со штабного вахтенный капитан:

– Борт сами подставили? Так и затыкайте дыру своей ж...

Всеобщие доступный лексикон...

Сыграли тревогу, забегали. Сначала хотели балласт за борт откатать, чтоб нос задрать. Не тут-то! Трубы заткнуло льдом – пробка! Осушительным нельзя – в трюме балластом песок накидан – насос загубим. Аварийного ж, резервного нет. Вода прибывает. Если накопится полно, выдавит переборку со вторым трюмом, из гофры она, каюк всему корытцу. Схватились за аварийный брус, хотели им подпереть. Да короток он, аварийный брус...

Матрос Жорка Хек, фамилия у него такая – Хек, он вперёд всех в трюм бросился. Воды там выше головы, а не видно ж, откуда она... Он по скобам – вниз. Вода с шугой, а Жорка, в чём был, в том и нырнул! Кто видал, тот ахнул! Пока ахали, он ещё два раза нырнул-вынырнул, зацепился за скобы и обратно, наверх. Нашёл ведь дыру, прощупал! Старпом его схватил за ворот, на палубу втащил. Мигом Жорку в лазарет, одежду – долой! Растерали спиртом, он мычит – ему ж скулы светло. Ложкой челюсти разжали, влили полстакана, так и отпустило. Сказал, наконец, откуда хлещет... Старпом: нужен погружной насос, лучше – два. Запросили флагмана...

Сам Папа насосы привёз. Приняли с «Афанасьева» насосы, включили – автоматы судовой ГРЩ не выдерживают, вылетают! Мы рубильники на верёвки и внатяг. Сработало. А тут и механики пробку выбили – откатали балласт за борт...

С дырой повезло нам: в первом трюме и не так низко под ватерлинией. Если ж нос задрать, можно осушиться. Врать не стану, пришёлся б удар в корму, на машинное отделение, считай, каюк нашему перегону, прыгай

с барахлишком на лёд! Задрали мы нос, осушились. Дыра, точнее, трещина – длинная, но узкая – тоже неплохо – можно заткнуть. Но паклей всё ж не заделать. Чем заткнули, думаешь? Мешками холщовыми, бельишком – одеялами, простынями, наволочками. Всё на клинья и чопы. Потом настилы, опалубку смастерили, взялись за цементный ящик. Цемент, мешки с ним в полцентнера, жидкое стекло... Тяжёлая работа, нудная. Фильм «Время, вперёд!», видал? Так и мы с цементом. На всю жизнь его наглотался...

Папа нам в подмогу пару буксиров отрядил. Буксиры не ледоколы, но форштевни у них покрепче ж нашего. Стали они попеременно с разбега лёд бить – чтоб наше корытце в канале шаршилось.

К чистой воде два дня шли. Не видал я никакого Челюскина, никакого острова Большевик. В башке всё потемнело, смешалось, замутилось. В команде ж некомплект, и за двоих вкалываешь, и без перекуров. На аврале, кроме капитана, никаких начальников нет. Есть дыра в борту – её заделать надо. Даже научник, он с нами до Тикси шёл, всё прибором своим мерил чего-то, в блокнот записывал, и он мешки таскал, настил рубил, колотил...

Один Саня Петров сдрейфил. Саня этот нам сразу, ещё в Соломбале, не понравился. Общей компании чурался, всё особняком, и на складчину не ахти, прижимистый... Аврал сыграли, он в трюм не лезет, боится – вдруг борт или переборка треснет. Невиданное дело! Аврал! Боцман его матом, он ни в какую! Я ж ему морду хотел набить. Капитан:

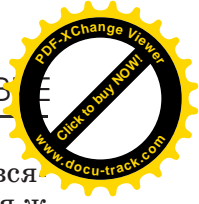
– В Тикси Петрова спишу...

Не списал. Старпом уговорил. Шёл Саня до самого Николаевска. Вахты стоял, но никто из нас ему расположения не выказывал. Был он сам по себе стрессом побитый – спал, не раздеваясь, и спасжилет ему вместо подушки.

А дыру нам ещё в Тикси заварили...

Пока в Тикси шли, подвернули к Хатанге всё ж к берегу ближе. Красивые места! Поверишь ли, и дико, и красиво. Если время есть, налево-направо глазеем. Нерпы, моржи, а повезёт, так и белый мишка покажется. Бакланов не видали. Чайки небольшие, так и то – одна или две, чистики или мелкота какая, вроде пуночек – полярных воробьёв. Однажды прилетела полярная сова. Села на мачту, запышкалась. Ух, и здоровенная! Перья распушила, глазищами мыргает. Красавица! Для многих в диво. Собрались на мостике, глядим...

Научник, который до Тикси шёл, вдруг выскочил из каюты с мелкашкой – бах по сове!

– Ты чего, дурья академия!? – старпом хватя его за руку. – Одичал?!

У некоторых мозги и впрямь ехали, но позже, когда Чукотским и Беринговым шли. Тоска не тоска, а считай, всё не в радость: и птицы, и моржи с медведями, и даже берег. Женькиной гитары почти не слышать. Очень устали! Море всех одинаково испытывает, да люди ж разные! Штурманец Витёк заговариваться начал. Ещё одному матросу жёнка мерещится, якобы ходит ночью у трюма № 2 с пожарным багром... Он к старпому:

– Сергей Петрович, почему моей жёнки в судовой роли нет?

Старпом бывалый, но деликатный:

– Обознался ты, не твоя жёнка, а повариха наша Анна Семёновна. Не спится ж ей, она учебную тревогу репетирует...

Сказывали: на других корытцах кое-кто и за борт кидался, и в петлю слазил...

Сам Тикси не очень запомнил. Если глянуть с рейда, порт как порт, небольшой. Сопки кругом, пасмурно, тоскливо. Да и некогда ж глазеть – борт крепить надо. Всё работали. В посёлок нас перед отходом отпустили. На улицах – ни деревца! Мох и травка кое-где – вся зелень! Дома деревянные, обычные. На дорогах шлак, пыль. У столовки видал бичей, сказывали, с ленских приисков. Трезвые они, но рожи дикие, страшные! Таким человека зарезать, что в носу ковырнуть. Вот и весь Тикси... Нет! Врать не стану, я ж молодой был, на жёнок глаз успел положить – якутянки-полукровки – ух!

Да, чуть не забыл, чего Жорка Хек устроил! Он хохмач, балабол языкатый, на жёнок падучий. Весь перегон знал, Жорка ни одну юбку не пропустит. На словах. И собаку не пропустит ни одну. Собак жалел. В полярных посёлках их много бродит. Жорка, накупит в магазине хлеба, тушёнки и всякую угостит, накормит. Когда из Тикси уходили, их на причал сбегалась сотня, не меньше. Это ж представь, как собачье стадо завывало!

Чукотку, Мыс Шмидта, Берингов пролив, считай, не видел их. Льда почти не было, но ход сбавили. На вахтах – туман, туман, туман, а после него – только спать и тянуло. И дальше, до Петропавловска Тихий океан, таким и был – тихим.

Алдан – посёлок небольшой, сумрачный, неопрятный. Чукчи там вперемешку с русскими. Передышку в Алдане небольшую сделали и сразу пошли на Петропавловск. От перегона ж не ахти – треть корытец осталась – одни на Обь, Енисей, другие на Лену завернули, и на Колыму были ходоки.

Ресторан в Петропавловске назывался – «Вулкан». Вот где перегон спиртным залился – по самые уши! Но организованно, в порядке живой очереди. Пока на рейде якоря броса-

ли, о том сговорились. За четверо суток всякий в «Вулкане» отметился. Я тоже. Меня ж ребята неживым на борт грузили. Ох, и ругал меня старпом! Умел наш Сергей Петрович распекать – и не матерно, а глаза не знаешь, куда прятать. Башка тяжёлая, на все голоса гудит, и всякое слово молотком по мозгам, и стыд жжёт, и мысль одна – умереть бы!

А Женька, гитарист наш, к Петропавловску совсем притих – утомился «Амурские волны» выщипывать. Будто чувствовал, какие волны нас ждут!

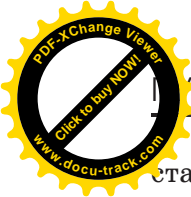
Камчатку обогнули и в Охотском зашторовали. Показал океан, какой он тихий! Сколько суток мордой волне кланялись – со счёта сбились! На руле одна задача – не стать лагом к волне. Подставишь ей борт, вмажет, и всему, что нагородили в первом трюме – каюк! А корытце по швам разойдётся – майнай спасательный вельбот.

Ничего в рот не лезет – это ж само собой. Анне Семёновне большой праздник вышел, если б и её качка не свалила. Как в её любимой песне: «Товарищ, я вахту не в силах стоять...» На весь день склюёшь чего-нибудь из сухого пайка, зальёшь сверху чаем, а то просто кипятком. После вахты – сразу в койку, маешься уснуть, забыться. Никак не получается...

В кают-компании всё барахлишко вытрянуло, оно туда-сюда по стёклам ездило. Мы корытце принимали, кое-какое добро на него по описи полагалось. Значился в ней чайный сервис Ломоносовской фабрики. Сервиз уберегли, а свою посуду нет. Чай пили из жестяных кружек, у кого были, а то из баночек, такие аккуратные баночки из-под конфитюра, граммов на 250...

Рядом по корме каботажный теплоходичко держался, пассажир. У него в кают-компании пианино. Оно ж на колёсиках! Ребята потом сказывали – всей командой «Красный Октябрь» ловили, шаршились...

Связь – не ахти – часто обрывками, но услышали – из перегонных на камни паровую шаланду кинуло. Буксир хотел корытце стащить, днище себе вспорол. Крикнули спасателя из Анадыря, назывался «Диомид». Пока то да сё, команда с шаланды на берег перебралась – хотели жильё искать. А места ж дикие! Матрос один ноги поморозил, другой насмерть – не июль-август. В море даже снег налетал. Хлестнёт заряд, в бинокль берега не видать. И локатор ко второму месяцу погрешностей накопил, а главное – антенна заледеенеет, он слепой. Надо ж как-то отогреть или лёд скалывать. А валяет – на ногах, если стоять, только нараскоряку... Кто наверх полезет? Этих умотало – блкуют, эти с фурункулезом без сил. В полуживых – капитан,

старпом, механик и я. Капитан на руле. Механик в машине. А больше некому. Фалом обяжешься и попеременно со старпомом лазишь...

Старпом наш – золотой человек! Сергей Петрович. Мозги мне вправлял постоянно, в нужном направлении. Не в обиду на него – мне ж он как второй батька. А если батька прав, чего обижаться?! В мореходной школе нам не ахти что давали. Сергей Петрович меня научил на руле стоять, и грамотёхе навигационной, и карты бегло читать, и пеленг брать. Оттуда ж всё, его курс! Одинокий был человек. В семье у него не ладилось, оттого на перегонах и пропал. Наянов старпома лично знал. Ценил! Когда борт у нас треснул, Папа всё бросил, сам на выручку пошёл. Не скажу, какая у Сергея Петровича затыка с дипломом вышла, но ему б капитанить!

Капитан наш был ленинградцем, из блокадных сидельцев. Привычку имел – день ли, ночь ли, а во всяком кармане у него по сухарю. Понятно – на весь остаток жизни наголодался. С перегоном шёл первый раз, на старпома во всём полагался. Не хам, не самодур, но молчун и на лицо всегда хмурый. Люди к нему не тянулись. Не то, что к Сергею Петровичу – он и выслушает, и подскажет, и ободрит, и подменит. А случись что на корытце, вину подчинённых на себя брал. Благородный человек! И погиб благородно – за жёнку вступился. Это ж в другой год. В Анадыре уголовщина со сталинских лагерей водилась. Ребята сказывали, ночью пырнули его ножом, утром нашли старпома, а днём весь перегон вельботы на воду смайнал и на берег кинулся. Тряхнули Анадырь! Вперёд мильтонов всё прознали, кому следует, рожи отрихтовали. Но человека ж не вернуть! Врать не стану, одним добром помню его, Сергея Петровича.

И других с перегона помню... Ивана Дмитрича – нашего стармеха из Петрозаводска. Стармехов на флоте «дедами» прозывают, мы ж его – Дедом в квадрате. Он с финской по срок пятый воевал. И ранен под Суоярви, и на Свири контужен. Дельный мужик, строгий, обстоятельный. В дочках своих души не чаял, на кооператив им зарабатывал. Не знаю, жив ли, помер ли, но в море наверняка не ходит...

Катается ли Генка Мурмаш на розовом «Кадиллаке», тоже не знаю. А тот год остался его «Кадиллак» в мурманском ресторане «Арктика» у «Пяти углов».

Витька-штурманца одно время встречал в пароходской конторе, с портфелем. Не пришлось ему море по вкусу – списался в береговые.

Анну Семёновну, как разъехали, больше и не видал. Сказывали, она потом ещё года три для соловецких туристов кашеварила.

На «Татарии» или «Буковине», точно ж не знаю. Помню, помню её: у плиты весь рейс. Поварской колпак высоченный, салфетки, скатерти выстираны, наглажены, накрахмалены. Всегда! На авралах, считай, пылища, грязища, пот ручьём. А ещё подумаешь, садиться ли к Семёновне за стол небритым или в несвежей рубашке. И когда только успевала чистоту наводить?!

Жорка Хек. С виду – никчёмный человек – шут, бабник, трепло языкатое. А ничего ж не боялся! Ни кулака, ни работы. Как где драка намечается, он там! А кто тогда первым в трюм нырнул? Жорка Хек! И сердце имел мягкое. Разве ж злыдень бродячую животину пожалует?!

Народ на корытцах разный, и наше не исключение. Всякое случалось, но обид не держу. Даже Саню Петрова, труса и жмота, морду ему хотел набить, помню и не злюсь...

В ясную погоду старпом локатор выключит, лезу я на пеленг-площадку поглазеть – она ж метра на три выше мостика, оттуда почти весь перегон видать.

Ледоколы – в голове шагают. Бойцы-тяжеловесы! Им первыми удар держать, лёд крошить, канал рубить. Спасатели – наш эскорт. Как пионеры – всегда готовы! На штабном Папа – Фёдор Васильевич Наянов всем перегоном рулит! Самоходки – сухогрузы, танкера, белые рефы-морозильщики в кильватер ему шарашатся. Вперемежку – шаланды, сейнера, ПТСы, мелочь всякая пышкает, от больших не отстаёт, а тюменские баржонки и всех льдом покалеченных буксиры тащат. Все меж собой перекликаются, беседуют...

Корытца разные, и люди на них разные. Но дело ж одно делают. Край света – Арктика! Туманы и льды, живого не видать, от берега не всякая птица долетит, и по связи порой до обитаемых мест не докричатся!

Поверишь ли, иной раз гордость брала – перегон, он, как живой остров в океане, от страны на время откололся.

И ведь в нужном направлении плывёт!

5.

Само по себе плавание в океанах простым не бывает. В Ледовитом – трудности отыщутся непременно, это с гарантией. Поэтому в одиночку транспорты во льдах практически не ходят. Впрочем, и для арктического каравана правила особые, иные их абзацы писаны слезами и кровью. И есть логика в том, что понятия и термины конвоев войны и ныне живут в распорядке ледокольной проводки. Скажем: ордер, строй фронта или уступа, воздушная разведка, штаб операций... Там караван в океане с грузами ленд-лиза –

**Спасатели и буксиры
сопровождения Наяновских
экспедиций обычно
базировались у причалов
Соломбалы**

транспорты в несколько колонн. Вблизи их прикрывают эсминцы, тральщики, спасатели, в дальней завесе – подлодки, линкоры и крейсера. Задача одна – дойти до порта назначения...

Здесь тоже перегон особый: несколько десятков, по сути, речных судов шествуют океаном в охранении ледоколов, буксиров и спасателей. Правда, нет в трюмах грузов, но есть большой риск и та же задача. Аналогов таким ледовым операциям в мире нет.

«Перегон – это чаще всего караванное плавание, – объясняет матери, чтобы унять её тревогу, герой Виктора Конецкого в «Завтрашних заботах», – Катится по морю целая гоп-компания разных судов. Единственная задача – пройти от пункта А в пункт Б. Всё. Как в четвёртом классе. Ни груза в трюмах, никаких других задач...»

К тому времени, как я впервые прочёл «Завтрашние заботы», мне уже довелось бывать восточнее пролива Вилькицкого, и здесь наше судно крепко зажимало. Сухогруз с корпусом ледового класса «УЛ» страдалчески скрипел, бычился своими шестью тысячами лошадиных сил и напор держал. В повести в такой же обстановке оказываются петрозаводские МРСы – шестнадцать метров в длину, пять в ширину, а в дизеле 80 «лошадей», в общем, сейнера-малютки... У них, как пишет Конецкий, «обшивка толщиной в ноготь» и район плавания – 20 миль от защищённого порта. А они идут-пыжятся за ледоколами в дальней Арктике...

Многое из нашей морской истории сегодня позабыто: что-то размылось случайно, а что-то стёрли с умыслом, особенно в «перестроечные годы». Вот так и с экспедицией специальных морских проводок по Севморпути. Иные переписчики истории на-

зывают их безумием, мол, вот ведь до чего додумалось тогдашнее правительство!

Что тут скажешь? Арктика – особая сфера планеты, и безумием можно назвать любое начинание здесь, со времён первопроходцев и по день сегодняшний. И потом, ещё неизвестно, каким словом через полвека назовут наши потомки всё, что творится с Россией после августа 91-го...

В 70-х прошлого века перегоны по Севморпути подвигом уже не считались, а считались трудной работой. К слову, в этом тоже есть повод, чтобы задуматься, насколько крепким, работающим и нравственно сильным был в ту пору не только моряк, а и весь наш народ.

Силуэт «Красина» маячит впереди: с ходу не смог взять перемычку, и теперь стоит – то ли передыхает, то ли просто задумался. Мы с «Усинском» ткнулись каждый в свою льдину и ждём, флагмана не торопим.

Живёт трудом суровым, тяжёлым и опасным Северный морской путь! А страна живёт без Наянова. Умер Фёдор Васильевич в 1986-м, похоронен в Москве. Экспедиции спецморпроводки в просторечии давно уже так и называют – наяновские.

Плывёт по Арктике сентябрь.

СПИСОК СПЕЦИФИЧЕСКИХ МОРСКИХ АББРЕВИАТУР:

ГЭСЛО – Главная экспедиция Северного Ледовитого океана
РДО – радиограмма
МППСС – международные правила предупреждения столкновения судов
ГТХ – главные технические характеристики
ПТС – промыслово-транспортное судно
ГРЩ – главный распределительный щит
УЛ – усиленный ледовый (класс)
МРС – малый рыболовный сейнер

Снимки из архива Олега Химаныча

г. СЕВЕРОДВИНСК

Федор Тайшин

Юлия НАКОВА

Во времени зимнего Солнца над озером Ур ёх лор

Мне очень повезло родиться среди прекрасного народа ханты, которому я многим обязана. Сложно сказать, кто кого выбрал: я его – он меня. А ещё мне повезло быть корреспондентом на ханты языке. Это заставляет быть мобильной, не бояться ни морозов, ни сильных ветров на Оби, ни бытовых неудобств, потому что изначально моим оленеводческим родом Сязи во мне заложен кочевой ритм жизни и иммунитет против трудностей. А ещё мне нравится русский язык, он сложен для меня в освоении и этим он меня ещё более привлекает.

Люблю первоснежье, люблю белые снега, потому что мне было даровано судьбой

родиться на их чистом январском полотне, а ещё обожаю щедрый праздник Нового года, потому что он собирает всё человечество, различных часовых поясов, континентов, рас и вероисповеданий в одно большое желание – Быть и Жить. А вот в один из дней предновогодья...

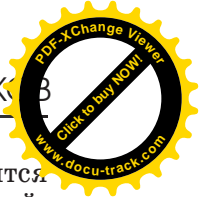
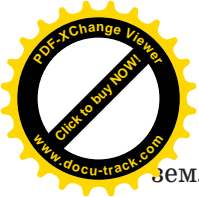
На Трэколе, разрезая утреннюю декабрьскую темноту, со съёмочной группой держим путь из Салехарда на сто пятьдесят километров вглубь Приуральской тундры, к семье оленевода-частника Фёдора Тайшина.

Покидая Аксарку, пересекая занесённые снегом Песчаные гривы, оленеводческие стойбища, спускаемся к реке

Полуй. Ещё совсем мальчишка-проводник Роман Тайшин указывает нам ехать по краю озера Ур ёх лор, ибо по всему пути нас сопровождала огромная полынья.

Вдалеке тончайшая, розовая полоска рассвета разверзла сизо-синее полотно неба, откуда цепляясь рыжими усами-лучами, на край тундрового горизонта село Его Величество Северное Солнце, в огненно-рыжих одеждах зимы. У меня было чувство, словно оно мне подмигнуло и радовалось, что я вижу его, а оно меня, что, несмотря на время декабрьской темноты, оно будет освещать мой путь.

Я впервые в этих северо-восточных Приуральских

землях, ибо моя родина – это западная, горная часть Приуралья.

На одном из участков пути наш Трэкол остановился для передышки. Я вышла из салона машины, чтоб ощутить, осязая и увидеть эту чудную, мне ещё неизвестную землю. И по заложенному в меня ханты обычаю, бросаю белые монеты в сторону зимнего Солнца над озером Ур ёх лор.

Преодолев немалый путь, мы заезжаем на реку Луп ёхан, что значит с ханты языка река Весел. И вот перед нами стойбище наших героев – семьи Антонины и Фёдора Тайшиных. Главу семейства и его старшего сына Романа, нашего проводника ждали дела в оленьем стаде, поэтому пятилетний Стас по-хозяйски водил меня по своим владениям. В традиционных ханты семьях – мальчиков с детства приучают быть мужчинами, умеющими нести ответственность за себя и свой дом. И по неизбежному закону тундры сейчас Стас за старшего на стойбище. Как оказалось, помимо его детских дел, у него есть весьма взрослые. При мне Стас колот дрова и его топор ни разу не промахнулся: «Отец с братом уезжают к оленям, поэтому у меня много дел. Надо Маме помочь: занести продукты, помочь наколот дров, собак покормить, всё и не переделаешь.

Мне интересно, как дети ходят в детский сад. Их там много, как оленей у меня.

Зыбкий декабрьский расцвет встретился с дневными сумерками. Мороз крепчает, а нашему герою Стасу в меховых одеждах всё нипочём. Отец соорудил ему качели. И белоствольная красавица берёза качает его в своих объятиях, и вместе сливаются в потоке детского счастья. Задумчивые ели вместе они со мною наблюдали за Стасом, ведь для них он каждый день устраивает такие представления, а они рады, что у них есть такой хозяин. **«Мои друзья это олени и собаки. Когда я уезжаю в посёлок, олени скучают по мне, а я по ним. Как я без них? Отец и брат меня катают на оленях, на снегоходах. Люблю смотреть мультики про Лунтика и про Барбоскина. Ну ладно, я пошёл. День-то короткий, а у меня очень много дел».**

На всё есть разные модели воспитания, но я думаю, мы все несём свет своего отчего дома и светимся этими лучами. Стас озорной мальчуган, который в свои пять лет прекрасно владеет родным языком, хорошо понимает русский. Мечтает учиться в школе: даже выучил счёт больше десяти. И совсем ещё в юном возрасте познал главное – любить свою землю и быть хозяином на ней, именно этому научили его молодые мама

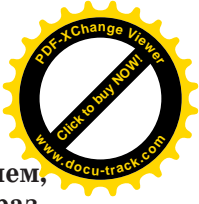
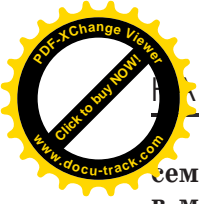
и папа. И в этом мне видится большая сила его родителей, которые, несмотря на свою молодость, своим сыновьям сделали большой подарок – жизнь в ритме ханты оленеводческих традиций, устоев, общение на родном языке и умение пользоваться родовыми знаниями и следовать по зимним и летним кочевьям рода Тайшиных.

Зимой стойбище Стаса находится в глубине восточной части Приуральской тундры, у реки Весел. А летом их кочевья достигают оконечностей Уральского хребта, далеко на севере, у вод студёного Карского моря. Так издавна и по сей день каслает род Тайшиных.

В современном, урбанизированном мире в погоне за более высоким статусом в обществе стираются многие гендерные различия, но наша Россия истари страна традиционных культурных ценностей, поэтому, как и в архаичных воззрениях ханты, так по сей день есть ясное деление мира на мужской и женский. Мама Стаса – Антонина Тайшина молодая, улыбчивая, с очень умными, красивыми глазами женщина. **«Я выросла в Панаевской тундре, в семье оленеводов Климовых. У меня есть братья и сёстры. В оленеводческой жизни женщине многое надо уметь, особенно шить одежду, обувь для**

Антонина и Стас Тайшины

семьи, ведь они не продаются в магазинах. Здесь важно не бояться: касланий, морозов, ветров, кочевого быта, и тогда всё получится».

В серебре зимнего рассвета слышен звук топора этой хрупкой, женщины. Её любящими руками сотворено не одно покрытие для их тёплого чума. Узором своего сердца она украшает одежды сыновей и мужа. Северные ветра далёкого Карского моря знают её в лицо и поэтому к ней благосклонны. Антонина продолжает рассказ: «Совсем недавно мы прибыли со стороны Карского моря. Обычно туда мы каслаем налегке. Там сильные ветра, комаров летом мало. А эта женская нарта – колыбель моих детей, кочевой дом моих детей. Она укрывала наших сыновей от непогоды у подножия священного Минисея».

В суровом тундровом времени и пространстве жизнь сама распределила главенство ролей. Часто кочевья оленеводов проходят через многие опасности – это и бурные горные реки, и время ледостава с открытыми полыньями, переходы через горные ущелья и только мужчина, знает безопасный путь по льду, по воде. И по суше, а дело женщины кротко довериться ему. В этом и есть гармония тундрового мира. «Возле Карского моря дров нет, одни кустарники. Там нас ждёт озеро Еманг лор – Священное озеро и гора Минисей. Это гора Оленьего счастья. К ней стремятся многие оленеводы, но она не всех подпускает. Мой муж умеет с ней разговаривать, поэтому не раз с сыновьями ходил к ней, а нам, ханты женщинам, нельзя на неё подниматься».

Чум наших героев такой же стойкий, как его молодые хозяева, он прошёл испытания ливневыми дождями, морозами и шквалистыми ветрами, но выстоял, потому что знает, кого оберегает. «В июне мы

каслали через ущелье. Вдруг налетел штормовой ветер с дождём, хотел разорвать покрытие и ворваться вовнутрь, но наш Чум, как и мы, многое видел и поэтому вытерпел».

Огненно-рыжее Солнце реки Весел ласкает взглядом хозяйку стойбища Антонину. Оно знает, что многие века в хрупких ладонях таких женщин согревается и живёт кочевой олений мир. Даже грозные северные ветра усмиряют свой пыл при виде её, потому что они знают, что не каждая женщина сможет каслать в этих дальних оконечностях Уральского хребта, а только та, которая понимает истинную ценность оленного мира и поэтому ей даровано хранить и зажигать кочевой огонь жизни рода Тайшиных у вод студёного Карского моря.

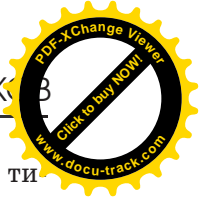
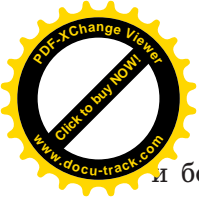
Короткий зимний день покрыл мир серебряной вуалью дневных сумерек. В тишине берёз послышались чистые звуки колокольчиков и хорканье оленей. Это брат Стаса – Роман с отцом пригнали стадо. Главу семейства звать Фёдор Ильич Тайшин. С женой растят троих сыновей. Издавна это тундровое Приуральское небо с проседью рассвета – небо кочевий рода Тайшиных. А река Весел каждую зимнюю осень в ожидании, когда на горизонте появится оленье стадо её сыновей. Фёдору всего около сорока, но его размышления о Жизни, о Маме, о Земле достойны прекрасного пера. «В этом году Обь очень плохо замёрзла. Мы перегоняли стадо между полыньями. А это неблизкий путь. Так жили мои предки, и сегодня каслаем по их тропам. Наш олений мир – это путь, проверенный опытом жизни. Хочу, чтоб сыновья мои продолжили этот нелёгкий, но прекрасный путь наших предков. Я забрал старшего сына из школы, когда он учился ещё в восьмом классе. Пусть лучше живёт по тундровым законам своих предков,

это проверенный путь, чем, окончив школу, в посёлке разменяет себя по мелочам на соблазны современного мира. И не поймёт ни той жизни, ни нашей».

Сегодня мы живём в потоке информационного перенасыщения, из-за чего нам сложно порой услышать друг друга и потому понять. Об оленеводах, рыбаках и охотниках в ханты народе говорят: «Имеющие птичий слух». На мой взгляд, они понимают тишину и в её звуках слышат пульс сердца Земли, и это подтверждают слова моего собеседника. «Наш дом это – горы, реки и озеро, где мы кочуем. Мы знаем их нравы. Например, озеро Ур ёх лор не хочет порой замерзнуть даже в январе, и мы с ним считаемся, иначе не один снегоход поломаешь. Природу надо уметь слушать».

Как-то у меня дома, в Салехарде, мы встретились с литературоведом Сорбонского университета Домиником Самсон Норманд де Шамбургом. Он считает, что оленеводы, охотники и рыбаки являются садовниками мира и именно они одушевляют ум Вселенной, потому что не попирают законов природы. Его слова подтверждает оленевод Фёдор: «Благополучие оленевода во многом зависит от природных и погодных условий. В этом году было прохладное лето, сухая осень, неглубокий зимний снег оленям хорош, надеюсь, и весна не подведёт. Мы связаны друг с другом. Жизнь частного оленевода нелёгкая, помощи ждать неоткуда. Тундра в последнее время изменила свой облик. Её тело исполосовано, нашими дорогами снегоходов и квадроциклов, и дышит парами бензина, ей тяжело, ей нужен отдых от влияния людей».

Кочевой путь наших друзей оленеводов к горной гряде Минисей и обратно составил около 800 километров. Шквалистые ветра, июньские метели, каслания через малые

и большие реки – попутчики оленеводов. Слабому человеку не по плечу такой суровый образ жизни, но вместе с этим я увидела и услышала столько сыновней нежности в словах Фёдора Ильича: «Скоро уже Новый год! Моя Мама Марфа Романовна Тайшина живёт в посёлке Белоярске. Ей 90 лет будет. Я часто её вспоминаю, как вместе каслали с ней через горные реки, как у самого моря нас застала июньская метель, а она укрывала, прятала нас с братьями в украшенной ею, женской нарте. Вот это сила – так далеко каслать в одиночку, где и нет никакой связи с миром. Даже мужчине тяжело. Хочу, чтоб она была здорова. Здесь плохо ловит сотовая связь, поэтому покажите нас ей по телевизору и передайте, что мы удачно вернулись со стороны Карского моря, благополучно прошли через горные ущелья и перешли через Обь. Она будет очень рада, эта земля её молодости. Спасибо, что вы приехали, пока сюда нога журналиста не ступала. Здорово, что вы тоже не боитесь, приезжаете к нам и показываете жизнь без прикрас и в телеэфире звучит речь на языках коренных народов. Значит мы есть, значит живы».

Когда семья собралась за столом, мы дали Стасу гостинцы в виде новогоднего подарка. На что Стас сказал, что родители запрещают ему конфеты, от них зубы портятся, и он так и не прикоснулся к подарку. Для нашей съёмочной группы это было удивительно и убедительно. Слово старших в тундре – закон.

Стало вечереть. Багряно-алые краски приуральской зари играли снегами реки Весел, а зимние сумерки снежным серебром окутали таинственное озеро Ур ёх лор. Стойбище Фёдора слушает музыку тундровой тишины и на ум приходят слова Мартина Хайдегера: «Человек не господин сущего, человек пастух бытия». И они звучат в унисон со словами нашего оленевода Фёдора, как предостережение: «Природу надо уметь слушать, а не бороться с ней».

Я стояла и молча смотрела на закат этого прекрасного дня, благодарила судьбу за такой подарок, за такую удивительную встречу, и очень хотела, чтоб дыхание этого дня успела захватить в своём фокусе наша видеочамера. Наверное, такими же рассветами и закатами любовались предки и наших героев, потому что в истории Российской империи ханты

род Тайшиных известен титулом княжения в Обдорском крае. С тех пор прошло немало времени, но, как и трудные, зимние каслания, так древние олени дороги и дело пращуров здесь есть, кому продолжать.

Ненецкий поэт Юрий Вэлло писал:

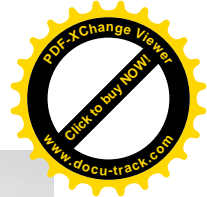
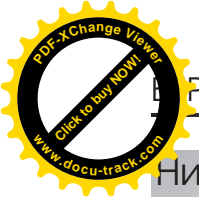
*Ты – родина твоя.
Ты родины своей глаза
И ум,
И совесть,
И сердце...*

Глядя на жизнь наших героев, слушая радости и боли одной лишь семьи из стойбища, видишь жизнь нашей России, у которой благодаря таким людям, как наши оленеводы, есть и ум и совесть и сердце, о которых писал поэт Юрий Вэлло.

Возвращалась обратно без проводника. Шли по широким следам Трэкола, но вдруг они пропали, затопанные тысячами копыт оленей. Для нас в темноте неприятность, потому что рядом с нами большая полынья, но наш водитель Александр профессионально справился, и я ещё раз убедилась, мне везёт на хороших людей. И в этом я сама себе завидую.

г. САЛЕХАРД

Николай КОКУХИН

ПАЛОМНИЧЕСТВО ПО ЕНИСЕЮ

Река

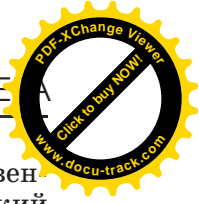
Мы, группа московских и красноярских паломников, совершили незабываемое паломническое путешествие по реке Енисей. Наш путь лежал в город Туруханск, жители которого свято чтут память двух великих угодников Божиих – святого мученика Василия Мангазейского и святителя Луки (Войно-Ясенецкого).

Дизель-электроход «Композитор Прокофьев» медленно отходит от причала красноярского речного порта. Город, раскинувшийся по обоим берегам Енисея и окружённый дымчато-серыми отрогами Саян, постепенно уменьшается в размерах и вскоре тает за кормой.

Погода благоприятная: на небе – ни облачка, очень тепло, лёгкий ветерок. Солнечные блики как бы танцуют на воде, которая кажется серебряной. Берега становятся круче, по ним наперегонки взбегают сосенки, стройные, желтовато-светлые с нежной зелёной кроной. А вот тёмные скалы, взметнувшиеся прямо из воды, поросшие мхом, лишайниками и лишь кое-где невысокими берёзками – диву даёшься, как они могли прижиться на голом неуступчивом камне.

Река делает поворот, и на берегу возникает небольшое село; дома срублены крепко, надёжно – из сосновых, потемневших от времени брёвен; крыши двускатные или четырёхскатные (если дом побольше); за домами – хозяйственные постройки и, конечно же, огороды – с ухоженными грядками и ровными рядами картофеля, капусты и других овощей, – деревня без огородов – это не деревня. Река для людей – как бы большая сцена, на которой всё время что-то происходит, и я сравниваю село со зрительным залом: дома, расположенные на краю обрыва, – это партер, всё видно, всё слышно, ни одна птица не пролетит незамеченной, амфитеатр – на взлобке, среди редких высоких, необыкновенной красоты елей, несколько избушек ещё выше – это уже балкон, отсюда виден не только Енисей, но и вольные таёжные просторы, раскинувшиеся на его противоположном берегу.

Я перехожу с левого борта на правый, потом обратно – одна картина сменяется другой, – движется вода, движутся берега, движется солнце – корабль всё бежит и бежит вниз по течению, за кормой вспененная винтами вода похожа на две светлые девичьи

косы, – смотришь, смотришь и никак не можешь насмотреться на дивную сибирскую красоту.

Осиновские щёки

Мы продвигаемся всё дальше и дальше на север. Енисей стал гораздо шире. Вода тёмная, в серебряных узорах. Небо заволокли низкие свинцовые тучи. Пошёл дождь, несильный, но частый – словно горсть песка бросили. Капли дождя залетают на прогулочную палубу, но паломники не уходят – стоят, облокотившись на перила и смотрят, как небесная вода встречается с земной: вражды нет, встреча мирная, дружелюбная – Енисей проявляет «христианское смирение».

Вскоре дождь прекратился, и небо посветлело. Это было очень кстати, потому что мы подходили к Осиновским щекам – одному из самых красивых мест на Енисее. Я поднялся в ходовую рубку, чтобы не упустить ни одной детали (здесь находилось ещё несколько паломников). Река на глазах сужается, а берега поднимаются. Мы входим как бы в гигантский тоннель.

Впереди – встречное судно, которое мы пока не видим.

– «Композитор Прокофьев» говорит, как будем расходиться? – спрашивает по радиации капитан Михаил Петрович Сизов.

– Разойдёмся правыми бортами, – отвечает встречное судно. – Я раньше вас прохожу щёки.

Михаил Петрович берёт в руки бинокль.

– Ага, вот оно...

Теперь уже и мы видим встречное судно: оно появляется из-за поворота и забирает вправо (глядя из нашей рубки), минует фарватер и на вполне безопасном расстоянии проходит мимо нас.

Я смотрю на эхолот: глубина под килем пятнадцать метров, через некоторое время – двадцать два, затем – двадцать восемь и, наконец, тридцать! Капитан сбавляет ход судна. Перед нами – остров Монастырский, настолько большой, что он заслоняет всю панораму, – непонятно, куда повернёт Енисей и что нас ожидает через минуту-другую.

– Будьте внимательны – приближается самый интересный момент, – говорит Михаил Петрович. – Вот-вот появится «Кораблик».

– Сухогруз или танкер? – уточняю я.

– Нет, это остров так называется.

Из-за поворота показывается нос «Кораблика» – высокого скалистого узкого острова; он как бы плывёт нам навстречу; на его вершине растёт сосна, она очень похожа на мачту; мы подошли уже совсем близко к «Кораблику», теперь можно хорошо разглядеть его тёмно-серые, отшлифованные ветрами,

дождями и снегами скалы, а также лиственницы, сосны, берёзки и мелкий невысокий кустарник на его крепкой спине.

– Право на борт, – командует Сизов.

Дизель-электроход плавно огибаёт «Кораблик», место очень узкое, берега стоят стеной, мы, затаив дыхание, следим за событиями, «Кораблик» уже миновал нас, а за ним – новый остров, совсем не похожий на своего соседа: низкий, длинный, от самой воды густо заросший растительностью – он похож на огромную баржу, которая везёт в город зелёные саженцы, – остров так и называется – «Барочка».

– Где такое ещё увидишь! – восклицает один из паломников.

Через некоторое время Осиновские щёки остаются позади, и река снова становится широкой, раздольной, вольной.

Туруханск

Чем дальше мы продвигались вниз по течению, тем становилось всё холоднее и холоднее. На палубе всего несколько человек, да и те надели свитера и плащи. Небо хмурое, неласковое; на реке (чуть не сказал – на море) волны с белыми пенящимися барашками – ветер разгулялся не на шутку; селений стало меньше.

В Туруханск мы прибыли поздно вечером. Но, несмотря на это, было светло, как днём – ведь до северного полярного круга рукой подать. Посёлок расположен на высоком крутом берегу. Песок у сходней ещё влажный – после весеннего паводка река постепенно входит в своё обычное летнее русло. На последнем, самом трудном отрезке обрыва, деревянная лестница – иначе и не поднимешься. Смотровая площадка переполнена народом – не так уж часто прибывает корабль с «материка».

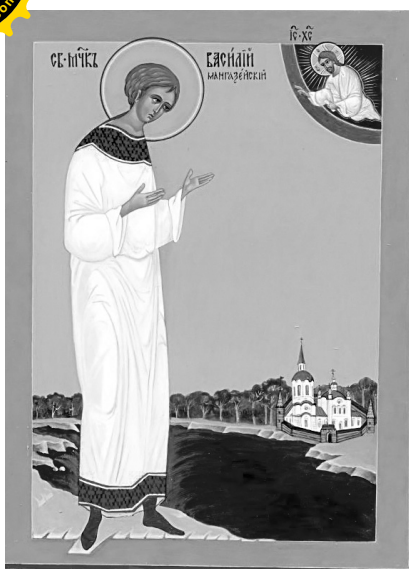
Нас встретил насельник Троицкого монастыря – иеромонах Софроний.

– Я буду вашим гидом, – сказал он, – и постараюсь, чтобы ваше пребывание в Туруханске запомнилось надолго.

На другой день он познакомил нас с обителью, а потом мы попросили его рассказать о святом мученике Василии Мангазейском, которого почитают не только в Сибири, но и далеко за её пределами.

Праведник

– Святой Василий родился около 1583 года в Ярославле, в семье небогатого горожанина, – начал свой рассказ о Софроний. – Когда он достиг совершеннолетия, то уехал в заполярный сибирский город Мангазею; сюда его пригласил один предприимчивый ярославский купец, пообещав ему место

управляющего торговым домом. В то время (конец 16-го века) в связи с активным освоением северного морского пути Мангазея переживала расцвет как центр торговли и колонизации (впоследствии город запустел и в конце 17-го века прекратил своё существование).

Кроткий и смиренный от природы, с детских лет исполненный страха Божия, Василий исправно исполнял свои обязанности и пользовался добрым расположением жителей города. Всё свободное от работы время он проводил в храме, а прийдя домой, читал духовные книги.

Однажды, когда угодник Божий молился в церкви на Пасхальной заутрене, хозяин обнаружил, что воры ограбили его лавку. Несмотря на зовы хозяина, Василий не покинул храм до тех пор, пока не закончилась Пасхальная служба.

– Ты – сообщник воров! – такими грозными словами встретил своего работника хозяин.

– Нет, я им не помогал, – тихо, но твёрдо ответил Василий.

– Врёшь, сукин сын! – взревел хозяин. – Почему ты сразу не пришёл, когда я позвал тебя?

– Я причащался Святых Христовых Таин.

Эти слова привели хозяина в бешенство, и он набросился на юношу с кулаками.

– Сознаться, где ты спрятал моё добро?

– Я не взял у тебя ни одной копейки, – кротко ответил Василий.

Тогда хозяин отвёл юношу к городскому воеводе, назвав его вором. Воевода подверг святого всяческим пыткам и издевательствам, которые тот безмолвно претерпел. Кротость и незлобие праведника привели купца в дикую ярость. Он схватил связку амбарных ключей и ударил ими юношу. В ту же секунду угодник Божий скончался. Это произошло 4 апреля 1600 года.

Тело святого было предано земле в очень сыром месте и без должных для христианина почестей. Через полвека мангазейский стрелец Степан Ширяев заметил, что вблизи храма, на тропинке, обнажилась верхняя часть неизвестного гроба. На него – «для мирского ходу» – положили доску. К великому изумлению мангазейцев, гроб поднялся ещё выше и переломил её. Жители поняли, что это произошло для их вразумления и за короткий срок построили на этом месте часовню. С этого времени началось народное почитание угодника Божия.

В 1670 году строитель Свято-Троицкого Туруханского монастыря иеромонах Тихон перенёс мощи мученика из Мангазеи в свою обитель (трёхсоткилометровый путь был пройден пешком). Почитание святого среди местных жителей ещё более усилилось. По его молитвам совершилось много чудес. Хотите о них узнать?

– Конечно, – в один голос ответили мы.

– Один охотник по имени Димитрий промышлял в сибирских лесах пушнину. Внезапно он заболел (у него схватило живот), да так силь-

но, что не мог встать. Следом пришла другая беда: соболей, лисиц и песцов, которые попадали в его ловушки, стали поедать дикие звери. Несколько дней Димитрий усердно молился святому мученику Василию Мангазейскому, прося его избавить от бед, и получил просимое: болезнь исчезла, и он тут же отправился в тайгу. Благодарный охотник отправил в храм – в дар святому Василию – связку пушнины.

Ещё одно чудо. Василий Феодотов, Сидор Веригин со своими помощниками, собрав обильную дань с северных народов (она предназначалась для государственной казны), отправились по Нижней Тунгуске в Туруханск. Лодки (их было очень много) сопровождали двести человек. Когда караван достиг речки Таймур, неожиданно разразилась буря: налетел порывистый северный ветер; несмотря на то, что была середина лета, пошёл снег, всё смешалось, и далее одного метра ничего нельзя было рассмотреть; караван с большим трудом пристал к берегу; ударил мороз, да такой лютый, что птицы на лету падали в траву; снег валил хлопьями и скоро покрыл землю чуть не до колен.

– По грехам нашим получили сие. – Люди как один упали на колени. – Святой мученик Василий Мангазейский, спаси нас – погибаем!

Едва были произнесены эти слова, как ветер стих, снег прекратился, и наступила необыкновенная тишина; небо прояснилось, и тёплые ослепительные лучи солнца залили землю; снег за считанные минуты растаял. Путешественники воздали хвалу Богу и продолжили свой путь. Прибыв в Туруханск, они прежде всего явились в монастырь, где покоились мощи святого мученика Василия, и перед его ракой отслужили благодарственный молебен.

Следующая история. Иоанн, сын священника Ермолая, жил в городе Иркутске; он был охотник. Однажды он отправился в тайгу на промысел. Подойдя к ручью, чтобы напиться, Иоанн вдруг упал на землю и почувствовал себя полностью расслабленным: он не мог поднять руку, чтобы осенить себя крестным знамением, не мог шевельнуть языком, чтобы произнести Иисусову молитву. Прошло некоторое время, охотник забылся, и в тонком сне ему явился некий человек.

– Знаешь ли ты, кто я? – спросил он. – Я мученик Василий Мангазейский. Ты всегда, выходя на охоту, просил меня о помощи. Сегодня – тоже. Видишь, как быстро я явился к тебе.

Открыв глаза, Иоанн увидел святого Василия – «лицем млада, образом священнолепна, очи имуща светлы, взирающа на него прелюбезне, власы же главы его русы».

Угодник Божий коснулся рукой головы охотника.

– Вставай, чадо, – сказал он, – продолжай охоту; сегодня у тебя будет очень удачный день.

И тут же стал невидим.

Охотник встал с земли совершенно здоровым, как будто с ним ничего не случилось. Он вернулся домой с обильной добычей.

Через несколько недель в обитель Пресвятой Троицы, что в Туруханске, вошёл загорелый, крепкого сложения человек; это был Иоанн; он явился сюда, на далёкий север, чтобы воздать хвалу и благодарение своему помощнику и покровителю – святому мученику Василию Мангазейскому.

Три радуги

– В безбожные времена Туруханский монастырь был разорён и закрыт; монашеская жизнь в нём возобновилась в 1991 году, – продолжал о. Софроний. – Через два года одной пятилетней девочке явился во сне святой Василий Мангазейский.

– Пусть братия побыстрее восстанавливает обитель, – сказал он. – Мощи мои пока не ищите.

Прошло пять лет. Монастырь возрождался, число монахов увеличивалось. И вот наступило время, когда мощи мученика были обреты. Случилось это так. У одной из могил монастырского кладбища, которое находилось на берегу Енисея, стала осыпаться земля, – братия обители вскрыла могилу, чтобы перезахоронить останки монаха. И вдруг в небе показались три яркие, сияющие радуги, хотя никакого дождя и в помине не было.

Это произошло в пять часов утра. Неожиданно облачность исчезла, и на востоке возникло ярко-бордовое, огненное зарево, такого зарева ни я, ни кто-либо из жителей Туруханска, которые присутствовали при вскрытии могилы, ни разу не видели. Алтарь как будто полыхал в пламени. Радуги играли такими дивными необыкновен-

ными красками, что от них невозможно было отвести глаз. Показалось солнце, осветив своими лучами водную гладь, белокрылых чаек над нею, моторную лодку, пересекающую реку. Это было явное знамение Божие.

Затем мы перезахоронили останки ещё одного монаха. И лишь после этого наступила очередь святого Василия Мангазейского. По архивным документам мы определили, где стояла рака с мощами мученика (в Троицком приделе), вскрыли пол и увидели склеп; он был поруган безбожниками; мы обнаружили лишь часть мощей угодника Божия.

Своими силами мы изготовили раку, с чувством глубокого благоговения поместили в неё великую святыню и по благословению правящего архиерея поставили её на клирос, слева от царских врат, – закончил свой рассказ о. Софроний.

Святитель Лука

Мы вышли на берег Енисея и расположились на нескольких скамейках. Перед нами открылись широкие, насколько хватал глаз, дали. Воды Енисея сияли под лучами полуденного солнца. Две рыбацкие лодки спешили по своим делам. Вдали пока-

зался катер, который тащил за собой баржу, гружёную стройматериалами. Стаи ласточек и стрижей стремительно носились по-над крутым берегом. Воздух был чист и свеж.

Я попросил о. Софрония рассказать о другом угоднике Божиим – святителе Луке (Войно-Ясенецком), имя которого тесно связано с Туруханском.

– Я поведаю вам о нём с большим удовольствием, – отозвался батюшка, – потому что я почитаю его так же сильно, как и святого мученика Василия Мангазейского. Святитель Лука прибыл в Туруханск в 1924 году и сошёл на берег в сопровождении милиционера; люди, встречавшие его, понимали, что он пришёл сюда не как хозяин епархии, а как ссыльный, и тем не менее все как один опустили на колени. «Слава Богу, и в этом маленьком посёлке люди не забыли Тебя», – подумал владыка, благословляя мужчин, женщин, детей.

В автобиографии, которую оставил святитель, содержится много драгоценных подробностей его пребывания в Туруханске. «Меня... поместили в квартире врача больницы и предложили вести врачебную работу, – пишет он. – Незадолго до этого врач

больницы распознал у себя рак нижней губы и уехал в Красноярск. В больнице оставался фельдшер, и вместе со мной приехала из Красноярска молодая девушка, только что окончившая фельдшерскую школу и очень волновавшаяся от перспективы работать с профессором. С этими двумя помощниками я делал такие большие операции, как резекция верхней челюсти, большие чревосечения, гинекологические операции и немало глазных».

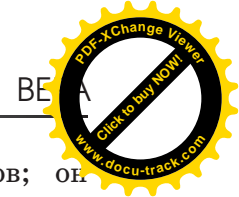
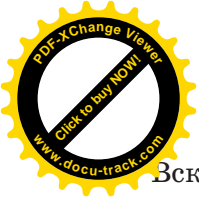
С великим удивлением угодник Божий обнаружил, что местные христиане пребывали... в расколе. «В Туруханске был закрытый мужской монастырь, в котором богослужения совершал старый священник. Он подчинялся красноярскому живоцерковному архиерею, и мне надо было обратиться к нему и всю туруханскую паству на путь верности древнему Православию». Святитель произнёс проповедь, в которой, во-первых, показал заблуждения живоцерковников и, во-вторых, обличил грех раскола. Священник признал свой грех, раскаялся в нём и вместе со своею паствою вернулся в лоно Матери-Церкви.

Владыка бывал на всех службах и почти всегда произносил простые, но глубокие проповеди. Это очень не нравилось местному безбожному начальству. Святителя вызвал уполномоченный ГПУ.

– Я запрещаю вам благословлять людей в больнице, проповедовать в монастыре и ездить на покрытых ковром санях, – сказал он.

– Если я не буду благословлять людей и проповедовать, я перестану быть архиереем, – ответил святой. – Повесьте объявление о том, что вы против этого. И скажите крестьянам насчёт ковров.

Чекист побоялся сделать и то, и другое и затаил против святителя лютую злобу.

Вскоре владыку снова вызвали в ГПУ. Подойдя к зданию, он увидел сани, запряжённые парой лошадей, и милиционера.

– Сегодня вы должны покинуть Туруханск, – жёстко сказал уполномоченный, не глядя на собеседника.

– За что же такая немилость?

– Вы не выполняете наших требований.

– Куда вы меня отправляете?

– К Ледовитому океану, – не скрывая ненависти к святому, отрубил чекист. – Поторопитесь – на сборы вам даётся полчаса.

Владыка вышел на улицу.

– Я ваш друг, – шепнул ему милиционер, – можете на меня рассчитывать.

Эти слова приободрили изгнанника.

Через некоторое время сани, скрипя полозьями, выехали за пределы посёлка; впереди расстилалась безбрежная белая пустыня.

Стояли трескучие морозы, и путь по Енисею был очень труден. Владыка не падал духом. «Я почти реально ощущал, что со мною Сам Господь Иисус Христос, поддерживающий и укрепляющий меня», – записал он. В первой же деревне, где сделали остановку путники, угоднику Божию подарили прекрасное меховое одеяло.

То небольшое, что мог сделать доброго милиционер, он сделал: заботился о владыке в дороге, выбрал для проживания деревню Плахино, расположенную между Игаркой и Дудинкой (к Ледовитому океану ему и самому не хотелось ехать). Изгнаннику выделили полизбы; она была «с двумя окнами, в которых вместо вторых рам были снаружи приморожены плоские льдины. Щели в окнах не заклеены, в углу сквозь большую щель виден дневной свет. На полу лежала куча снега. Вторая куча, никогда

не таявшая, находилась у порога. Для ночлега и дневного отдыха крестьяне соорудили широкие нары и покрыли их оленьими шкурами. Подушка была у меня с собой. Вблизи нар стояла железная печурка, которую на ночь я наполнял дровами и зажигал, накрывался я енотовой шубой и меховым одеялом. Ночью меня пугали вспышки пламени в железной печке, а утром, когда я вставал со своего ложа, меня охватывал мороз; вода в ведре покрывалась толстой коркой льда».

Днём было не лучше. «Когда я сидел тепло одетым за столом, то выше пояса было тепло, а ниже – холодно. Однажды мне пришлось помыться в таком холоде. Мне принесли таз и два ведра: одно – с холодной водой, а другое – с горячей, не понимаю, как я умудрился помыться в таких условиях. Иногда по ночам меня будил точно сильнейший удар грома, но это был не гром, а трескался лёд на Енисее».

Не каждый мог вынести такие, мягко говоря, спартанские условия. Но угодник Божий не унывал и не роптал. Он умудрился крестить в Плахино двух младенцев. «В станке, кроме трёх изб, было два человеческих жилья, одно из которых я принял за стог сена, а другое – за кучу навоза. Вот в этом последнем мне и пришлось крестить. У меня не было ничего: ни облачения, ни требника, я сам сочинял молитвы, а из полотенца сделал подобие епитрахили. Убогое человеческое жильё было так низко, что я стоял, согнувшись в три погибели. Купелью служила деревянная кадка, а во время совершения Таинства мне мешал телёнок, вертевшийся возле купели».

Возвращение

Господь послал святителю одного гостя. Это был Арсений

Кузьмич Константинов; он ездил по тундре и заготавливал меха для Московской сырьевой конторы. Во время разговора владыка сказал: «Господь Бог дал мне знать: через месяц я буду в Туруханске». Собеседник не поверил, и святитель Лука добавил: «Вижу, вы неверующий. Вам мои слова кажутся невероятными. Но будет именно так».

И действительно: ровно через месяц скиталец снова оказался в Туруханске. В местной больнице умер крестьянин, нуждавшийся в неотложной операции, которую некому было сделать. Это так возмутило жителей, что они, вооружившись вилами, косами и топорами, решили разгромить ГПУ и сельсовет. Перепуганные власти немедленно вернули святителя в Туруханск. Он снова стал лечить людей, ездил в монастырь в санях, покрытым дорогим ковром, произносил доступные для крестьян проповеди, а иногда – благодарение Богу! – служил Литургию.

Часто и подолгу владыка молился у мощей святого мученика Василия Мангазейского; он благодарил его за предстательство перед Престолом Всевышнего, за духовное утешение, за возвращение в Туруханск, просил дать терпение, долготерпение, физические и душевные силы для несения тягот ссылки; он верил, что мученик поможет ему в самое ближайшее время вернуться на «материк» – к родным, друзьям, братьям и сёстрам по вере.

В середине 1925 года Господь утешил страдальца: «Скоро ты вернёшься домой». Святитель с нетерпением ждал этого дня и часа, но время шло, а всё оставалось по-прежнему. «Я впал в уныние и однажды в алтаре зимней церкви, которая сообщалась дверью с летней, со слезами молился перед запрестольным образом

Господа Иисуса Христа. В этой молитве, очевидно, был и ропот против Господа за долгое невыполнение обещания. И вдруг я увидел, что изображённый на иконе Иисус Христос резко отвернул Свой пречистый лик от меня. Я пришёл в ужас и отчаяние и не смел больше смотреть на икону. Как побитый пёс, я вышел из алтаря и пошёл в летнюю церковь, где на клиросе увидел книгу Апостол. Я машинально открыл её и стал читать первое, что попало мне на глаза.

К большой скорби моей, я не запомнил текста, который прочитал, но он произвёл на меня чудесное действие. Им обличалось моё неразумие и дерзость ропота на Бога и вместе с тем подтверждалось обещание освобождения, которого я нетерпеливо ожидал. Я вернулся в алтарь зимней церкви и с радостью увидел, глядя на за престольный образ, что Господь опять смотрит на меня благодатным и светлым взором».

Между тем с низовьев Енисея один за другим прибывали пароходы и, взяв на борт счастливых пассажиров, уходили на юг. Про опального архиерея как будто забыли, никто не вызывал его в ГПУ, чтобы выдать необходимые документы.

Однажды вечером (это было в конце августа) в Туруханск пришёл последний пароход. На рассвете владыка читал утреню, а судно разводило пары, чтобы через некоторое время отчалить от пристани. Раздался первый гудок, за ним – второй. «Я читаю четвёртую кафизму Псалтири. Последние слова тридцать первого псалма поражают меня, как гром. Я всем существом воспринимаю их как голос Божий, обращённый ко мне:

Вразумлю тя и наставлю тя на путь сей, воньже пойдёши, утвержу на тя

очи Мои. Не будите, яко конь и мекк, имже несть разума: бродами и уздою челюсти их востягнеши, не приближающихся к Тебе.

И внезапно наступает глубокий покой в моей смятенной душе. Пароход даёт третий гудок и медленно отчаливает. Я слежу за ним с тихой и радостной улыбкой, пока он не скрывается от взоров моих.

Иди, иди, ты мне не нужен.

Господь уготовал мне другой путь, не в грязной барже, которую ты ведёшь, а светлый архиерейский!»

Через три месяца святитель Лука заболел: на голени появилась маленькая варикозная язва; кожа вокруг неё воспалилась. Болезнь была достаточной причиной для прекращения ссылки. Угодник Божий стал упаковывать вещи. Однако отъезд пришлось отложить до середины января – именно в это время устанавливался санный путь по Енисею. Крестьяне сделали для любимого архиерея крытый возок.

И вот настал долгожданный день отъезда. Чуть ли не всё население Туруханска пришло проводить святителя Луку. Многие плакали. Священник благословил страдальца крестом. Он рассказал о поразительном событии, которое произошло сегодня утром, после окончания Божественной Литургии. Он потушил все свечи и собрался покинуть храм; внезапно вспыхнула одна свеча на паникадиле; примерно с минуту она горела ярким пламенем, а потом погасла.

Возок тронулся с места. Христиане упали на колени – точно так же, когда святитель прибыл сюда полтора года назад. Они каждый день молились о том, чтобы Господь облегчил его участь и продлил его дни, но более всех молился о нём святой

мученик Василий Мангазейский – благодаря его усердному заступничеству и непрерывному ходатайству владыка отправился сегодня в далёкий, но счастливый путь – в Ташкент, в свою епархию, чтобы, как и раньше, служить людям и отдавать им самое ценное, что у него было, – своё любящее сердце.

Таковыми словами закончил своё повествование о. Софроний.

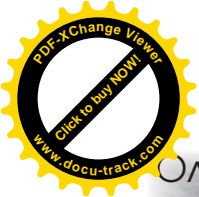
Милость Божия

Мы пробыли в Туруханске несколько дней. В праздник Святой Троицы в монастыре состоялась праздничная Божественная Литургия, во время которой мы причастились Святых Христовых Таин.

После Литургии состоялся Крестный ход вокруг храма. Едва мы из него вышли, как попали... под дождь. Чем дальше мы продвигались, тем он становился всё сильнее и сильнее, видимо, решив испытать нашу крепость, выдержку, а, самое главное, веру. К счастью, никто не дрогнул: походка у нас стала твёрже, взгляд увереннее, спины выпрямились, песнопения звучали громко; в храм мы вошли изрядно промокшие, но весёлые и радостные. Мы прекрасно понимали, что это был не дождь, а милость Божия, Его благодать, которая преизобильно изливалась на нас, – да и как могло быть иначе в такой чудесный праздник!

Мы приложились к раке с мощами мученика Василия Мангазейского, а затем к иконе святителя Луки (Войно-Ясенецкого) – их защиту и покровительство каждый из нас ощущал не только во время этого замечательного путешествия, но и в дальнейшей нашей жизни.

ТУРУХАНСК – КРАСНОЯРСК – МОСКВА

Олег ЕРМАКОВ

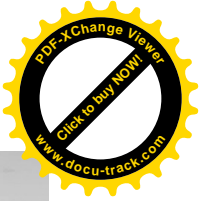
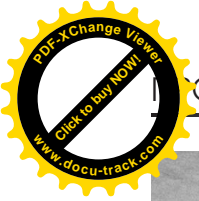

Бабушка Катэ из рога Кабарги

От автора

«Песнь тунгуса» — второй роман о Байкале, заповеднике и его жителях. Посмотрев, как запрашивают первый роман — «С той стороны дерева» — из разных городов нашей страны от Балтики до Тихого океана, автор воодушевился и решил не обрывать жизнь и судьбу эвенка Миши Мальчакитова, оговорённого в поджоге двух домов в заповеднике, посаженного в кутузку и бежавшего в родные таёжные угодья, где его и настигла пуля. Во втором романе и начинается почти шаманское путешествие этого парня, правнука последней великой шаманки этих мест. Это путешествие по памяти, путешествие по Байкалу. Мишка Мальчакитов появился в первом романе неожиданно и для меня самого. Я лишь собирался рассказать во многом автобиографическую историю жизни в младые годы в заповеднике на Байкале. Но вдруг этот Мишка и явился, дембель, невысокий, тихий, как все эвенки, — а ведь на самом деле истинный хозяин тех мест. Нрав их кроткий, писали об эвенках ещё английские торговцы во времена оны. И, начав изучать доступную литературу об эвенках, или, по-старинному говоря, о тунгусах, я убедился в правоте этого замечания и проникся симпатией к этому лесному народу. В Баргузинском заповеднике жила семья эвенков. Так что знания мои не только книжные. Хотя, конечно, остаётся только жалеть, что в те годы — а было мне семнадцать лет — я так мало узнал о них. Эвенки вообще-то прикровенны, разговорить их не так просто. Но бывает достаточно

поймать и просто внимательный взгляд человека, чтобы уже мгновенно узнать нечто важное о нём и о себе. Мальчакитов пришёл на страницы романа, чтобы увести автора и читателя дальше, в мир таёжных мифов и реалий судьбы лесного народа. (Эвенки кочуют и в тундре, просто здесь сподручнее говорить так — лесной народ.) Можно сказать, что пришёл он и во второй раз, не согласившись с таким вариантом: исчезновением. Во втором романе я уже сосредоточился на жизни и судьбе эвенка Мальчакитова. «Песнь тунгуса» — песнь во многом печальная, но и радостная. В ней радость тайги, воли, красота Ламу — моря Байкала. А печаль, — да, есть о чём печалиться и ему, и всем нам. Все мы испытали на себе — и продолжаем испытывать — яростный натиск новых времён. Но не даром Русь называли в летописные годы Гардарикой, страной городов. Историческим горожанам или деревенским, связанным с городами родственными узами, этот натиск выдержать проще, чем лесному народу. У эвенков ведь не было городов. В этом смысле — эвенки более хрупкие и уязвимые, чем остальные. Но отсюда проистекают и особые достоинства этого народа, главное из которых — природная мудрость и нестяжательство. Эвенки были лучшими лесниками, лесными инспекторами и министрами природы. От эвенков самим эвенкам не надо было охранять зверьё и птиц, рыб, реки и леса. А нам — надо защищать природу от нас самих же. И думать, что мы можем сделать для лесного народа? Что? — Для начала мы должны их просто услышать.

о. Ольхон.
Фото Дмитрия БАЛАКИРЕВА

«Не торопись, а то быстро проживёшь», – говорила бабушка, энэкэ¹ Катэ. И действительно – он прожил мгновенно. Крик протяжный журавлиный – и тот дольше. Они кричали, над Ольхоном пролетая: «Круууы! Крууууы!» Царь нерп на Ушканьих² их слушал. Медведь на побережье задирал морду. «Не называй его так, – учила бабушка, – говори: Лохматый».

– Откуда они летят, энэкэ?

– Из солнечной стороны, нэкукэ.

«Круууы! Крууууы!» – и прошла жизнь.

Счастливую судьбу даёт Чалбон, Вечерняя звезда. Да не всем. Эвенкам нет счастья. Дедушка Миши пропал на охоте. Отец и мама утонули. И сам он отправился к устью.

«Крууууы! Круууууы!» – и нет его. Только какой-то киночеловек остался. Так бабушка Катэ называла тех, кого видела по телевизору: киноилэЗ – киночеловек. И это случилось с её внуком – нэкукэ Мишка стал киноилэ. Будто щёлкнул переключатель, как выстрел, и всё изменилось, началось кино. Такую сказку ему рассказывала бабушка, сморщенная, с чёрными глазками и большими руками. Про то, как бежал один богатырь, хотевший догнать голос в небе – девичий голос – да уставал, задыхался, и вдруг споткнулся, ударился лбом о валун – и оторвался от земли, полетел железным уже ястребом, о – ё!

А Мише камень сам прилетел в лоб. И даже не камень, а звезда как будто. Звезда из хрусталя, как сосулька байкальская. А может, и пуля.

«Мишка, рисуй карту», – велели ему, дали уголь, хорошо выскобленной ровдуги⁴ кусок, и Миша навис над нею.

Так началось его странствие с углём.

Сперва он нарисовал Остров. На Острове дом. У берега лодка. В окно смотрит сморщенная бабушка с папиросой в большой руке, она много курила и не слушала причитаний соседки подруги, Матрёны с голубыми глазами. С мужем, когда в тайге жила, приучилась. В молодости она ходила на охоту с ним. У вечернего костерка после беготни по тайге за соболем, как не покурить? Выпил крепкого чая, скушал вяленой рыбы с сухарём и зажги папиросу или трубочку. Дед смолил трубочку из рябины. Дух огня – Того мушун – и в трубочке обитает. Разводя огонь, всегда просишь: «Благополучия дай!» И куришь – благополучие.

Вот она в окошко и глядит, а в папироске уголёк.

– Здравствуй, энэкэ Катэ!

– Кук!

Бабушка смешила внука голосами птиц. То кукушкой ответит, то вороном:

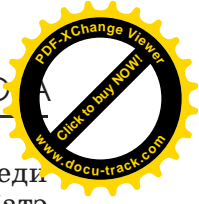
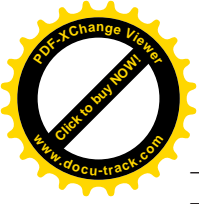
– Ки-ки-ки!

Хотя ворон кричит по-другому. Но у бабушки свой какой-то слух. Да и птицы какие-то небывалые, к примеру птица кыыран. Но это была не её птица, а птица её матери, птица очень сильная и большая, крупнее орлана-белохвоста. Она являлась по звону колокольчиков на платье, когда её мать начинала кружиться и бить колотушкой в свой бубен. Звали мать бабушки Шемагиркой. От неё бабушка научилась голосам птиц.

И в окне дома на Острове с лиственницей и скалами на голове у бабушки и на плечах сидят берестяные птицы.

– Кук! Кук!

– Ки ки ки!

- Лигли! Лигли!
- А это, энэкэ, кто?
- Лебеди, нэкукэ.

А ведь лебеди точно кричат по-другому, когда идут синей тропой. Крик лебединый такой: «Ганг – ко!» А как кричит птица Шемагирки – птица кыбран?

От Острова река ветвится дальше. Перевёрнутая лодка и оборванные нити. Здесь отца и матери не стало. Высока волна ледяная, серая, как шерсть волка.

– У каждого есть нити, нэкукэ. И у всего есть они. У скал есть. И у деревьев. Поэтому хороший илэ ходит осторожно. Наступил нечаянно на яйцо рябчика, попятиться, ведь это предсказание худое. Рябчик гнездо хорошо прячет, нарочно поищешь – не найдёшь. Не к добру такое. След свой палкой закрой и говори:

«Не сули худого,
Не сули худого!
К худу не являйся,
Нет, нет!
След свой прячу!»^{5*}

Так учила его бабушка. Да он и не слушал толком все её басни. И вдруг всё вон как повернулось: рассказы Катэ вернулись. Вернулись и позабытые слова.

Уголь чертит по коже мягко, Река змеится дальше. На ней табличка: Заповедный берег. Сюда с Острова они с бабушкой переплыли на большом пароходе. Бабушка даже на катере плыть не согласилась. Боялась моря. Царя нерп винила. Голос у него: «Нёре, нёре! Харп!» Он седой весь, с бородкой белой и глаза бирюзовые.

– Как у Матрёны?

– У ней голубые, сахалинские, оттуда они приехали с мужем. А у этого глаза – байкальские. Есть такая погода ранним утром или под вечер, тихий час, – так Байкал и глядит, бирюзово.

И она показывала сперва мамини серёжки с камешками такого цвета. А потом однажды позвала нэкукэ Мишу на берег и указала в море. Байкал весь тихо сиял таким цветом. Сиял как камень чьих-то серёжек, о – ё!.. Ая!

Но царь-то глядит страшно, а не тихо и безмятежно.

Так в этой тиши и безмятежности и есть самый страх, толковала бабушка. И с Острова, где солнце всё заливают с утра до вечера, все дни, зимой и летом, весной и осенью, – так светит, будто там и живёт – они отправились на большом пароходе с закопчённой трубой и железной палубой, под которой пыхтели и бились сотня быков оленей, с узлами и здоровенным чемоданом, обвязанным верёвками, отправились за море. В заповедник, на берег дождей и

туманов и холодных ветров, Хиус среди которых верховодит. И как энэкэ Катэ запоёт свою любимую песенку про богатырскую Ираиндю, про семь лучей, так и кажется, что песня та про Остров.

И вот у киноилэ открылся слух, и явилась бабушкина песенка:

«В богатырской Ираиндя земле,
Плясать соберитесь!
В Ираиндя на слиянии семи лучей
Весело же и красиво!»*

Но он силится услышать и первый голос бабушки... Ведь пела она и по-другому. – Хи-хи-хи!

Так кричит чёрный дятел. Мелькает тенью по ровдуге, летит стремительно. Вонзает клюв в ухо: бах!.. И Миша слышит хрипловато-чистый, словно бы омытый байкальской волной голос бабушки с печальными чёрными глазами:

«Ираиндя туриндун
Хэиндегэр умипкаллу!
Ираиндя надан гарпалылнаду
Сэвдеелэй-дэ гуделэй!»*

...Весело же и красиво... Да, жизнь на Острове была солнечной, с запахом рыбы, сильными ветрами, от которых звенели стёкла в окнах дома. И от отца, и от мамы пахло рыбой. «Потому их нерпичий царь и прибрал, – со вздохом говорила бабушка. – Себе в прислужники». Только этот запах и помнит Миша. А лица – лишь по фотографиям. Но на фотографиях какие-то чужие смуглые маленький кривоногий мужик и черноволосая худая женщина с испуганными глазами. И имена чужие: Василий, Марина. Двумя нерпами их в самом деле легче представить.

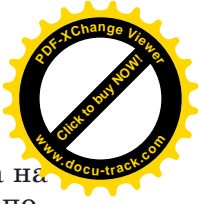
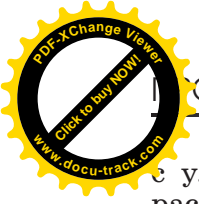
Нарисуй тучи, облака, туманы и дожди наискосок перед окнами дома тёти Зои и дяди Кеши напротив электростанции, где тук-тук-тук утром и вечером стучит да стучит движок. Мало солнца было в заповеднике! А баба Катэ любила эти места больше Острова. И про Ираиндю пела. Так где Ираиндя земля?

«Это ты потом узнаешь», – она отвечала, зажигая свою папиросу, неловко её держа в узловатых, покорёженных пальцах.

Зато тайга здесь была ближе, рядом – и густо уходила по долине, по горам расплёскивалась, за собой звала – к далёким снежным горам на востоке, откуда солнце-то и вставало.

– А что там, за горами?

– Тайга и тайга, – отвечал дядька Кеша с рваным веком и глубокой бороздой от уха по шее, Лохматый наследил, помял дядьку на охоте и тот взвыл: «Ай, отпусти меня, не ешь, не ешь вонючего!» Так

с улыбкой, подвыпив, дядька Кеша сам рассказывал друзьям и племяннику.

– Вонючего! – смеялись слушатели.

– Обделался ты, чё-о ли?

– Неа, зачем! Вонючий любой человек для вольного зверя. Много человек гадит за собой, горы мусора, отбросов. А зверь чистый.

И Лохматый перелез через него и отпустил, пошёл своей дорогой, бросив вонючего с содранным напополам скальпом.

– Это потому, что ты хвалился заранее его убить, – сказала бабушка.

А этого делать нельзя. И ещё много чего нельзя: одё, нэлэму.

Не говори, что добудешь лося, оленя, волка, медведя, соболя, нерпу, – ветры донесут зверю, он и не пойдёт в твою сторону. А убив, тоже не хвастайся, снова ветры донесут. И кости съеденного зверя в огонь не бросай. Шкуру лося не сдирай с головы, а то он другим запретит тебе попадаться. И следи, чтоб собака не жрала голову, ноги или копыта дикаря-оленя. И роженице не давай мясо лося или дикого оленя, чтоб не спугнуть впредь удачу. И мужику нельзя есть шейный позвонок дикого оленя или лося. Одё! Нэлэму!..

Много ещё всяких запретов, разве всё упомнишь?..

А дядя Иннокентий с тех пор зарёкся от охоты на Лохматого. Союз с ним заключил вроде. И в заповедную тайгу ходит безоружный. Только когда в отпуск на свой охотничий участок выбирался, с ружьём бегал, бил белку, соболя, пока участок не уступил лесничему Андрейченко... Ну, пропил сдуру-то. Хоть бабушка, мать, говорила о водке: «Одё, нэлэму!»⁶

За горами шла тайга и тайга. И дальше были ещё горы и горы. А там уже – океан.

Нарисуй книгу. Здесь дочка тётки Светайлы научила его буквам. Баба Катэ грамоты не знала. Тётке Зое и дядьке Кеше учить его было всё некогда, отстань да отстань. Тётка Светайла – не тётка в смысле родственности, но родительница у неё была из эвенков, а отец русский из Чечни, ссыльный ещё. Дочка Лизка и научила его буквам. А потом уже он отправился учиться в интернат за море. И хорошо, что букочки да циферки знал, а то ещё одному лесному человеку, Саньке-якуту из Кичеры, худо приходилось, бабаем, чуркой обзывали. Правда, и Мишке порой доставалось, но уже от старших, из других классов. И тоска его брала. Мечтал о каникулах, поскорее попасть на заповедный берег. Этот тихий посёлок на хмуром берегу, разрезанном чистой таёжной речкой, и он полюбил. Зимой с дядькой Кешей

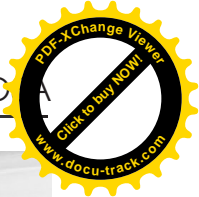
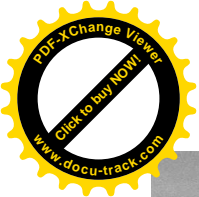
ходил сверлить лунки и удить хариуса на море, за торосами. Дядька научил его покупать бормаша, рачка бокоплава, в Нижнем, и привозить сюда для рыбалки. Здесь рачок не водился, а там был в изобилии. И вот на зимние каникулы и на весенние Мишка являлся с пакетом этих рачков. И вдвоём с дядькой они тут же шли на лёд, если, конечно, тот успел настеклиться. Байкал с осени свиреп был, разбивал вдребезги забереги, обдавал камни сокуями, и они глядели седыми мордами, как нерпичьи цари, а волны всё ходили, сотрясали пирс листовенный, забитый камнями, не пропускали катера. И небеса, будто с Байкалом сговаривались, изливались дождями, падали туманами, и центральная усадьба превращалась тоже в Остров, только был это Остров Дождей, Остров Букв. И никто не мог на него проникнуть. Случалось, и все дети работников заповедника на осенние каникулы так и оставались в интернате. И тогда тоске не было предела, хоть волком вой, хоть пешком по берегу иди, иди двести километров. Даже у большой Лизки Светайлы глаза были на мокром месте. Что уж говорить о тех, кто помладше. Все с утра к окнам прилипали, ну, чё-о, как там погода? Где солнце? И синее небо...

Байкал мог ходуном ходить и до самого Нового года, вон как, о-ё... И если небо самолёт пропускало в заповедник, то Байкал и все зимние каникулы не встал. Или только-только застеклится. И по такому тонкому и прозрачному ледку никто не решался пойти, лишь выходили на берег, глядели, да камешки запускали или ледышки, сосульки, и те неслись, подпрыгивая, по чёрным зеркалам и высоко пронзительно звенели, – так, наверное, и звучало платье великой бабки Шемагирки.

Бабушка Катэ о ней почти ничего не рассказывала, таилась... И о том, что Шемагирка была шаманкой Мишке стало известно случайно, от учёного соболятника Могилевцева. А Мишке сейчас эти знания и нужны, как воздух и кровь, кровь, потерянная, напитавшая рваную телогрейку, байковую тряпку... В крови та сосна. Кровное дерево теперь.

Но всё равно: рисуй дальше.

И уголь с тихим «шшш» ползёт по ровдуге, на ней карта всей жизни Мишки Мальчакитова появляется. Всё вниз и вниз по этой Реке, о-ё!.. С ответвлениями притоков. Интернат был таким ответвлением. Там хороший человек, учитель русского языка Станислав Ильич с телескопом. Был у него старый телескоп в зелёном железном потёртом и поцарапанном

о. Ольхон.
Фото Дмитрия БАЛАКИРЕВА

футляре, ученики ходили к нему смотреть в ясную погоду на Луну и на звёзды и на Чалбон, и на Сангарин Буга – Полярную звезду. У Станислава Ильича лысина блестящая, как луна, и очки сверкали, когда он смеялся, сыпали дождём метеоритов. Миша вспомнил, как бабушка русских называла: *луча*. *Луча* – значит, русский. Станислав Ильич у него и был *Луча*.

На каникулах Мишка бабушке про него рассказал, про его трубу.

– Чалбон смотрел? – спросила она настороженно.

У неё были свои, отсталые представления. На звезде Чалбон родина эвенков. И войти туда можно через Сангарин Буга – Полярную звезду. А подниматься в те высоты надо по Реке, Энгдекит называется. Там Исток.

И всё, бабушка затихла и не спрашивает, что же он там видел через телескоп *Луча*. А он ничего не видел, только синие огни. И никаких небесных пастбищ с небесными оленями, небесных кедров-лиственниц-берёз с чипиче-чиче, в которые и превращаются все простые умершие, и никаких гнёзд с орлами, лебедями и журавлями – душами шаманов в дуплах могучих лиственниц, никаких серебряных чумов с берестяными лодочками. И неумолимый внук неграмотной бабке об этом сказал. Бабка Катэ полезла за папиросами.

– Вот так! – торжествующе крикнул внук.

Коричневое резное лицо в морщинах сделалось бесстрастным. Закуривая, она всё же спросила:

– Совсем ничего?

– Да! Только огни и радуги!

Бабушка метнула на него взгляд агатовых глаз.

– Так вот радуги, – подхватила она, зорко всматриваясь сквозь сизый папиросный дым.

Внук смутился.

– Ну, – объяснил он, – в глазах так расплывалось... огни.

Бабушка устремила взгляд в окно, покачала головой. Ничего не говорила.

– А на Луне – вот такие дыры и пятна. Горы и моря называются.

– А деревьев нет? Тайги? – спросила бабушка.

– Нет, – отрезал внук.

– Там тундра, – сказала бабушка, кивая.

Внук засмеялся. И сказал, что люди там побывали, американские космонавты, в скафандрах, потому что дышать на Луне совсем нечем, воздуха нет ни капли. И ни воды, ничего. Голое и неживое. Только камни.

– Ты говорил, нэкукэ, моря, – напомнила бабушка.

– Это одно лишь название, энэкэ!.. Хотела бы поглядеть в трубу *Луча*?

Бабушка Катэ отрицательно покачала головой и, подперев смуглую щёку узловатыми грубыми пальцами, начала что-то тихонько напевать, глядя в окно. Говорить уже с ней дальше было совсем бесполезно. На неё *находило*. Эти приступы раздражали очень невестку, тётку Зою. Когда она ругалась на дядьку Кешу, то этими приступами и попрекала, мол, это в вашем роду так, дурь такая *находит*. И всё, как *нашло*, так хоть убейся, хоть наводнение, хоть пожар, ничем не проймёшь истукана. Крыльцо подгнило, ноги скоро переломает, изгородь заваливается, печка дымит, – а он сидит – смотрит, как глухарь на току, ничего не слышит.

Миша и вправду замечал за бабушкой, за дядькой такое. Бывало, и с ним самим

случалось подобное – вдруг тычок в бок, сосед Вовка шипит: «Тебя, Мишшшка». К доске вызывают.

А попев и посмотрев куда-то вдосталь, энэкэ Катэ сказала, что всё по-другому раньше было: тёмный силуэт на Луне – отражение Старушки, хозяйки всего мира – Энекан Буга. Луна зеркало и есть.

Мишка посмеялся, а сам в ясный вечер внимательно на луну с крыльца глядел – и действительно, увидел силуэт.

Учился Мишка так себе. Только по физкультуре пятёрки и получал, быстро на лыжах бегал, а подтягивался и прыгал хуже, но физрук – а им был тот же Станислав Ильич, сам страшный лыжник, – всё равно ему пятёрки ставил – за лыжи. Мишка все школьные соревнования выигрывал.

На зимних каникулах с ребятами они всё время ходили на гору с гарью. Катались оттуда, делали трамплин, играли на лыжах в догонялки. В двенадцать лет ему дядька Кеша камусные⁷ настоящие охотничьи лыжи подарил. Он сам их смастерил из елового ствола, тонкие, лёгкие, прочные. В специальном станке закреплял на правёж, чтоб прогибы появились впереди и сзади и посередине. В этом станке они и сохли. Бабушка Катэ сшила полоски камуса, ворсом в одну сторону. И ворсом вверх накрутила на палку. Дядька Кеша потом лыжи клеём промазал, наложил клея ровным слоем, и насадил сшитый конец камуса на носок одной лыжи и начал раскручивать с палки так, что ворс шёл от носка на другой край; то же сделал и со второй лыжей. Края камуса загнул и приклеил к верхней поверхности лыжи, зажал лыжи дощечками, высушил и снова вставил в станок. После этого вдел сыромятные толстые ремни в отверстия посередине лыж. «Будешь летать, как на крыльях», – сказал. А палку – ангуру – Мишка сам себе вырубил, крепкую, из берёзы. Ею удобно тормозить, поворачивать, сшибать снег с веток.

Потом Мишка читал у Жигжитова, тоже, кстати, Михаила, писателя с баргузинского берега, про знаменитого браконьера, уходившего на лыжах от егерей, буквально прыгавшего в пропасть, съезжавшего по любым склонам, завалам, а егеря не решались и оставались с носом.

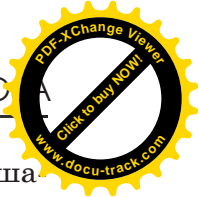
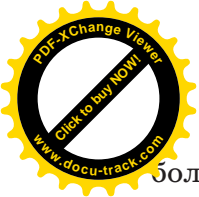

Этот браконьер не мог смириться с тем, что егеря не давали ему охотничать на старинных землях семейных. А потом он и сам стал егерем. Вот как дядька Кеша. Правда, дядька не браконьерил. А Мишка ни за что не пошёл бы служить егерем, так бы и браконьерил, потому, что, на самом деле, это егеря браконьерить явились на его землю, а он-то настоящий егерь и есть. Он им родился.

Мишка и тренировался под того егеря-браконьера. Забирался на самые крутые склоны и, потуже натянув цигейковую ушанку, сигал в вихре снега вниз, летел с ёкающим сердцем под удивлённые крики ребят. Скоро он с таких склонов съезжал, с которых уже ни один мальчишка в посёлке съезжать не решался. Даже большие пацаны только крутили пальцем у виска, совсем, мол, дурак. Бывало, конечно, и падал, крепко ударялся боком, задницей, а то и лицом, головой о наст, деревья, присыпанные снегом. И однажды на сук коленкой напоролся. Сук как рог взбесившегося быка вонзился в коленку, прямо в центр коленки. И всего Мишку яркой болью обожгло, и он лежал в снегу и не мог подняться. Ребята

в страхе побежали за дядькой Кешей. Тот пришёл пьяный. «Чё-о разлётся, Ламучер⁸?» Так он иногда его называл. А Мишка только смотрит сквозь замёрзшие слёзы и ничего не говорит, чтобы не завывать волчком от дикой боли. «Ну, чё-о?» Дядька, дыша водкой, наклонился, взялся за рваные края штанины, посмотрел – и враз кривая дурацкая улыбка спрыгнула с его лица и убежала. Дядька протрезвел, и кожа на его лбу натянулась, брови натянулись и даже уши двинулись. Он часто заморгал, его порванное веко так и заходило вверх-вниз. «Одё, нэлэму», – пробормотал, прямо как бабушка. Поднял Мишку и понёс. А у того кровь капает со штанины, по снегу цепочка алая тянется.

Погода – нелётная. Но Светайла санрейс вызывает, вызывает. Дядька Кеша побежал к владельцам автотранспорта. Ведь ледовая дорога давно установилась, можно ехать хоть и в пургу, снега глубокого на море не бывает, все ветры сдувают, трамбуют. И нет транспорта. У одного поломка какая-то, у другого спина

Болит, третий как раз на свой охотничий участок собрался – в другую сторону. Нет транспорта. Никто не хочет Мишку везти за сто вёрст сквозь снег. «А были б олени, зачем просить?» – говорит бабушка. Зубы ему заговаривает, сказки рассказывает, песенки напевает:

«Сигундар солнце,
Сигундарин солнце!
Из дома-домика,
Из золотого колокольчика,
Из золотого жилища,
Из дома-жилища,
Дверцу открыв,
На детей своих ты взгляни!
По гальке-гальечке,
Плача-плача,
Дети твои бегут!»*

То есть лётную погоду выпрашивает, тучи разгоняет баба Катэ. Но снег всё равно летит густо, ветер завывает над крышей, дудит в трубе. Фельдшер, жена Могилевцева, тётка Тамара говорит, что сама бы зашила, но, похоже, что рана очень серьёзная, глубокая, не разорвана ли вообще сумка. Какая сумка? Суставная сумка. О – ё... Дядька бегает по посёлку, автомобиль ищет. Тракторист Андрей, горький, как все говорят, пропойца, хочет на тракторе везти или на своём старом раздолбанном мотоцикле «Урал» с коляской. Но вдруг к их дому подъезжает красная пожарная машина. Дядька пожарный Гена, ну, или Генрих, *органист* (а что это такое, Мишке не ведомо), приехавший откуда-то с другого края страны СССР, с другого моря, входит в дом, курносый, в дублёнке, замотанный бежевым шарфом, в серой кроличьей шапке и говорит, что всё готово, можно ехать. И на красной машине они поехали в метель, дядька Генрих, тётка Зоя и завёрнутый в оленью шкуру, снятую прямо со стены, Мишка, бледный и сомлелый от потери крови, жары, ухаживаний, боли, страха, песенок бабки Катэ и уколов. Выехали, несмотря на протесты мордатого замдиректора Дмитриева, всем заправлявшего в это время вместо укатившего в Москву на какое-то совещание директора. Дмитриев требовал остановиться. «А если пожар?!» Юрченков дядька Генрих его не слушал. А тётка Тамара отвечала, что в головах тут явно уже пожар. «Вы за это ответите!» – орал Дмитриев. «Вы тоже!» – парировала Тамара, чернобровая, дородная, броская женщина. «Перед кем?» – крикнул Дмитриев. «Перед совестью! – бросила Тамара. – Если она ещё не ампутирована». Дмитриев побагровел и задохнулся. Тамара сама хотела сопровождать Мишку, но уже мест не было. Всё ж таки Зоя

родственница, вместо матери. И наша тырём, в случае чего, сможет смочить виски племяннику. Да он, хоть и сомлелый, а ничего, держится, крепкий паренёк. Кровь по ноге не бежит.

В дороге Мишка узнал, что Генрих жил на Балтийском море, по которому так вот на машине не проедешь. Там только яхты, пароходы огромные – побольше байкальского трудяги «Комсомольца» – ходят и иногда всплывают подводные лодки. «А на чём-то вы там играли?» – смущаясь, спрашивала смуглая Зоя. Нет, отвечал Генрих, не играл, а был настройщиком органа. И он объяснял, что это такое. В общем, лес трубок, эривунов, как сообразил Мишка. Эривун, оленнюю трубу мастерить дядька Кеша научил. Просто обдираешь бересту с берёзы и сворачиваешь такую цидулю, вроде самокрутки для табака. А потом осенью, когда гон у изюбра начнётся, с этой трубой стоишь и втягиваешь в себя воздух – рёв быка и выходит.

И это сооружение на другом краю мира Мишка лесом оленных труб и представлял. И думал, что за звук бы получился?

«О как», – тихо бормотала Зоя, поправляя чёрные волосы, выбившиеся из-под вязаной шапки, поводя чёрными раскосыми глазами.

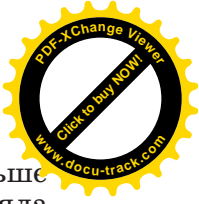
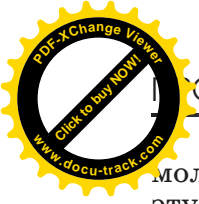
Так они и ехали по завывающему Байкалу, Ламу...

Начертил этот путь углём, он был тоже похож на приток главной Реки.

Но мучения Мишки на этом не закончились, главная боль была впереди. Хирург в посёлке ругался со своей медсестрой, толстой бабой. У них не было какого-то лекарства. И злой хирург лез скрипящими пальцами в самую боль в коленке. Мишка орал, как бешеный. Толстая баба его держала. А ногу ему привязали. В глаза бил свет огромного металлического вогнутого круга. Как будто десять звёзд Чалбон глядели на него оттуда. И сам он кружился как космонавт по орбите раздирающей боли. И тогда он впервые увидел прабабку Шемагирку. Это не он, а она кружилась по орбите металлического круга. Лицо Шемагирки было красивым и молодым.

Сейчас, на витке новой боли через много лет, он об этом вдруг догадался. Это было предчувствием новой встречи. Где-то на Реке Энгдекит он должен её встретить снова...

И на Мишку нашло забвение. А когда он очнулся, то операция уже закончилась, и медсестра накладывала гипс на ногу, ругаясь уже с Генрихом. Снова из-за лекарства, дающего избавление от боли. Лекарства не было. И Генрих прямо обвинял

молодого нервного хирурга и белобрысую эту бабу в преступной растрате. Мишка чувствовал страшную усталость. И не понимал, зачем дядька Генрих ругается, всё ведь закончилось, и резиновые пальцы не возьмётся в рваной коленке. «Вы молитесь, чтоб он не охромел! – огрызалась белобрысая баба. – А он не охромеет, потому что у хирурга высший дар!»

Уезжали они уже на следующий день. Зоя купила ему шоколадку с Буратино на обёртке. Они с Генрихом ночевали в гостинице, а Мишку оставили на ночь в больнице.

Снегопад перестал, но солнце всё не выглядывало. А от тётки Зои как будто свет какой шёл. Настроение у неё и Генриха было отличное, они переглядывались, улыбались и шутили. Мишка с удивлением косился на тётку Зою, иногда не узнавая её, – такой молодой и нежной она вдруг стала.

И красная машина упорно ехала, гудела. В кабине было тепло. Нога в гипсе лишь слегка ныла, совсем не болела... И так хорошо Мишке, наверное, никогда ещё не было.

Когда прибыли на свой берег и подкатили прямо к крыльцу, вышел снова пьяненький дядька Кеша, – он хоть и пьяненький был, а тоже как будто не узнавал Зою, таращился на неё. Высокая Зоя как будто ещё выше стала, а узкие глаза её сверкали серебром, и смуглые щёки жаром тлели. Бабка Катэ насупилась было, но уже переключилась на своего нэкукэ, на его загипсованную ногу.

– Оле – доле, – пробормотала она свою вечную присказку, качая головой. – Как из берёзы новую сделали.

Зимний месяц Мишка сидел дома. Вот это было – да! А остальные в интернат уехали. Перед отбытием к нему приходили, спрашивали. Лизка Светайлина гостинец принесла, запечённый окорок, чтоб быстрее выздоравливал. Как будто Мишке хотелось этого – ехать в интернат. Хоть там и Луча с трубой. Но и здесь появился луча, – дядя Генрих. Он после той поездки время от времени заглядывал к ним проведать Мишку. И Мишка гордился тем, что к нему приходит такой специалист леса оленных труб. Да и нынешняя его должность – пожарный – была важной. А бабка Катэ почему-то недовольно брюзжала и даже напевала под нос «дынгды, дынгды» – а это у неё был *запев врага*, или железа. И, как он уходил, бабка одёргивала Зою, напускалась на неё, выговаривала за плохо вымытый пол, за невычищенную лампу... Электричество давали только до одиннадцати, а иногда до десяти часов вечера, и утром – с семи до девяти, и все в посёлке зажигали кероси-

новые лампы. Зоя отшучивалась, а раньше на такие замечания огрызалась и укоряла Катэ её сыном, Кешей, большим мастером не хозяйствовать да соболей в отпуск бить, а глотать огненную водку, точнее, она говорила: жрать. Мишке в такие моменты дядька представлялся факиром. Перед ними в интернате выступал факир в чудной шапке, вытаскивающий зайцев из длинной шляпы и глотавший не только огонь, но и шпагу. Дядька пока только и научился *жрать огонь*. Доходило в конце концов до поправок: бабка Катэ её колола бездетностью, мол, с такой пустой важенкой⁹ какой мужик жить станет? Один дурачок нашёлся – её несчастный Кёшка. Тут уже Зоя не выдерживала и прыскала слезами, хлопала дверью. «Дынгды! Дынгды!» – кричала ей вслед бабка. Потом переживала, бормотала: «Оле – доле, – причмокивала, качала головой, вздыхала. – Не было раньше такого у эвенков. Стариков уважали... Да и девок так не грызли, как я, старая волчунья».

Хороший был месяц. Правда, всё время нога под гипсом чесалась, под конец так сильно, что Мишка колотил чем попало – ножницами, ножом, фонариком, книжкой – по грязно-белому панцирю, только и мечтая пробраться внутрь и поскрести кожу ногтями. Бабушкину вязальную спицу он просовывал под гипс и кое-как почёсывал ногу. Дядька Кеша наблюдал за ним и посмеивался в редкие усы... Улыбки его с тех пор, как Мишка съездил в больницу, были какие-то печальные, будто блики на воде осенью, вот, когда солнце еле пробивается сквозь хмарь и морок дождевой.

Да, морок и хмарь стояли в лице дядьки Кеши, как в распадке. И даже ветер огненной водки не мог развеять его.

г. СМОЛЕНСК

¹ Энкэ – бабушка

² Ушканьи – острова на Байкале

³ От илэ – человек

⁴ Ровдуга – звериная кожа.

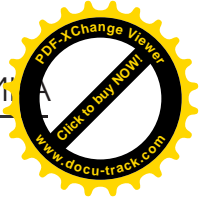
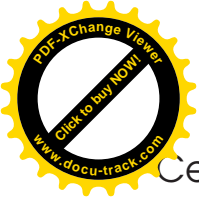
⁵ Песни и заговоры, помеченные звёздочкой, взяты из книги «Обрядовая поэзия и песни эвенков», сост. Г.И. Варламова, Ю.И. Шейкин, 2014, Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. – Т. 32, Академическое издательство «Гео»

⁶ Одё, нэлэму – оберег, запрет, страх (*эвенк.*).

⁷ Камус – часть шкуры лося или лошади с ног, которую приклеивают к лыжам снизу ворсом назад, таким образом, ворс не даёт лыжам скользить назад, и лыжнику можно подниматься по любому склону.

⁸ Ламучер – прибайкальский, житель берега Байкала, от Ламу – море (*эвенк.*).

⁹ Важенка – самка оленя.

Сергей ИГНАТЬЕВ

И пусть безумствует море и хлещет

Предлагаю мои заметки о пьесе Ларисы Габитовой «Серебряный сон» коллегам-полярникам из числа театралов, которые, прилетев в родное Петербургское гнездо, находятся в раздумье — где обогреть обмороженные уши и души?

Но вначале расскажу о моём опыте зрителя. Мои личные отношения с театральным Петербургом сложились непросто. В юные годы был поцелован Богом в темечко: статус гардемарина морского вуза давал право на приобретение билетов в Ленинградские театры из брони. Доступность билетов для курсантского кармана позволяла даже роскошь — ходить на постановки, задевавшие за живое, по несколько раз. А трогали мою полосатую душеньку прежде всего пьесы, в которых я находил моего Героя — крутого МУЖИКА, способного на ПОСТУПОК, но не лишённого при этом чувства поэзии. Если объединить в одном замесе Хемингуэя, Экзюпери и Есенина, это и будет Герой моих молодых лет.

Беспощадное время бежит так же борзо, как ездовые лайки под хлыстом каюра. Вскоре Морской корпус стал воспоминанием и вместо форменки гардемарина на мне — климатическая одежда специалиста полярных подразделений Службы погоды. А далее белая бесконечность из зимовок в труднодоступных пунктах Арктики, экспедиций на морских карбасах, собачьих упряжках и санно-гусеничных поездах, полётов в ледовую авиаразведку и погружений под льды...

Одним словом, погулевал я «со товарищи» по всему северному «фасаду» России всласть. Но не следует думать, что я, Серёга Игнатьев, здоровый и породистый «пёс полярных троп», все сорок лет носился по северному краю Евразийского континента, вызываясь облаивая туристов-экстремалов. На «боль-

шую землю» в длительные командировки и отпуска приезжал, бывали продолжительные перерывы в зимовках по другим причинам.

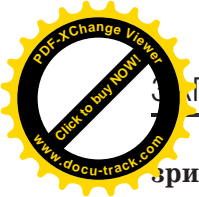
Полярный круг отпускает трудно. Эх, гулевал бы ещё, да гулевал! Но через сорок лет белой бесконечности пухленькая тётя из отдела кадров Северного УГМС с фальшивыми пожеланиями «Всего наилучшего!» извлекла из сейфа и вручила мне мою трудовую книжку с позорным штампом «Пенсионер».

Суровые климатические условия и «вечная мерзлота» не позволяют стареть душой и телом. Жена Елена, встретив меня в аэропорту, сказала: «*Каким ты был, таким остаёшься! Седой весь, а мальчишка!*»

Жена радовала вернувшегося путника не только отменной кулинарией. Пока я честно нёс службу океанографа и ледоведа под Полярной звездой (правда, жена почему-то называет мою службу кобелированием), вокруг неё, любительницы светских развлечений, сформировалась группа театральных

Артисты - исполнители главных ролей в пьесе Л. Габитовой «Серебряный сон»

зрителей. Влившись в компанию жены, я жадно накинулся на театраль-но-концертный Петербург. Ходить в театры с командой единомышленников мне нравится – есть с кем обменяться впечатлениями «по горячему».

Театр с вешалки не только начинается, вешалкой он и заканчивается. Гардероб – место первичной зрительской тусовки: люди ещё в теме, эмоции – на выплеске! А у нашей зрительской компании ещё традиция – из гардероба перемещаемся в ближайший парк. На укромную скамейку ставятся карманные фляжки с коньяком, женщины извлекают из ридикюлей шоколадки, конфеты, яблоки. И выпивка, и закуска отменные! От доброй дозы коньяка температура позитивных или негативных страстей по увиденному и услышанному достигает предельного значения.

Но вот незадача: театр 21-го века с новой волной режиссуры перестал быть мне интересен: то нафталиновая классика, то дурацкие комиксы, а когда увидел на сцене трансвеститов, вообще смотреть на сцену брезгливо было.

Удивлялся: разве, пока я топтал унтами снега Арктики и Антарктиды, питерская земля не родила новых Товстоноговых, Огамирзянов, Владимировых, Карогодских?

Понять причину моего разочарования помогла популярная эксрадная певица Катя Лель. «*Муси-пуси*, – проконсультировала меня популярная певица, – пока ты, джага-джага, морозил уши там, куда Макар телят не гонял, мир изменился. Твоего Героя смыло социальное цунами восьмидесятых. Парень с отвагой в крови давно уже не в чести. Нынче спрос на мармеладных мальчиков с загадочной секс-ориентацией!»

Одним словом, с театральным Петербургом я разругался, а душевную усладу обрёл в работе над собственной книгой и подготовке к печати сборника стихов.

Не знаю, сколь долго моя душа ощущала бы себя комфортно за письменным столом, но вмешалась жена. Она-то, горожанка, вполне мирно ужилась с современным театраль-но-концертным Питером. «*Я что, – давила она на мои уши, – и после твоей «завязки» соломенной вдовой будешь?»*

Жена не терпит инакомыслия. Чтобы не плевать против ветра, я, скрипя зубами,

оторвался от моих рукописей и поинтересовался, что делаем вечером? «*Сегодня идём в «Бродячую собаку» на «Серебряный сон», – поставила меня в известность жена.*

Напряг память: арт-подвал «Бродячая собака» имеет давнюю историю. В этом ресторанчике, открытом в конце 1911 года Борисом Прониным, творческая богема Серебряного века, в который я бесконечно влюблён, устраивала для себя театральные представления, лекции, поэтические и музыкальные вечера.

Просуществовав три года, «Бродячая собака» была закрыта властями Санкт-Петербурга, испугавшимися прогрессирующей политизированности кабачка.

Легендарный ресторанчик восстановил в 2011 году Владимир Склярский и его сподвижники.

Имена драматурга Ларисы Габитовой и режиссёра Ирины Кирпичёвой мне абсолютно ничего не говорили. Значит, из «свеженьких», – утешал я себя, – значит, их «труд» вряд ли будет пахнуть нафталином, а очередные «муси-пуси» залью коньячком!

И я заказал такси.

Пока авто выруливало среди «пробок», я думал о Серебряном веке.

Я не оконтуриваю понятие «Серебряный век» рамками только русской поэзии и ли-

тературы. Стыковые между 19 и 20 веками десятилетия у меня в не меньшей мере ассоциируются с именами русских морских офицеров, которые своими обмороженными лицами, кровью содранных мозолей и жизнями проложили нынешнюю трассу Северного морского пути.

Я восхищаюсь ими: настоящими аристократами духа, гордецами, франтами, галантными кавалерами – на берегу. Патриотами и храбрецами – когда под сине-крёстным Андреевским флагом они шли в огонь Цусимы и Порт-Артура, а затем – в смертельно опасные полярные льды.

Поэты, писатели, офицеры Серебряного века! Они были одной и очень талантливой группы крови. Бесстрашным воином, чьи действия на поле боя дважды были отмечены двумя Георгиевскими Крестами, был поэт Николай Гумилёв. А морское офицерство профессионально музицировало, прекрасно мело, сочиняло стихи и песни. Воспомина-

22 и 28 января
Премьера в честь юбилея 100 лет
Литературно-артистическое кабаре
"Подвал Бродячей собаки" пл. Искусств 5
Адрес ул. Итальянская д. 4, телефон для справок 312 80 47

Празднование столетия в юбилей Серебряного века. Аутентичная атмосфера и заведённая кабре - великие поэты начала 20 века, а так же Мировые знаменитости из мира искусства. Пьеса написана специально для юбилея.

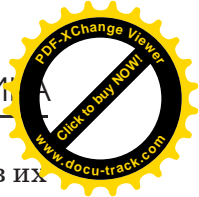
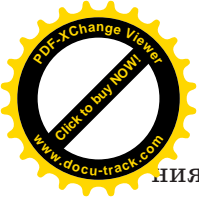
Лариса Габитова
«Серебряный сон»
ПОДВАЛ БРОДЯЧЕЙ СОБАКИ

Начало в 19:30
Спектакль идёт с одним антрактом

Режиссёр-постановщик
Ирина Кирпичёва

Художественный руководитель проекта
Лариса Габитова

Билеты можно приобрести в кассе "Подвал Бродячей собаки"

ния изгнанных в эмиграцию русских офицеров, опубликованные в журналах разных стран, читаются как высокохудожественные повести и рассказы.

Не случайно авторство известного романа «Гори, гори, моя звезда» несколько десятилетий молва приписывала Н. Гумилёву и А. Колчаку.

Доехав до площади Искусств, спустились в подвальчик. Серебряный век окружал со всех сторон. Казалось, что шершавая кладка сводов легендарного кабака даже через столетие сохранила тепло камина, у которого грелись великие «собачники»:

И бродят тени, и молят тени: Пусти, пусти!

От этих лунных осеребренных куда ж уйти?

В этот момент в голове возник вопрос: а посещали ли офицеры Императорского флота «Бродячую собаку» в начале 20 века?

Кодекс чести не приветствовал развлечения дворян-офицеров в заведениях с сомнительной репутацией. Но я, перечитавший тонну литературы об исследователях Арктики, нашёл косвенные сведения, что господа офицеры хаживали «якорить» дамочек в этом кабаке: стихи «флотского Лермонтова» Серебряного века старшего лейтенанта Алексея Жохова печатал на страницах своего журнала «Аполлон» поэт и офицер Николай Гумилёв.

Усадив жену за столик, вышел покурить в фойе. Там уже было пусто, только вокруг урны-пепельницы кружком стояло пять-шесть молодых людей. Тронул одну из девушек, жгучую брюнетку, за локоть: «Можно и мне втиснуться?». Девушка чуть сдвинулась и пропустила меня в круг курящих...

А потом началось действо.

Из темноты появилась женщина в платье из серебрящейся пены (так мне показалось!) и стала читать стихи.

Женщина (Лариса Габитова), тут же окрепшая мною Бригантиной, не стояла на месте, она лавировала между столиками и её голос набирал силу. И от этого белое платье казалось уже не комом серебряной пены, а парусом мятежного корабля.

Бригантина звала ушедших в небытие мэтров и классиков русской поэзии, вернуться под своды любимого кабака и наполнить его серебряным светом минувшей эпохи.

И, подчиняясь магическому зову Бригантины, души тех, кто ушёл невозвратно, стали материализоваться в узнаваемые по хрестоматийным портретам лица. Но только узнаваемые, ибо они, мэтры, классики и гении, возвращались в свой «собачий» дом ещё не

монументальными, не забронзовевшими в их посмертной славе.

С того неба, которое всех примиряет, они спускались к нам молодыми и вольнолюбивыми частицами Серебряной эпохи. На наших глазах рождались их стихи, звучали их откровения, происходили сцены ревности и любовные интриги.

Вот закутанный в чёрный блестящий плащ сверкающей молнией в зал врывается юный Владимир Маяковский (арт. Ф. Смольянинов) недавно выпущенный из Бутырской тюрьмы. Быть может, это было его первое публичное выступление в «Бродячей собаке», которое, состоялось 30 ноября 1912 г.? «Стрижка и бритьё» ещё не обнаруживала в голове поэта «серебра годов», он был полон надежды и веры, что к нему «во веки не придёт позорное благоразумие».

И, конечно, молодой Владимир Владимирович, стал эпатировать публику, запуская в неё шоковые «ананасы»:

*Вам ли, любящим баб да блюда,
жизнь отдавать в угоду?!
Я лучше в баре блядам буду
подавать ананасную воду!*

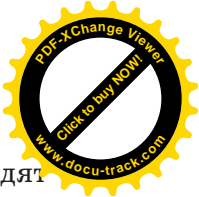
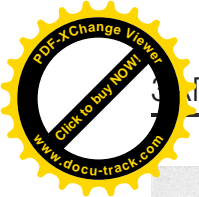
Вот появляется Николай Гумилёв (арт. С. Ефимов) – в то время лидер «Цеха поэтов» и азартный путешественник, посетивший Африку, когда это было смертельно опасно.

В 1910 году вышел сборник стихов Гумилёва, «Жемчуга», в который входит поэма «Капитаны», прославляющая мужество, силу и доблесть «открывателей новых земель» всех времён и цветов кожи. А я к заморским пиратам и флибустьерам не могу не добавить имена русских морских офицеров первопроходческой Великой Северной экспедиции (1733–1743 гг.), «Петровских птенцов» Витуса Беринга, Алексея Чирикова, Василия Прончищева, братьев Харитона и Дмитрия Лаптевых, Дмитрия Овцына, Семёна Челюскина и участников легендарной ГЭСЛО – Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана (1910–1915 гг.) Александра Колчака, Бориса Вилькицкого, Алексея Жохова и др.

*Пусть безумствует море и хлещет,
Гребни волн поднялись в небеса,
Ни один пред грозой не трепещет,
Ни один не свернёт паруса.*

Надо ли говорить о том, что гумилёвские «Капитаны» приводили и приводят в морские колледжи и вузы тысячи мальчишек. В 1967 году среди них оказался и я...

Гумилёв представляет нам свою молоденькую жену Анну – «не то монахиню, не то

блудницу, а вернее блудницу и монахиню, у которой блуд смешан с молитвой». Оказалось, что артистка, Д.Пронина – это и есть та девушка, что уступила мне место у пепельницы в фойе!

*Ты куришь чёрную трубку
Так странен дымок над ней.
Я надела узкую юбку
Чтоб казаться ещё стройней*

Для кого же вы, Анечка, совсем недавно обвенчавшись с Николаем Гумилёвым, сегодня надели эту сексапильную юбку? И почему вы всё время отводите взгляд от мужа? Или юбка надета для некоего мужчины, о котором вы мечтаете в эротических снах? Не этому ли счастливчику посвящены ваши стихи:

*...Он не станет мне милым мужем,
Но мы с ним такое заслужим,
Что смутится Двадцатый Век.*

Вскоре захочет Первая мировая война. Все завсегдатаи «Бродячей собаки» начнут слагать патриотические и военные стихи. Но лишь двое, Николай Гумилёв и Бенедикт Лившиц, проявят себя как настоящие мужики – уйдут на фронт добровольцами. «Чёрный гусар» прапорщик Гумилёв будет публиковать в Санкт-Петербургских газетах «Записки кавалериста».

За отвагу и храбрость Гумилёва наградят двумя Георгиевскими крестами. К доблести мужа Анечка Ахматова отнесётся тревожно, но иронически:

*Долетают редко вести
К нашему крыльцу,
Подарили белый крестик
Твоему отцу.*

Брак Гумилёва и Ахматовой оказался кратковременным. В 1918 года они официально оформили развод по инициативе Анны. Она ушла к другому мужчине – востоковеду Владимиру Шилейко. Гумилёв женился на потомственной дворянке Анне Энгельгард, которую называл Анной Второй.

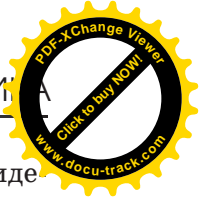
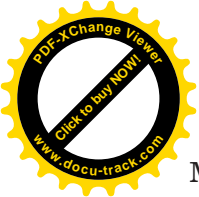
Ой, ля-ля! Так же не свят, как юная Ахматова, в зал вваливается помятый и не очень-то трезвый Михаил Кузмин (арт. Я. Шварев). Весел вечер за бутылкой! Забалтывая гостей «Собаки» анекдотами о Канте, поэт и философ успевае выпить и поест (на халяву, с чужих столов!) и снять девочку (гусары денег не берут !):

Не будем порицать Кузмина. В новогоднюю ночь 1913 года он подарит «собачникам» гимн:

*От рождения подвала
Пролетел лишь быстрый год,
Но «Собака» нас связала
В тесно-дружный хоровод.
Чья душа печаль узнала,
Опускайтесь в глубь подвала
Отдыхайте от невзгод!*

Ба, знакомые всё... шубы! Чтобы отпраздновать в кругу друзей возвращение из Парижа, где пел в Русских сезонах, в «Собаку» прикатил великий бас Фёдор Иванович Шалапин (арт. А.Перминов). К Шалапину у полярников особо тёплое отношение. Когда Георгий Седов объявил подписку на сбор денежных средств для первого русского броска к Северному полюсу, Шалапин внёс в фонд полюсной экспедиции колоссальную по тем временам сумму – 10 000 рублей. Он был патриотом своей страны и мечтал, чтобы русский флаг развевался на северной вершине планеты. Для специалистов полярного цеха Шалапин такой же свой, как купцы Михаил Сидоров и Александр Сибиряков, помогавшие денежными средствами русским мореплавателям (и не только русским) осваивать Северный морской путь. Поэтому Шалапина мы нередко называем «наш Иваныч».

А вот и Тамара Карсавина (арт. Е.Хорошева), приехавшая отметить в «Бродячей собаке» день рождения! Друзья подарили балерине сборник стихов «Букет для Карсавиной».

Михаил Кузмин ей написал:

*...Вы Коломбина, Саломея,
Вы каждый раз уже не та,
Но всё яснее, пламенея,
Златится слово «Красота».*

Ни одна балерина Серебряного века не была так любима поэтами и художниками. Карсавину писали В. Серов, Л. Бакст, М. Добужинский, С. Судейкин, З. Серебрякова...

На любовь и поздравления «собачников» Карсавина ответила танцем с шарфами, которые разноцветными молниями разрезали пространство. Это было предвестием хаоса, который наступит через несколько лет, когда Россия разломится на белых, красных и прочих «цветных»...

Полтора часа в атмосфере «Бродячей собаки» начала 20 столетия я просуществовал одновременно в трёх измерениях.

В первом измерении я был тем, кто я есть, смотрел на сцену и в зрительный зал, не забывая косить взгляд в сторону жены: не опустел ли её бокал, не подлить ли шампанского?

Во втором измерении я, уже изрядно употребивший коньяку, почувствовал себя не цивильным господином, а готовым к «подвигам» капитан-лейтенантом (это моё воинское звание) и поэтом – почти как легендарный герой ГЭСЛЮ – Гидрографической экспедиции Северного ледовитого океана, Алексей Жохов. И сидящая рядом жена, уловив моё желание погусарить с симпатичными зрительницами, грозно вскинула брови...

Коньяк был неплох. Поэтому в компании, что занимала большой стол вблизи моего, я вскоре «разглядел» лейтенанта Георгия Брусилова, геолога Владимира Русанова и его сподвижника – молодого полярного капитана Александра Кучина. С ними наслаждались коктейлями их невесты – блистательная дворянка Ерминия Жданко, обольстительная парижанка Жюльетта Жан и красавица – норвеженка Аслауг Паульсон. До их старта на судах-скорлупках «Святая Анна» и «Геркулес» навстречу льдам Северного Ледовитого океана (1912 г.) оставались считанные месяцы...

Столик рядом занимали старший лейтенант Георгий Седов и его жена – балерина Императорского Мариинского театра Вера Май-Маевская. Георгий старался скрыть от жены тяжёлое настроение. Его проект санной экспедиции к Северному полюсу не получил финансовой поддержки правительства России. Он вынужден собирать нужную сумму через пожертвования частных лиц.

За столиком чуть подалее мне привиделись кавторанг Борис Вилькицкий и капитан первого ранга Александр Колчак. Оба будущих адмирала не давали скучать сидевшей между ними молоденькой жене Колчака Софье Омировой. Она хохотала. В её жизнь ещё не успела войти разлучницей Анна Тимирёва...

В третьем измерении пассивное положение зрителя меня уже не устраивало. Захотелось стать участником этого хмельного, весёлого «разгуляйства». Поэтому я здорово разозлился на арт-директора «Собаки» Бориса Пронина (арт. В.Штыпс), который, обращаясь к одному из новых гостей, спрашивал: «*Как, разве вы у нас ещё не выступали? Надо выступить!*», – а смутившийся гость упирался...

Эх, Борис Константинович, не к тому обращаешься, хотелось мне крикнуть Пронину, обратись лучше ко мне или к Алёше Жохову. Если попросишь выступить меня, я прочитаю моих «Штурманов», написанных в параллель Гумилёвским «Капитанам»:

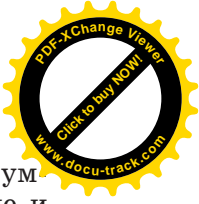
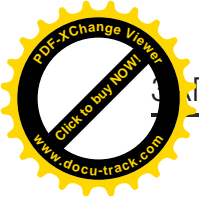
*...Но весной начнётся с начала
Флибустьерская наша пора.
Будут спущены в воду с причала
Промысловые катера.*

*Цепко стиснув окружье штурвала,
Забывая вкус баб и вина,
К белой пене девятого вала
За добычей уйдут штурмана!*

А предложишь Жохову, то Алексей прочтает его всеполярно известную эпитафию, под которую мы, русские «псы полярных троп» и доселе опускаем в могилы погибших товарищей:

*Под глыбой льда холодного Таймыра,
Где лаем сумрачным песец
Один лишь говорит о тусклой жизни мира,
Найдёт покой измученный певец.
Не кинет золотом луч утренней Авроры
На лиру чуткую забытого певца –
Могила глубока, как бездна Тускароры,
Как милой женщины любимые глаза.
Когда б он мог на них молиться снова,
Глядеть на них хотя б издалека,
Сама бы смерть была не так сурова,
И не казалась бы могила глубока.*

Но почитать свои стихи в «Бродячей собаке» 20-го века мы с Жоховым не успели. Бригантина вывела свою команду актёров на традиционные поклоны, что для нас, зрителей, означало: закончен бал, погасли свечи, и наверху нас заждался 21 век!

Очень неохотно зрители потянулись в гардероб. Большинство гостей сохраняли улыбки от пережитого весёлого действия. Но было и меньшинство, лица которых были грустны. Стали вспоминаться трагические судьбы тех, кто вознёс литературную и морскую славу России на недостижимую высоту.

В марте 1914 года на пути к Северному полюсу, не достигнув цели, скончается Георгий Седов.

Ещё до закрытия властями «Бродячей собаки» льды Арктики погубят Георгия Брусилова, Владимира Русанова, Ерминию Жданко и Жюльетту Жан. Наполнив Арктику героическим авантюризмом и любовью, они исчезли в Ледовитом океане неизвестно где, когда и при каких обстоятельствах...

Тогда же среди полярных льдов на борту ледокольного транспорта «Вайгач» умрёт Алексей Жохов.

Жена Георгия Седова Вера Май-Маевская, невеста Алексея Жохова Нина, невеста Александра Кучина Аслауг Паульсон, навсегда останутся верны памяти своих капитанов и никогда не выйдут замуж.

И даже многие годы спустя из Норвегии в Россию будут идти письма Аслауг к Александру Кучину: *«...Я так долго не имею от тебя вестей, но верю в то, что ты жив, что любишь меня. Пусть любовь сохраняет нас, людей...»*

И чем глубже память погружала меня в Серебряный век, том горше становилось в душе. Стук каблуков жены отзывался в ушах метрономом, отбивающим беспощадное Время. Кирпичная облицовка стен «Бродячей собаки» уже не грела душу «собачьим» теплом, а напоминала подвал ЧК.

Всего через пять лет после закрытия артоподвала (1915 г.) командор русской поэзии Николай Гумилёв и командор полярных морей Александр Колчак примут смерть от красной расстрельной пули. Места, где упокоился их прах, до сих пор неизвестны...

В те же двадцатые годы горячих патриотов своей Родины – гордость русской оперной сцены Фёдора Шаляпина и «Российского Колумба» Бориса Вилькицкого – красная Россия взапой вытолкнет в эмиграцию. Оба умрут и будут похоронены на чужбине.

Не столь много лет жизни судьба отпустит ещё одному Серебряному командору – Владимиру Маяковскому. Разрушительные волны под именами Лиля Брик, Татьяна Яковлева, Вероника Полонская и «товарищ маузер» оборвут его жизнь на взлёте...

С гибелью Серебряных командоров, также трагически и жестоко, на полуслове, разрушится Серебряный Век.

Любимец женщин Михаил Кузмин умрёт от болезни в 1936 году в Ленинграде и будет похоронен на Литературных мостках Волковского кладбища. Но даже его, нейтрально, хотя и в тревоге за своих близких, пережившего все репрессии, не пощадило «красное колесо». После Великой Отечественной войны могила Кузмина была перенесена на другой участок кладбища в связи с сооружением мемориала семьи Ульяновых.

Анна Ахматова скончается в 1966 году. Её судьба трагична. Репрессиям были подвергнуты самые близкие ей люди. Прощаясь с Серебряной эпохой, вспоминая друзей – «собачников», великая поэтесса восприсит Бога («Поэма без героя»):

*Как же это могло случиться,
Что одна я из них жива?*

Мы до сих пор спорим с женой: что ж такое «Серебряный сон» Ларисы Габитовой – комедийный фарс или трагедия до разрыва аорты? Ещё бы раз посмотреть этот уникальный спектакль!

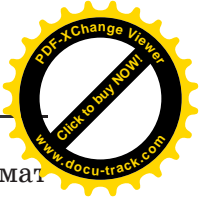
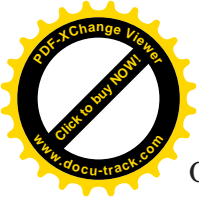
И всё же, вспоминая «Серебряный сон», один упрёк в адрес Габитовой – сценариста мы высказываем.

Почему грустило «меньшинство», представленное зрителями старшего поколения, ясно: нам «стали вспоминаться трагические судьбы тех, кто вознёс литературную... славу России на недостижимую высоту». А вот почему на лицах «большевиков» не сходили «улыбки от весёлого действия» – этот вопрос, слава Богу, уже рассматривается на президентском уровне. Причина – бездуховность поколения, проросшего за 20–30 минувших лет.

И ещё: моя жена, филолог, просмотрев современный школьный учебник русского языка и литературы, ахнула и сказала: *Ну уж нет! Учить Ромку* (– это наш внук) *литературе я буду сама!*

Поэтому Бригантина просто должна была какой-либо фразой в финале сделать «контрольный выстрел» в мозги «большевиков», т.е. акцентировать их на трагических судьбах тех, кто их развеселил

Успех и незабываемость спектакля не только в том, что он окунает нас с головой в атмосферу Серебряного века. И не потому, что я, моряк и полярник, хлебнув душевно коньячку, «разглядел» среди гостей дорогих моему сердцу Колчака, Вилькицкого, Жохова...

Очень неоднозначное время, символом которого является хрустящий «Зелёный Бакс», накатило на наш город.

На стенах домов и витринах Невского уже места свободного нет от иностранных словечек.

А куда подевались

«.....красавицы.....»

И вальсы Шуберта и хруст французской булки,

Любовь, шампанское, закаты, переулки?»

Что до красавиц, то петербурженкам уже давно небезопасно гулять и любоваться как «в закатном блеске пламенеет ... лето»: город насыщен выше крыш хулиганствующими «гостями» из бывших республик Союза. О наших же мужчинах, слегка перефразировав Юрия Аделунга, можно сказать, что они

«.....давно уже не те,

.....»

Спят в тепле,

А шпаги на стену повешены.

Вальсы Шуберта нынешнее поколение разменяло на рок-музыку, порой напомина-

ющую звуки в обезьянних вольерах Аромат Петербургской «французской булки» при- давлен запахом чебуреков.

Что касается любви, то она предлагается в тысячах зазывных объявлений, расклеенных по всем заборам нашего города.

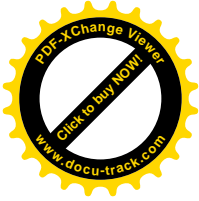
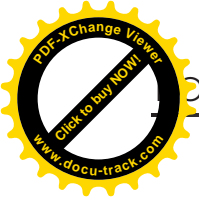
А меж золотой листвы, так романтично шуршащей на ветру в переулках и парках Санкт-Петербурга, всё больше и больше про- глядывается выхарканная гастарбайтерами шелуха семечек.

Лариса Габитова своим «Сном» напо- мнила всем, что Санкт-Петербург – самый се- ребряный город планеты. И мы, его жители, обязаны этому серебру соответствовать. Чтоб мужчины, независимо от формы одежды (эполеты или цивильное), были по духу офи- церами. Чтоб женщины по манерам и мента- литету не напоминали ни «Клашу суралма- ша», ни «стриптизёрш»...

А посему, друзья-полярнички, прибыв в Северную столицу в отпуск ли, в командиров- ку, сходите в чудесный кабачок «Бродячая собака» на «Серебряный сон». Не пожалее- те!

г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ПОДВИЖНИКИ ЧУКОТКИ

УЧИТЕЛЬ ОСТРОВА АЙОН

В октябре 1999 год я была в городе Новомосковске в гостях у супругов Пономарёвых, Ивана Филипповича и Марии Андреевны, которые в 1948–1970 годы работали на острове Айон. Я с ними познакомилась, когда с группой девчат – выпускниц Уржумской фельдшерско-акушерской школы приехала на работу по направлению в посёлок Певек. В то время Иван Филиппович уже год жил на Чукотке, а его будущая жена Мария приехала в октябре 1948-го из города Борисоглебска. Живя в Певеке, мы вместе неоднократно встречались, когда они приезжали из Айона по своим делам. Даже в 1948 году в первый год моего приезда встречали вместе праздник

Октябрьской революции. Несколько раз у них гостила на материке во время своих отпусков. И вот спустя полвека мы вспоминали, как добирались до Чукотки, вспоминали о своих сверстниках, своей жизни. Иван Филиппович до Певека добирался около 3 месяцев.

В 1947 году Иван Филиппович Пономарёв долго не задержался в Певеке: был молод, холост, и его направили на остров Айон директором школы и единственным учителем. Ему предстояло построить там интернат и школу. Уговаривать родителей отпустить детей учиться, вывезти их из тундры, обустроить, одеть, накормить – и всё это поручалось 20-летнему парню. Ему же нужно было обучать взрослое население русскому языку, выезжая в тундру в составе красной

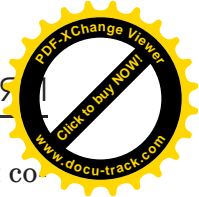
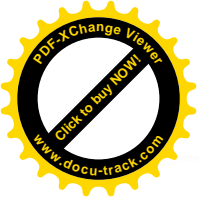
ювентулы (учитель, фельдшер, киномеханик), самому учить чукотский язык. Так он работал, как и все учителя в то время. В 1949 году женился на Марии Мешковой, приехавшей из Борисоглебского медучилища. Вскоре друг за другом у них родились 2 сына и дочь. Мария Андреевна все эти годы следила за здоровьем островитян, лечила взрослых и детей, принимала роды, иногда направляла в райбольницу посёлка Певек. Увидев, что Пономарёв такой работающий, администрация района предложила ему не менее трудную работу – быть председателем колхоза «ЭНМИТАГИНО», затем его директором. Не изменяя Острову Айон, более 30 лет жизни и работы Пономарёвы отдали ему.

Пономарёва Мария Андреевна (слева),
Пономарёв Иван Филиппович,
Шарыпова Анфиса Никитьевна (1999 г.)

УЧИТЕЛЬНИЦА МОЕГО СЫНА – МАКСИМКИНА ПОЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА

Многие старожилы Чукотки – посёлков Уэлен, Лаврентия, чукотских стойбищ Анадыря и их дети помнят учительницу начальных классов Полину Александровну Максимкину. Я же познакомилась с ней в 1961 году, когда мы с мужем Иннокентием Шарыповым и детьми Лёней и Серёжей приехали в Анадырь из села Ваеги

Полина Александровна

Марковского района. Наши бараки стояли рядом (улица Горького, барак № 3). Полина Александровна жила в небольшой комнате с мужем – учителем Фёдором Зориным, дочерьми Аллой, Наташей и внучкой Мариной. Иногда мне приходилось, работая участковой медицинской сестрой, оказывать им помощь.

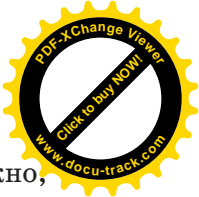
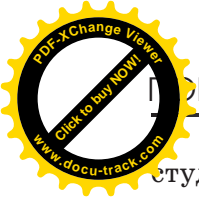
Дети мои пошли в школу

Пошли в деревянную двухэтажную школу-десятилетку наши дети Лёня и Серёжа. Серёжу в первый класс определили к Полине Александровне. Я была счастлива, что именно его стала учить Полина Александровна. Дети её класса успешно переходили в следующие классы с хорошими знаниями. Во время одной из бесед Полина Александровна рассказала, что приехала по направлению на Чукотку в 1933 году в возрасте 18 лет. Для работы отвезли её на стойбище довольно богатого оленного чукчи около селения Уэлен. Попав в незнакомое место, не зная обычаев и языка, я всецело зависела от хозяев. Жила тихо, присматриваясь к местному быту. Помаленьку стала знакомиться с соседями, детьми, учиться чукотскому языку, зная, что без знания языка не смогу привлечь детей к учёбе, а главное – убедить родителей, чтобы

на час или два разрешили собираться в яранге хозяев для собеседования. Сначала речи об учёбе как таковой не было. «Мы просто приглядывались друг к другу, дети приходили разного возраста, мы общались, узнавали названия предметов быта на чукотском и русском языках, пили чай. Меня дети звали Палей. Постепенно стали знакомиться с алфавитом, бумагой, карандашом. Так прошёл год с лишним. За 1933–1934 годы я научилась чукотскому языку, а детей научила русскому. В 1935 году меня вызвали на учительскую конференцию, а после неё перевели в школу посёлка Уэлен, где я встретила учителя Фёдора Зорина. Поженились, стали вместе работать. Я тогда уже начала преподавать чукотский язык. Работали мы вместе с мужем и в школе села Лаврентия, Певеке, а потом уже в посёлке Анадырь. Лет пять до пенсионного возраста была директором Базовой школы Анадыря, где проходили практически занятия

Чукотские ученики, 1938 год

студенты педагогического училища. В те же годы на Чукотку приехали сёстры Ольшевские Елена Фадеевна и Вера Фадеевна. Обе они работали в школах Чукотки, Елена Фадеевна – учителем, Вера Фадеевна – библиотекарем. Чукотку они так и не покинули, остались здесь навсегда. Сейчас живут в Анадыре две внучки, Ирина и Елена.»

Получив пенсию, Полина Александровна вместе с мужем и внучкой Мариной выехали в город Хабаровск.

Выезжая в отпуск из Анадыря к моей маме, живущей в Амурской области, я по несколько дней всегда гостила у Максимкиной в Хабаровске. Они меня всегда приветливо встречали, интересовались Чукоткой, жителями её. Полина Александровна с дочерьми и внучкой жили в двухкомнатной кооперативной хрущёвке. Имели несколько грядок на даче, садили зелень петрушки, укроп, морковь и картошку, огурцы, закатывали банки с овощами, Скучали по Чукотке. Полина Александровна

мечтала хоть одним глазом увидеть какова теперь жизнь на Чукотке, встретиться со старожилками. Но, увы, здоровье и годы не позволяют этого. А зимой 2004 года её не стало. Светлая память заслуженному учителю России, Ветерану Труда Магаданской Области!

**УЧИТЕЛЬ ЗОРИН –
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
ЧАУНСКОГО РАЙОНА
(п. ПЕВЕК)**

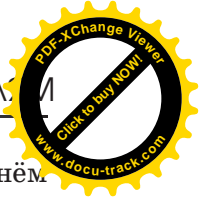
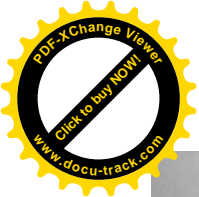
**Мои родители
Максимкина
Полина
Александровна
и Зорин Фёдор
Кузьмич**

Недавно я получила письмо из Хабаровска от Натальи Зориной, дочери Полины Александровны и Фёдора Кузьмича Зорина. В письмо были вложены фотографии родителей и чукотских уче-

ников 1938 года, возможно, из посёлка Певек. Наталья Фёдоровна пишет, что родители, окончив во Владивостоке педучилище, были направлены учителями на Чукотку в 1933 году. Оба работали в тундре, жили в разных стойбищах вместе с семьями чукчей, находясь у них на содержании. Познакомились родители в 1935 году, поженились и в 1936 году родилась моя старшая сестра Алла. А с 1937 года папа был переведён на разные должности партийно-советских органов. Из посёлка Лаврентия сначала в 1937 году перевели в посёлок Певек на должность председателя Чаунского райисполкома, по 1946 год, там и я родилась в 1939 году. В 1946 году папа поступает по направлению в Хабаровскую партийную школу, после её окончания работает некоторое время инструктором Крайкома партии в Хабаровске и в 1949 году отсюда был переведён в окружном партии посёлка Анадырь. А мама, выезжая с папой всё время, работала учителем начальных

Учитель Кузнецов (слева) с жителями Янракиннота

Зорин Фёдор Кузьмич

школ, где студенты Анадырского педучилища проводили практику.

Папа и мама в 1970 году были награждены медалью к 100-летию В.И. Ленина.

Правнучка моих родителей Аня закончила пединститут, стала учителем английского и японского языков. Она уже три раза съездила за границу в англоговорящие страны: Австралию, Мальту и Суматру. В первых двух странах училась на курсах и там получила дипломы. Она работает в Хабаровске в частной школе, пользуется авторитетом. Её студенты в 2015 году сдали ЕГЭ на «хорошо», а две ученицы на «отлично», так что она пошла по стопам бабушки и мы ей гордимся.

Сейчас в Хабаровске дружно живут дочь Наталья Зорина на пенсии, внучка Марина – медсестра онкологической больницы, и правнучка Анна – преподаватель английского и японского языков.

УЧИТЕЛЬ КУЗНЕЦОВ – ПАРЕНЬ ИЗ УРЖУМА

В 1954 году в посёлок Янракыннот приехал учитель

начальных классов Кузнецов Михаил из Уржумского района Кировской области, по национальности мариец. После получения диплома учителя младших классов в Уржумском педучилище его направили на работу на Чукотку. Таким образом он попал в посёлок Янракыннот. Прежде чем образовать учебный класс, ему предстояло поехать на оленьих или собачьих нартах по оленеводческим бригадам и собрать детей, уговорив родителей отпустить своих чад в школу, что не всегда удавалось с первого разу. Сначала привёз детей человек пять в сопровождении родителей и занялся трудной работой: предстояло самому научиться чукотскому языку, потом учить детей по русскому букварю, как поступали все приезжие с «материка» учителя. Были и учителя – чукчи и эскимосы выпускника педучилища Анадыря – эскимос Сергей Николаевич Яварэн и чукча Пётр Номенкау. Но и они должны были сначала изучить русский язык, а потом получить диплом, чтобы быть учителем. На родном языке дети мало обучались, да и букварей и других учебников почти не было. Так что учитель и ученики учились друг у друга. Кузнецову чукотский язык легко давался. Так как он знал марийский и русский. Через год 10 декабря 1955 года в день 25-летия образования Чукотского Национального Округа он женился на чукчанке Рультын Вере. Родились дети: две дочери и сын, все получили образование, дочь Галя Нейкина – фельдшер, Мария Валетке – бухгалтер, а сын Владимир Кузнецов – строитель, у них внуков восемь. Малограмотная его жена Вера закончила только четыре класса. Училась по вечерам у Михаила и жена Рультына Вера, вместе со всеми ликвидировала

свою неграмотность. А днём работала поваром в детском саду или в больнице.

Михаил Кузнецов днём учил детей, а вечером – взрослых, также и в оленеводческих бригадах ликвидировал неграмотность у работников тундры, выезжая в составе красной яранги, вёл просветительную работу: знакомил пастухов с новостями посёлка, решениями и планами правления колхоза, последними новостями районных и центральных газет. Тундровики его любили. Он разговаривал с ними на своём понятном чукотском языке. Живя в Янракынноте, привык к чукотской жизни, занимался охотой, рыбалкой. Михаил с детьми и женой ездил на его родину в деревню Пакшай (сейчас этой деревни уже нет). Познакомились с его двумя братьями и тремя сёстрами. Отец его Гавриил Ильич Кузнецов, участник Великой Отечественной войны, оставшись вдовым, один воспитал детей, дал им образование.

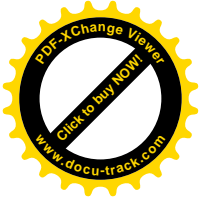
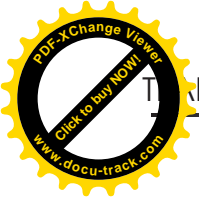
НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ В ТУНДРЕ

Однажды Михаил пошёл на подлёдный лов рыбы, в пути его застала пурга, заблудился, потерял ориентир, долго кружил и замёрз. Его искали жители посёлка группами пешком и на вертолёте, но нашли только через несколько дней на нарте, занесённым снегом... За его могилой до сих пор ухаживают бывшие и теперешние ученики.

После смерти учителя Михаила Кузнецова и пожара (сгорел дом) семья переехала в посёлок Хатырка Беринговского района.

Анфиса ШАРЫПОВА

г. АНАДЫРЬ,
Чукотский автономный округ

Безнравственные методы борьбы в писательской среде города Кирова

Не так давно мне попало в ГАСПИКО дело, которое воочию показывает безнравственные методы борьбы в писательской среде нашего города.

Особенно оно интересно тем, что там подробно рассказывается о том, как так называемый писательский актив «боролся» с талантливым литератором Леонидом Владимировичем Дьяконовым.

Годы Великой Отечественной войны показали, кто чего стоил из писателей нашего города. Тираж выпущенных в те годы книжек Леонида Владимировича превышал 1 миллион. Эти маленькие книжечки зачитывались до дыр и сохранились только в отдельных библиотеках.

Отмечу также, что рекомендации для принятия Леонида Владимировича в члены Союза Писателей СССР написали Евгений Иванович Чарушин и Евгений Львович Шварц, которые в годы войны жили в нашем городе.

Из протокола общего собрания сотрудников издательства «Кировская правда» от 17 мая 1937 года:

Присутствует 68 человек.

Повестка дня:

Доклад тов. Алдана о собрании московских писателей (драматургов) и о писательской и журналистской этике.

Разное.

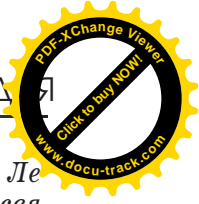
Президиум собрания: Перовский, Макаров, Ложкина.

Слушали: Тов. Алдан доложил о собрании московских писателей (драматургов), о вскрытии в среде литературных работников врагов народа (Бруно Ясенского, Киршона, Афиногенова и других) – последователей троцкиста Авербаха. Заканчивая свой доклад, тов. Алдан останавливается на вопросах соблюдения этики со стороны наших журналистов. Говорит о безобразном поведении в последнее время журналиста-поэта С. Уланова. Зачитывая отрывки из стихов

Уланова, он говорит о фальши, так как слова его не сочетаются с его личным поведением и чувствами. Это можно назвать двурушничеством чувств. Говоря о поэте-журналисте Дьяконове, тов. Алдан говорит, что его горячие, революционные слова также расходятся с делом. Он считает себя непогрешимым, не терпит никаких указаний. Чванство и бахвальство его – невероятные. Непонятна и внушает опасения его связь до настоящего времени с писательницей Ольгой Бергольц – авербаховским приспешником в Ленинграде. Эта дружба уже длится около десятка лет. Далее тов. Алдан говорил о распущенности слова, о наличии в среде работников издательства «богемщины», что нужно искоренить в первую очередь, о необходимости соблюдения правил социалистического общежития. На вопрос, каковы его отношения с писателем Шуховым, тов. Алдан ответил, что Шухов в течение 10 лет был его другом и о проступках его он узнал только из газеты «Комсомольская правда».

Фельдман Лев Николаевич. Журналистская этика это значит большевикская этика. У нас в этом отношении неотрадная картина. Мы говорим о непримиримости к врагам, а Ипполитов, пособник врагов, до сих пор живет в редакционном доме. Считаю, что Васенев долгое время после разоблачения имел связь с Ипполитовым. Тов. Сергеева, член местного комитета, часто меняет домработниц, которым приходится работать без выходных и которых она так плохо кормит, что те голодают. Плоха связь журналистов с массами. Васенев, например, далек от жизни.

Кропачев говорит о врагах народа, просачивающихся в среду литературных и газетных работников, которые были в нашей среде. Надо повысить бдительность в несколько раз. Неблагополучно у нас и с этикой. Далее тов. Кропачев останавливается на системе оплаты существующей в редакции, говорит о высоких гонорарах и общих заработках некоторых работников. Это до некоторой степени вредно влияет на молодых

работников. Много у нас зазнайства и нездоровых явлений.

Макаров. Тема сегодняшней повестки дня серьезная. Надо дать политическую оценку сегодняшнему докладу. Враги пробрались в литературу и печать – самое острое оружие советской власти. Мы должны повысить свою бдительность, которой у нас в достаточной степени еще нет. Журналист-поэт Уланов напоминает дореволюционного единоличного крестьянского парня – «зимогора». Его интересы – Больше денег, больше форсу. Средства, получаемые в редакции, позволяют ему это делать. По-моему в стихах Уланова, которые зачитывал сегодня Алдан, звучат мысли и чувства человека, потерявшего вкус к жизни, отрицание желания повышать свои знания.

Бехтерев. Когда читаешь в газетах о врагах народа (Киршоне, Бруно Ясенском), то становится обидно, что они жили и писали у нас в советской стране, когда самое подходящее место для них – капиталистические фашистские страны. Из этого мы должны извлечь уроки. Надо обратить внимание на поведение Уланова, Васенева и Дьяконова (в отношении его дружбы с Бергольц).

Вахнин. Авербаховщина в литературе показывает нам, что враг использует всяческие возможности для своей подрывной работы. Моя ошибка в том, что я не распознал и не разоблачил врага в лице Якимовой, которая много писала и выдавала себя за члена облисполкома.

Хлебников. Мы выражаем протест против гнусных поступков авербаховцев. Уланов типичный двурушник. Его речи, стихи, передовые – это не искренние его слова и чувства. На словах одно, а поступки говорят за другое.

Радаева. Мы ни на минуту не должны забывать, что находимся в капиталистическом окружении. Местный комитет плохо распределяет профсоюзные нагрузки. Почему местный комитет не может организовать при издательстве литературный кружок, поручив это дело тов. Алдану и Васеневу?

Уланов. Критику мою признаю правильной, но двурушником никогда не был.

Васенев. О Шухове. Как может он написать что-либо ценное, когда он морально опустошен. А опустошение – это самое пагубное в работе писателя и журналиста. У меня в последнее время сложилась очень неблагоприятная обстановка. На каждом собрании раздаются слова, что мол состояние Васенева внушает опасение и тревогу. Это, конечно, страшно нервнрует.

Карнаушенко. Наша вина в том, что мы не разоблачили самозванку Якимову.

(ГАСПИКО, ф. Р-6777, оп.3, д.159а, л.195-198).

Из письма секретаря редакции «Кировской правды» Н. Хлебникова в адрес начальника управления НКВД по Кировской области Аустрина от 22 мая 1937 года:

«Бывший работник «Кировской правды» Леонид Владимирович Дьяконов много лет был связан дружбой с Ольгой Бергольц, с разоблаченной троцкистской-авербаховкой.

Последний раз Дьяконов был на квартире у Бергольц во второй декаде мая 1937 года.

Дьяконов не мог не знать о троцкистской деятельности Бергольц, но и раньше и теперь не желает рассказывать об этой деятельности.

В 1934 году в журнале «Звезда» (№ №4 и5) была опубликована контрреволюционная повесть «Журналисты». В этой повести главным персонажем выведен Дьяконов под псевдонимом «Банко».

Дьяконов ещё до выхода в свет этой повести своим приятелям (Мильчаков – работник библиотеки им. Герцена) сообщал, что Бергольц пишет повесть, в которой он, Дьяконов, будет главным действующим лицом и в этой повести цитируются стихи Дьяконова.

В 1934 году Дьяконов нигде не выступал против этой контрреволюционной повести и против того, что в этой повести он изображён двурушником.

Дьяконов до последнего времени состоял в группе сочувствующих ВКП(б). На заседании парткома 20 мая и на общем собрании 21 мая Дьяконов на прямо поставленные перед ним вопросы не отвечал, был неискренним, ничего не говорил о том, в чем заключалась его связь с Бергольц и на какой основе он с ней дружил. Также он умалчивает о переписке с Бергольц.

В мае Дьяконов был командирован в Москву и Ленинград. Уже находясь в командировке, он узнал из газет о разоблачении Бергольц. В Москву он не поехал, а из Ленинграда возвратился в Киров досрочно. Во время пребывания в Ленинграде был на квартире у Бергольц.

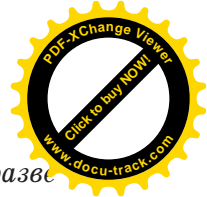
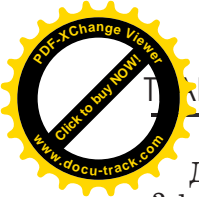
Здесь в Кирове Дьяконов связан дружбой с Мильчаковым (работником библиотеки им. Герцена), Франчески (работником лаборатории хромового завода) и со всей семьей Франчески. Сам Франчески – меньшевик. Также связан с Филимоновым (агрономом лесхимсоюза) и с Сениловым (работником лаборатории хромового завода).

Жена Дьяконова – Пленкина – студентка Ленинградского коммунистического института журналистики. Она тоже связана с Бергольц. Брат Пленкиной за контрреволюционную деятельность в Красной Армии заключен в тюрьму».

(ГАСПИКО, ф. Р-6777, оп.3, д.159а, л.243).

Из справки ответственного редактора «Кировской правды» Акмина, направленной в адрес секретаря Кировского обкома ВКП(б) Родина:

Бергер – цинкограф. Принят на работу 1 августа 1935 года. Уволен 9 ноября 1936 года в связи с арестом.

Дудин А.А., выпускающий. Принят на работу 3 февраля 1935 года. Уволен 16 ноября 1936 года в связи с арестом.

Ушахин А.М., заместитель заведующего партийным отделом, заведующий советским отделом, затем заведующий промышленно-транспортным отделом. Принят на работу 15 февраля 1935 года. Уволен 20 января 1937 года в связи с арестом.

Сосин М.Г., литературный работник. Принят на работу 14 января 1935 года. Уволен 13 августа 1936 года ввиду разоблачения его связей с троцкистами.

Ипполитов Д.А., корреспондент «Кировской правды» в Сарапуле, заместитель заведующего отделом краевой информации, заведующий этим же отделом. Прият на работу 22 марта 1935 года. Уволен 2 марта 1937 года и исключен из партии как пособник врагов народа.

Альчиков, литературный работник. Принят на работу 20 марта 1935 года. Уволен 4 сентября 1935 года. Исключен из партии при проверке партийных документов как классово-чуждый элемент 25 января 1936 года.

Дьяконов Леонид Владимирович, заведующий отделом. Принят на работу 3 января 1933 года. Уволен 21 мая 1937 года ввиду разоблачения его связей с авербаховцами.

Быков, инструктор отдела писем. Принят на работу 19 февраля 1937 года. Уволен 26 июля 1937 года ввиду разоблачения его связей с бандитской шайкой. Эти связи относятся к 1934 году.

Борзенко В.И., радистка. Принята на работу 25 ноября 1934 года. Уволена 18 февраля 1937 года ввиду разоблачения ее связей с троцкистом Першаковым.

(ГАСПИКО, ф. Р-6777, оп.3, д.159а, л.63).

То же самое происходило и в среде художников и работников музеев.

Из секретного письма ответственного редактора «Кировской правды» Карнаушенко в адрес начальника управления НКВД по Кировской области В.И. Юревича (без даты):

«В редакцию газеты «Кировская правда» обратилась с письмом группа художников города Кирова. Они сообщили о крайне неблагоприятном положении в областном музее им. Горького.

Редакция провела специальное совещание с художниками его подписавшими. В результате оживленного обмена мнениями было выявлено, что во главе музея находятся чуждые нам люди.

Выступивший на совещании сторож Лопатин заявил: «Вот еще что о Боголюбове скажу. 1 августа в антивоенный день собрались на площадь. Собрались колонны у театра и пошли. Идет машстройзавод и другие рабочие, а он говорит: «Навоз пошел». А директор (Ольнь – жена репрессированного врага народа, ныне в музее

не работающая) ему сказала: «Что ты, разве можно так говорить».

Редакция поручила группе товарищей из числа сотрудников редакции и художников заняться дополнительной проверкой фактов, изложенных в письме, также тех, о которых говорилось на совещании.

Результатом проверки явилось письмо, окончательно отредактированное, которое мы публикуем в нашей газете. В него вошел ряд новых фактов, обнаруженных при посещении нашими товарищами музея и дополнительного ознакомления с его фондами и постановкой работы.

Следует отметить, что чрезвычайно много интересных фактов не использованных в письме сообщил художник Деньшин, также принимавший участие в проверке работы музея.

Художник Деньшин сообщил, что ему хорошо известны как бывшая вятская купчиха-миллионерша Клабукова (правильно, Клобукова – А.Р.), так и ее близкая знакомая, работающая в музее, Москалец.

Клабукова, проживающая в последние годы в Москве, якобы в августе месяце прошлого года была репрессирована. Она была связана с конструктором самолетов Туполевым и неким сотрудником НКВД Лурье. Сын Клабуковой работает инженером на одном из оборонных заводов.

Кроме того, Деньшин сообщил, что скрывающаяся после Октябрьской революции из Вятки Клабукова приезжала в Вятку обратно в годы гражданской войны с охранной грамотой, подписанной женой Троцкого.

В Москве у Клабуковой, как у скульптора, была своя мастерская. Во время одного из приездов в Москву, Деньшин заходил к Клабуковой и видел у нее экспонаты, ранее хранившиеся в Кировском музее. Он выразил уверенность, что эти экспонаты передала Клабуковой из музея Москалец.

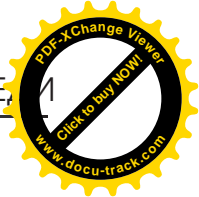
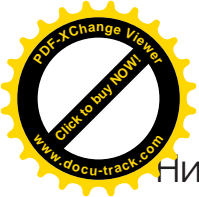
О том, что Клабукова репрессирована Деньшин говорил Москалец и Боголюбову, но больше года (до декабря 1938 года) бюст Клабуковой и ее личные скульптурные произведения экспонировались музеем.

Выступивший на совещании в редакции двоюродный брат известного вятского художника Рязанцева заявил, что художественное наследство Хохрякова, после его смерти, было, вопреки законам, отобрано в музей Боголюбовым и Москалец. Высказывается сильное подозрение, что часть произведений Хохрякова разворовано. Во всяком случае при проверке в музее никаких документов, свидетельствующих о том, что Хохряков передал свои произведения не оказалось».

(ГАСПИКО, ф. Р-6777, оп.3, д.159а, л.284-286).

Александр РАШКОВСКИЙ,
краевед

г. КИРОВ

Тина КАЛЕНДАРОВА

ЗА ЧАШКОЙ ЧАЯ

В деревне Остратово Новгородской области родилась Тамара. Она была нежеланным ребёнком, может быть, нагуленная без права на семейную жизнь. Мать, чтобы не обременять себя, оставила девочку в роддоме. Вся жизнь девочки до совершеннолетия прошла в детдомах и интернатах. Не зная материнской ласки, девочка любила уединяться. Разыскав её в малиннике, воспитатели наказывали унижительно, снимая трусики, стегали крапивой. Через девять лет мать стала разыскивать дочь по детоприёмникам и, когда на-

шла её, та не изъявила желания гостить у матери даже в летнее время. В детдоме было своё приусадебное хозяйство, где всегда нужны были помощники.

Из тех лет помнит Тамара один детский дом, расположенный в населённом пункте, где проходили боевые сражения. Туда и любили ходить мальчишки, а с ними и Тамара. Находили много винтовок, пулемёт и даже сгоревший самолёт. Свежи были воспоминания о Великой Отечественной войне и потому дети были способны переносить выпав-

шие невзгоды послевоенных лет. Наступил возраст шестнадцать лет. Тамара стала учиться на ветеринара – помощника врача по лечению животных. Прошла практику и стала мечтать о более возвышенном. Потому и поступила на курсы крановщиков, но уже в Ленинграде, когда приехала к родителям. Курсы она закончила, но несмотря на востребованную и дефицитную специальность крановщицы козлового крана, жить в большом городе не осталась из-за климата – влажного с пронзительными ветрами.

В МЕСТО ИСПОВЕДИ

Вернулась в город Новгород. Здесь вышла замуж. С мужем прожила пять лет. Муж не пожелал ехать на север. Тогда она поехала вместе с сыном. В город Сургут приехали в 1972 году. Рабочие руки требовались везде. По своей специальности сразу устроилась на строительство Сургутской ГРЭС. Отработала месяц. Первую получку обмывали бригадой. Посадила рабочих в корзину и стала поднимать вверх. Её, нетрезвую, заметил руководитель. Пришлось Тамаре уволиться. У себя на родине она везде понемногу работала: и дояркой, и рабочей на кирпичном заводе.

Здесь, в Сургуте, стала также работать и санитаркой в роддоме, и в магазине, и в охране. Вся трудовая исписана. Работала по принципу – заработала денег и уезжала с ними на родину. Себя так и называла «Лягушка-путешественница». Потом вышла замуж второй раз. Муж по профессии был музыкант. Любил выпить. Она тоже составляла мужу компанию. Уезжала с ним в Нижневартовск, где муж настраивал музыкальные инструменты.

До встречи с Тамарой он дружил с любителями – рыбаками. Через них Тамара познакомилась с творческими людьми города, стала своим человеком. У рыбаков был домик на берегу, который со временем, подмытый течением, висел над водой. Природа была живописной. Тамаре нравилось рыбачить на Оби с мужем, весёлым по натуре человеком. На природе хорошо обедать и, конечно, не без горячительных напитков.

В одну весну, вместо того, чтобы после обеда уйти в палатку и прилечь, или сойти на берег в безветренное место, она осталась в лодке. Уснула и простыла. В это время работала охранником, годы 1994-ый и 1995-ый. Потом у неё обнаружили пятно на лёгком и отправили в Тюмень на опе-

рацию. Там подготовили к операции и увезли к операционной. Одновременно сюда привезли мужчину для срочной операции. Про неё на какое-то время забыли. Тамара подозвала санитарку и попросила простыню, а потом с этой женщиной из обслуживающего персонала ушли в подвал к сантехникам. За деньгами, которые остались в палате, Тамара послала ту санитарку и та увидела, что медперсонал сбился с ног, разыскивая больную.

Через три дня Тамара сама пришла в палату. Лечащий врач на неделю оставил её поддерживать здоровье, а потом выписал без операции. Неумение сдерживать страсть к алкоголю! Тамара побывала в разных ситуациях. Когда умер муж-музыкант, пришла вторая беда – потеряла сына в автомобильной катастрофе. Тамара продала квартиру и поехала в Ленинград, где ещё была жива мать, но не ужилась.

Сургутский север как магнитом снова притягивал. Тридцать тысяч рублей от продажи квартиры ей так и не вернули. На деньги, которые остались, женщина купила в посёлке Банном небольшой домик, больше для лета. В Сургуте живут две неродные дочери от второго мужа и племянники. Их много, некоторым она сходит за родную мать. Но вот, проживала пока в Банном, сгорел её маленький домик со всеми документами.

Она и сожитель были пьяны. Потом попала под машину. Чудом осталась жить. Из головы откачивали жидкость, удаляли осколки стекла. От сотрясения мозга долго своё имя не могла вспомнить. Ещё травмированы ноги. Два года на лечение. Месяц полежит и сбежит в церковь, где насобирает подаяние. Документов нет. Без паспорта нет пенсии. Для паспорта нужна прописка. Сначала гарантия на два года.

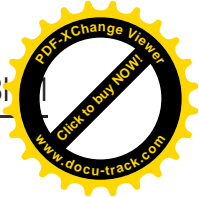
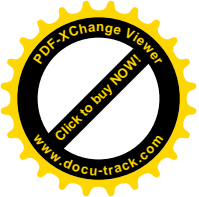
Доход только от подаяния.

У церкви есть своё место. Здесь их три женщины. Одна с Украины. Приехала к внукам после смерти дочери. Зять пьёт, не работает. Подаяние даёт возможность бедно, но жить. Есть ещё одна женщина из Кургана, которую держит другая ловкая женщина в своих руках. Она и для Тамары много плохого сделала – не оплатила её труд в торговле вещами. Это скрытые от посторонних глаз внутренние обиды, на которые некому пожаловаться.

В тот период, когда она предлагала свой товар – женскую куртку – с ней и познакомилась. Так как недалеко был мой дом, я пригласила её к себе. За чашкой чая, согреваясь, она стала рассказывать о себе, как о бездомной, которую выручают сердобольные прихожане. В божьем храме прощаются все грехи. Тамара Николаевна оказывает услуги торговкам. Ставит им свечи, покупает иконки, молится за них.

Кто рассудит её за неудачную жизнь? Праведная она или нет? Одно оправдание – детдом и отсутствие материнской ласки. Как можно осудить её, если она видит своими глазами, как в таких отдалённых посёлках, как Песчанное, Банное и других остались старушки, старики с наколками, когда-то ссыльные в 1946-47 годах? Они пьют в долг ещё не полученной пенсии. Есть там маленькие магазинчики, которым нужна выручка. Потому нет трезвых. Есть только пьяные, и так день за днём. Жуткие вещи рассказала погорелица Тамара. Она осуждает пристрастных к алкоголю людей, но не может точно сказать о том – появится ли у неё желание снова кутить. Остались дружки в Банном. И появившись она там, ей они были бы очень рады.

г. СУРГУТ

Сергей СУЩАНСКИЙ

ХОЗЯЙКА ПТИЧЬЕЙ СКАЛЫ

Лидия Вакуловская долго жила на Чукотке. Работая журналистом, она кочевала с оленеводами по тайге и тундре, выходила в море со зверобоями, писала очерки для альманаха «На Севере Дальнем», журналов «Наш современник», «Москва», «Октябрь», «Неман». Автор многих книг, вышедших в Магадане: «Пурга уходит через сутки» (1963), «Последняя радиограмма» (1965), «200 километров до суда» (1969), «Хозяйка птичьей скалы» (1971). В Москве была издана книга «Улица вдоль океана» (1972).

Часть 1. Закрытая для печати тема

Скудная информация – если не сказать большего. Скудная для писательницы, члена Союза писателей с 1963 года, выпустившей шестнадцать художественных книг. Удивительно и другое. Свои первые книги – «Пурга уходит через сутки», «Последняя радиограмма», «200 километров до суда», «Улица вдоль океана», Л.Вакуловская, посвятила Чукотке, где она проработала много лет. Маленьким жителям Чукотки адресован сборник рассказов для детей «Хозяйка птичьей скалы»². Однако по каким-то причинам Лидия Александровна не была включена в библиографический справочник «Писатели Чукотки. Выпуск 1» (Анадырь, 1993).

В архиве Магаданской писательской организации сохранились несколько писем Лидии Александровны, написанные в разные годы и адресованные разным лицам. Фрагменты некоторых из этих посланий в какой-то мере расширяют сведения о писательнице и о её взаимоотношениях с Магаданским книжным изда-

тельством. Вообще я читаю такую переписку с большим удовольствием, чем детективные романы. По моему твёрдому убеждению, письма являются более достоверными документами, чем, скажем, дневники или же воспоминания, записанные спустя десятилетия.

Итак, письмо Лидии Вакуловской Анатолию Пчёлкину:

Толя!

Почитай для интереса, какое «умное» письмо сочинил мне Ваш уникум-главред. Полгода изучал пристально мои опусы в журналах – и разродился. И мой ответ ему тоже тебе для интереса прилагаю. У него, по-моему, какая-то каша в голове. Я, конечно, понимаю, что переиздание моё ляснуло³, но, всё же, я высказалась. И то дело. Мне тут сябры-письменники говорят: пошли в Комитет эти все умозаключения его, вкупе со своим ответом. Да не стану я этого делать, себе дороже. И Грише Красногору пошлю сии копии, хай почитает своего «друга».

Будь здоров!

Лида Вакуловская
15 февраля 1985
Минск

Судя по приведённому выше письму, Вакуловская предложила Магаданскому книжному издательству свои произведения – для переиздания.

А вот и ответ (копия письма) Магаданского книжного издательства Вакуловской Л.А.:

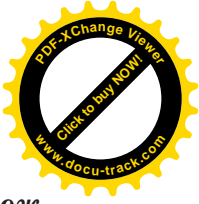
Уважаемая

Лидия Александровна!

Я добросовестнейшим образом прочитал присланное Вами. Что могу сказать?

Не случайно каждому пишущему (и издающему) настоятельно рекомендуют: чётко представляйте себе читательский интерес. От того, с кем вы собираетесь говорить, зависит и что вы говорите, и как вы говорите, и зачем вы всё это затеяли... Очень мудро рекомендуют.

Присланные Вами вещи все написаны с учётом этой аксиомы. Например, в «Улице вдоль океана» Вы прямо заявляете: «Мне часто снятся белые снега Чукотки... я хочу рассказать об этом селе и его обитателях». И по писательски умело рассказываете, что знаете, что видели, что слышали – рассказыва-

ете о Севере людям, как мы, северяне говорим, – людям «материка». И поэтому Ваши повести и рассказы охотно печатают на материке и Вы имеете отзывы о них, какими по праву можно гордиться.

Но...

Истины, известно, бывают абсолютными и относительными. И каждая из них к тому же всегда конкретна. И именно в силу этих принципов, например, предлагаемые Вами нашему издательству повести и рассказы для переиздания при всей очевидности благожелательного восприятия их читателем материковским отнюдь не так воспринимаются читателем-северянином.

Дело в том, что хотя Вы пишете не только лишь о Севере, но материал Ваших повестей и рассказов всё же в значительной мере о Севере: его быт, дух, настрой, этнография... Для материковского читателя – это ново, свежо, познавательно, поучительно, и того, что Вы рассказываете ему очень много, это его обогащает. Северянину же в этом смысле Вы почти ничего не даёте, для него многое в Ваших повестях – общие места, он обо всём знает больше и ... точнее. Из-за последнего у него при чтении, к сожалению, частенько рождается лишь досада. И это, пожалуй, от того, что представляемый в Ваших повестях и рассказах Север – многолетней давности, такой, какой сегодня воспринимается нынешними северянами как большая писательская натяжка или как архаика.

Дело в том, Лидия Александровна, что в нашей общей быстротекущей повседневности, Север отличается особой динамичностью преобразований. И это не слова. Я лично (выпускник Московского университета, ВПШ при ЦК КПСС) вот уже 26 лет работаю в Магаданской

области безвыездно и весьма осязательно и конкретно ощущаю эту необычайную шую динамичность.

...Так вот, для меня лично по собственному жизненному опыту (тем более литературному) эта истина бесспорна: Север и мы на нём сегодня уже совсем не те, что 10 лет, тем более 15–20 лет назад. Облик, мысли, заботы – всё другое. Сейчас с северянами говорить о Севере необходимо совершенно на ином конкретном материале. Вот почему переиздаваться на Севере может только классика, или откровенно исторические вещи, или то, что ещё пока хранит свою актуальность для него. Уверяю Вас, на Севере, как ни в одном другом регионе страны, литература морально устаревает стремительно. Переиздания тут (за вычетом отмеченных исключений) дело маловероятное. Не терпит Север хоть и сегодняшнего шапочного знакомства и соответствующего литературного отображения. Именно на этом терпят фиаско заезжие к нам литераторы. У себя «дома» (на материке) их работы идут «на ура», мы же читаем их писания с покоробленной душой: не о том, натянуто, фальшиво...

Наша издательская выверка по читательскому восприятию предлагаемых Вами для переиздания произведений «со стороны» обостряется ещё и тем, что вся наша полиграфическая продукция целиком предназначена к внутриобластному потреблению. Ни одна книга Магаданского издательства не продаётся вне пределов Колымы и Чукотки.

Вот, Лидия Александровна, основные причины того, что я не нахожу в присланном Вами чего-либо подлежащего переизданию в нашем, именно северном, издательстве.

P.S.

У нас появилась возможность переиздать не далее как в нынешнем, 1985 году, Вашу 2-х листовую книжечку рассказов «Хозяйка птичьей скалы» на чукотском языке. Она в своё время была переведена А.А. Кымытваль, оформлена заслуженным художником РСФСР Д.А. Брюхановым у нас в 1971 году. Вот это издание мы и хотим, если Вы не возражаете, повторить.

Сообщите своё мнение.

С уважением

Главный редактор изд-ва
В.Н. Яковлев

Что и говорить, странное, очень странное послание, ибо аргументы, приведённые Яковлевым, никакого отношения к литературе не имеют. Признался бы сразу: не будет переиздания потому, что нет денег, нет бумаги, да и вообще... Отмечу ещё один момент, одну цитату из письма: «...вся наша полиграфическая продукция целиком предназначена к внутриобластному потреблению. Ни одна книга Магаданского издательства не продаётся вне пределов Колымы и Чукотки». Как говорится – нашёл, чем хвататься!

Интересно, а на чём основывался главред, подписывая такое письмо? Хотя он и пишет: «Я добросовестнейшим образом прочитал...», но я уверен, что В.Н. Яковлев не стал тратить своё драгоценное время на чтение опусов (я называю произведения Лидии Александровны её же термином!) Вакуловской. И точно, откопал я редакционное заключение на рукопись сборника её повестей и рассказов, направленных для переиздания, подписанное редактором издательства Т.К. Моргуновой. И среди прочего рецензент пишет: «Думаю, что заслуживает быть незамедлительно опубликованным (возможно, в альманахе

«На Севере Дальнем») рассказ «Премия» – произведение тревожное, беспокоящее, хотя и повествующее о событиях 30-летней давности. В рассказе автор обращается к ранее закрытой для печати теме санкционированной властями охоты местных жителей-чукчей на беглых заключённых»⁴.

Вот оно как! Закрытая для печати тема! Это как раз и объясняет отказ от переиздания в 1985 году опусов в Магаданском книжном издательстве.

Но почитаем ответ Л.Вакуловской:

Добрый день,

Василий Николаевич!

Честно говоря, ни на что хорошее я и не рассчитывала, после того, как побывала... в Москве, куда ездила вычитывать вёрстку своей новой книжки. Там-то, ..., наконец узнала, что Вас зовут Василием Николаевичем, а в народе ... кличут «Смерть магаданской литературе».

...Было бы проще Вам сказать: не можем, дескать, переиздавать, да и всё тут. Разумеется, я ни в чём не собираюсь Вас переубедить, ..., к тому же вполне согласна, что на Севере произошли и происходят разительные перемены... Но исчезли ли в силу этих изменений в людях, живущих на Севере, такие качества как Добро, Храбрость, Корысть, Зависть, Трусость, Жадность, Накопительство и т.д., т.е. те черты, которые составляют ХАРАКТЕР? Ибо литература, это ХАРАКТЕРЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ, а не ввод в строй новой шахты или доменной печи (оставим эти приметы нашего бурного времени газетам и журналистам, иначе им станет нечего делать). Не думаю, что ныне Север населён сплошь ангелами, начинёнными одной лишь добродетелью, что извелись там рвачи, взяточники, сквалыги и пр. ...

Посему все Ваши доводы очень даже спорны. Во-первых, неубедительно, что приезжие литераторы терпят фиаско. Вопрос – кто пишет, о чём пишет, что и как видит, а если пишет, то с какой мерой одарённости? Горбатов пробыл на Севере всего несколько месяцев, а вещи его северные и сейчас переиздаются... Шундик Бог знает когда покинул Чукотские края, а теперь вдруг написал «Белого шамана», хотя, опять-таки, «не тот Север»...

Зачем же выступать от имени «всех северных читателей», расписываться за них: это, мол, им понравится, а это – нет? Всё, что Вы пишете, это только Ваше субъективное мнение, но отнюдь не мнение «Всех читателей»...

Всего доброго

Л.Вакуловская

Пчёлкин было кинулся отвечать Лидии Александровне сразу по получении письма – сохранился его черновик-набросок, в котором он сообщает, что «1 марта нашей организации⁵ исполняется 25 лет со дня её учреждения. Торжества по этому поводу относим, однако, на первые числа апреля. Даты пока уточняем, понадобится – сообщу. Приглашаем всех ветеранов. Тебя – тоже», но не отправил... Точнее отправил, но спустя пять месяцев исправленное – и уже без приглашения:

Лидя!

Прости, задержал с ответом и весьма значительно. Сперва надеялся что-нибудь предпринять, но после беседы с директором (издательства) понял, что дело это пустое и преждевременное. В вышестоящей инстанции мы тоже пока одиноки, а этот тип ведь «свежезачиненный», голыми руками его пока не возьмёшь, нужна сумма претензий и доказательств.

Рад, что ты свою свою мою уверенность в необходимости этой борьбы вбила первой. И без встречного, с моей стороны, хода.

Намереваемся провести партсобрание с повесткой «О взаимоотношениях издательства и пис. организации», однако, пока нас сдерживают: то одного начальника нет, то второго, то вовсе ни одного. Если имела связь с теми, кто прилетал на наше 25-летие, они могли красочно описать тебе наше (и моё) положение. Один в поле, хотя и воин, но дохлый, а мне помочь и вправду сейчас некому.

...о твоём письме. Я ему был рад, это главное, но вскоре был вынужден улететь в отпуск..., а уж там задержался на Пленум и с месяц «отдохнул» в Доме инвалидов-писателей («Голыцкино»). Дом для работы, впрочем, не худший, поразвлекаться негде и не с кем, да вот и погоды были прескверные, а в остальном жить и трудиться было можно. Тем более, что в окрестностях позакрывали все лавки⁶, кроме той, которая в 20 метрах от нашего Дома.

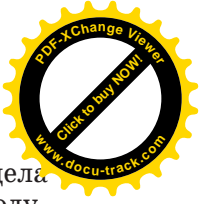
Сейчас вот вернулся, дел накопилась прорва, ничем на сегодняшний день помочь тебе не могу: директор издава в отпуске, а и.о. его именно твой «хороший» знакомый. До зимы вообще не с кем и не о чём разговаривать.

Прости за беспомощность на данном этапе. При случае залетай в гости. Положение, ясное дело, не из нормальных, но исправить хоть что-то в нём можно только общими силами. Не надо было вам, старикам, бросать нас одних, таких разных, крикливых и неприспособленных.

Разреши нежно, по-товарищески обнять тебя.

Всего наилучшего!

Анат. Пчёлкин
8.07.85 г.

Вот, вкратце, и все дела... Материалы, которые Л.А. Вакуловская предложила Магаданскому книжному издательству так и не появились. Книгу «Хозяйка птичьей скалы» на чукотском языке издательство выпустило в 1985 году.

А рассказ «Премия» был опубликован в альманахе «На Севере Дальнем», но спустя пять лет – в первой книжке за 1990 год, когда уже запретных тем не было и произведения А.И. Солженицына уже публиковались в СССР массовыми тиражами.

Часть 2. Смертельная обида

Лидуша!

Высылаю Вашей милости свою книжицу последнюю, почти всю «северную», зная, что в Магаданские края она не попадёт, ибо республики не выпускают свою продукцию за пределы своих же границ. Тиражи, правда, в республиках малые, всё объясняется нехваткой (острой) бумаги. Ну, да ладно, переживём.

У сей книжки, в общем-то, занятная история. Изначально я посылаю рукопись в Вашу контору, откуда получила страшнейший разгром со стороны какого-то мистера Черевченко (если не путаю фамилию), к чьему мнению присоединился и Бирюков⁷. Но поскольку рецензия не отличалась ни умом, ни здравым смыслом, то я сразу же послала повесть в «Дальний Восток», где она тут же и вышла, а затем и

книга вышла. Не знаю, что есть Черевченко (так ли я его именую?), но что он мне вторичный разгром учинил, первый был по поводу повести «Путёвка в «Белую долину»», которую я, опять-таки, сразу послала покойному Рогалю⁸ и «Путёвка», опять-таки, вышла и в журнале, а затем и книга...

Так что, если бы я, получая рецензии Черевченко (так ли?) хваталась за сердце и имела бы к ним какую-то веру, то дело моё, возможно, в самом деле было бы труба. Но поскольку я несу в сердце бо-о-ольшой заряд оптимизма и верю не вяканью Черевченко (верно ли?), а своему авторскому чутью, то ничего страшного не происходит. Хотя рецензии его я храню – как демонстрацию очевидной глупости.

На сём – будьте здоровы. Обнимаю

Лида Вакуловская

P.S. сижу в Щорсе, думаю сидеть здесь до осени. Мамочка моя умерла, дом остался на мне, надо, стало быть, не дать ему прийти в упадок и остеречь от разрушения.

«Лидушка» – это Ягунова Лидия Николаевна. Когда было написано это письмо? Трудно сказать. Дату Л.Вакуловская на письме не проставила, конверт не сохранился. О какой повести идёт в письме речь – неизвестно, рецензия Черевченко на повесть Вакуловской не обнаружена.

Книга повестей «Путёвка

в «Белую долину» увидела свет в Минске, в 1980 году. Значит, первую рецензию А.Черевченко сочинял не позже 1979 года – всё-таки на издание книги требуется время!

Содержание письма удивило до крайности. Ну, во-первых, опять возник конфликт между писателем и издателем. Во-вторых, почему поэту А.Черевченко передали для рецензии прозаическое произведение Вакуловской? Неужели в Магадане не нашлось какого-нибудь прозаика?

А.Черевченко приехал в Магадан в 1971 году уже сложившимся поэтом, лауреатом премии имени Героя Советского Союза Александра Зубарева (премия Харьковского комсомола), имея «за плечами» пять изданных на Украине поэтических сборников. К 1979 году у него в Магадане вышли ещё две книжки стихов – «Подсолнух» (1973) и «Верховья разлуки» (1978). Кроме того, за перевод книги З.Ненлюмкиной «Птицы Накана» в 1979 А.Черевченко стал лауреатом премии Магаданского комсомола.

Тем удивительнее, какую жёсткую характеристику даёт Черевченко Лидия Вакуловская! Особенно эти – «какой-то мистер Черевченко» и «вяканье Черевченко». Жаль, что только одно-единственное письмо каким-то чудом и сохранилось в архиве!

Что касается самого Александра Ивановича, то, надеюсь, я раскопаю о нём в архиве какие-нибудь интересные документы и появятся штрихи к портрету Черевченко.

¹ – «Магадан. Рекомендательный указатель литературы». Магадан, 1990.

² – «Магаданская область. Рекомендательный указатель литературы». Магадан, 1983.

³ – великодушный неологизм от Вакуловской!

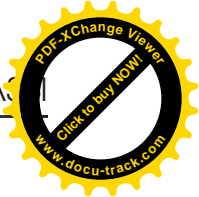
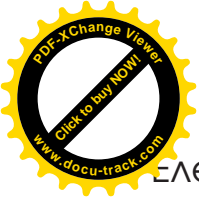
⁴ – я уже закончил очерк о Вакуловской, когда, вдруг, наткнулся на рассказ С.Олефира «Бандеры» в газете «Вечерний Магадан» от 4 декабря 2014 года. Вот цитата из этого рассказа: «Тем более, в тех краях (на Севере) все вооружены, а за каждого подстреленного беглого зека положена немалая выплата».

⁵ – Магаданской писательской организации.

⁶ – 1985 год! В СССР – антиалкогольный шабаш господина Лигачёва!

⁷ – А.Бирюков был главным редактором Магаданского книжного издательства в период с июля 1975 по ноябрь 1982 года. Тогда, возможно, речь идёт о книге повестей и рассказов «Письма любимого человека» (Минск, 1982).

⁸ – Рогаль Николай Митрофанович (27.06.1909 – 30.11.1977), с 1940 по 1955 гг. – ответственный секретарь Дальневосточного, а затем Хабаровского краевого отделения Союза писателей. С 1955 по 1977 гг. – бессменный главный редактор журнала «Дальний Восток». Удостоен звания «Заслуженный работник культуры РСФСР», награждён орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почёта».

ЕЛЕНА ФЕДОТЕНКО

НА ДЕТСКОЙ ПЛОЩАДКЕ

Гоша и Воркот

На детской площадке было почти пусто, только фигурка в коричневом комбинезоне карабкалась на железную горку, но сапожки соскальзывали с обледеневшей лестницы.

– Мальчик, осторожно! – окликнула фигурку проходящая бабушка.

– Я не мальчик, я девочка, – возмущённо буркнула фигурка и продолжила своё восхождение.

Тёмно-серый туман скрыл изображение, но сразу появилась следующая сцена.

– Ты же девочка! – отчитывала мама свою дочь лет тринадцати.

Девушка горбилась за письменным столом, заваленным бумажками, сувенирами и прочим хламом. Вдруг она подняла голову и дрогнувшим от страха голосом спросила:

– Мам, а что это значит?.. Ну, то, что я девочка?

Мама прокричала:

– Хватит надо мной издеваться! – и захлопнула дверь.

Опять туман. И снова...

Лето, село, тутовник на обочине дороги. Под тутовником остановились поговорить две давние подруги. Они не виделись лет десять. С одной из них – пятилетняя дочь. Женщины куда не торопятся и проговорили уже минут тридцать. Жарко, девочка очень устала стоять.

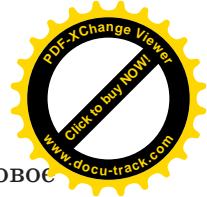
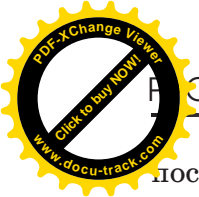
– Ой, – говорит её мама, – я ставила спираль сразу после неё, – женщина кивнула на дочь, – так тут же началось воспаление, даже пришлось в больнице поварляться. Больше не пробовала. Проще аборт сделать.

Всё. Будильник. Слава Богу! Такие сны снятся мне всю последнюю неделю. Крохотные обрывки моего несчастного детства, сменяющие друг друга узоры калейдоскопа. Никакой хронологии, никакой логики. Я уже устала их разгадывать: что здесь правда, что нет, что было, чего никогда не было – я запуталась. Стараюсь об этом не думать, но думаю всё утро, машинально собираясь на работу.

Работа уменязамечательная: преподаватель музыки в детском саду. Мои ученики – самые талантливые

музыканты, которых видел мир – дети от трёх до шести лет. Вот только детский сад у нас не очень обычный. Его называют логопедическим, но уже лет пять как в одной из групп занимаются особые дети: дети страдающие неврозами, лёгкими стадиями отсталости, гиперактивностью и проч. Дети эти бывают невыносимы. Наш коллектив иногда с трудом доживает до конца рабочего дня, а молоденькая психолог Вера Николаевна после работы с каким-нибудь своим маленьким подопечным часто плачет: она запирается в кабинете, пьёт успокоительный чай, звонит подруге и рыдая утверждает, что их всех расстрелять мало... Вы думаете, это она о детях? Нет, об их родителях.

Если наших детей мы, бывает, с трудом терпим, но очень-очень любим, то их родители обычно милы и обходительны – с нами. Со своими детьми наедине они часто становятся ужасными чудовищами. А мы в группе на следующий день видим – нет, не синяки, это редко бывает, а испуганные глаза, дрожащие руки или усилившееся заикание, то, что

постороннему человеку и не заметится вовсе. Только мы – не посторонние люди. И мы не любим родителей наших детей.

Трёхлетний Гоша в нашем садике новичок. Как и все дети, он сообразителен, но иногда непроходимо тупит, покладист, но иногда необыкновенно упрямится, мил, но иногда хочется его задушить. Воспитатель “особой” группы Нина Георгиевна в восторге от Гошиной способности играть с самыми конфликтными детьми: Гоша так увлекает их своими выдумками, что те забывают ссориться. Когда Гоша играл Пьеро в новогоднем спектакле, половина зрителей (мамы) плакала, а другая половина (папы) мужественно сдерживала слёзы. При этом Гоша плохо говорит, не любит рисовать, лепить из пластилина и посещать мои занятия. Пальчики плохо слушаются, а язык ворочается как огромная рыбина в тесном садке.

Гошиной маме самой ещё можно было бы походить в наш садик: ей всего двадцать лет. Гоша был зачат в результате большой любви. По неопытности и невнимательности к собственному здоровью Гошина мама узнала о беременности, только когда Гоша начал толкаться. Большая любовь тут же исчезла. Гошина мама погоревала-погоревала, да и решила ребёнка родить, потому как жалко и аборт делать поздно. Благо родители Гошиной мамы оказались людьми порядочными, дочь из дома выгонять не стали, а только начали часто её поругивать и заставили окончить секретарские курсы, чтоб хоть специальность какая-никакая была. Гоша родился здоровеньким, крепеньким чудо-мальчиком, но мамино здоровье подорвал. Первый год Гоши-

ной жизни мама провела в больницах и на таблетках. Гоша всё это время жил с бабушкой и дедушкой, которые, будучи людьми ещё молодыми и работающими, наняли няню. Няня малышом занималась по остаточному принципу, то есть тратила на него то время, которое оставалось после просмотра телевизионных сериалов. Гоше исполнился год, когда мама решила, что больничная жизнь ей надоела, забрала ребёнка вместе с няней и переехала на съёмную квартиру в надежде начать новую самостоятельную жизнь и найти новую большую любовь. Конечно же, ей пришлось сразу начать работать. Естественно, у неё совсем не было сил и времени на Гошу. И разумеется, новая большая любовь нашлась, прожила с Гошей и Гошиной мамой неделю и исчезла вместе с няней.

Новая няня оказалась пожилой сердобольной женщиной, которая искренне полюбила Гошу и начала опекать их с мамой, словно самая настоящая Гошина бабушка. Она ухаживала за Гошей, как за родным, готовила ему только самые любимые и вкусные кушанья, читала сказки и играла с ним в снежки и салочки. Гоша расцвёл и заулыбался. Но потерянное в младенчестве время было уже не вернуть, и именно Гошина няня приходила к нам в садик и договаривалась о том, чтобы устроить мальчика в “особую” группу.

В общем, на этот раз Гоше повезло. И сейчас он очень быстро развивается. Мы надеемся, что к старшей группе мы сможем устранить основные проблемы в Гошином развитии.

В первый же месяц с Гошей произошла такая история.

На прогулку наши дети ходят в любую погоду. Даже

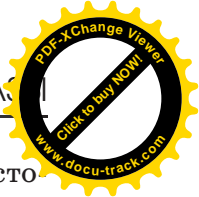
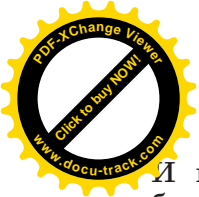
если объявлено штормовое предупреждение (что в нашем городе часто случается), воспитательница зовёт на помощь кого-нибудь из незанятых взрослых (чаще всего меня), выводит детей во внутренний двор сада и старательно их развлекает хороводами, потешками и незамысловатыми играми типа “ручеек”. “Незанятый взрослый” (чаще всего я) в это время не спускает глаз с выхода на игровые площадки, потому как там ветер дует всегда, а в шторм – просто сносит с ног, особенно малышей в широких непродуваемых комбинезонах. После истории с Гошей я стала ещё и пересчитывать детей с периодичностью один раз в пять минут... но всё по порядку.

Дети увлечённо играли в “ручеек”, я в очередной раз осматривала выход из внутреннего дворика, когда Нина Георгиевна своим красивым звучным голосом несколько истерично крикнула “Стоп!” Все замерли и уставились на неё. Кто-то из малышей захлюпал носом. Нина Георгиевна, чтобы пресечь истерику, постарался взять себя в руки и почему-то с радостной улыбкой произнесла:

– Дети! Всё в порядке! Мы продолжим игру! Только возьмитесь, пожалуйста, за руки! По парам! Вот так, как вы сейчас играли!

Малыши закрутили головами и начали протягивать друг другу руки, несколько заторможенно, как и все дети, которые не уверены, что это не они виноваты в чём-то страшном, но непонятно в чём.

И тут я поняла. Когда мы выходили на улицу, детей было пятнадцать. А сейчас пара была у всех. Я пересчитала пары – семь, то есть четырнадцать маленьких глухих головешек. Пятнадцатая головешка пропала.

Д пятнадцатая головушка была Гошей.

Мы с Ниной Георгиевной в ужасе переглянулись. Я подошла к ней, чтобы не кричать через весь двор.

– Никто не выходил, – сообщила я воспитательнице таким тоном, каким полицейский в американском фильме сообщает шефу обстановку у здания с захваченными заложниками.

Нина Георгиевна кивнула и сказала:

– Мне нужно отвести детей в группу. Ольга Ивановна, я прошу вас обойти внутренний двор и попытаться понять все возможные пути исчезновения мальчика... Вероятнее всего – подвал, – она поморщилась. – Крыс недавно травили... Господи, помилуй...

– Давайте не будем терять время, – слыша новые истеричные нотки в её голосе, сказала я.

– Да, – она ободрилась. – Я присоединюсь к вам, как только передам детей нянечке.

Тихой тенью я отошла от детей, которые весело потопали за Ниной Георгиевной, замороженные обещанием поиграть большими мячами из спортивного зала. Я быстро обошла внутренний двор по периметру. Проверила два канализационных люка возле чёрного крыльца, за которым любили прятаться мальчишки. После чего бегом направилась к двери в подвал, очень надеясь, что она – как ей и положено – заперта. Дверь с тихим скрипом открылась. Я похолодела, потому как крыс и правда недавно травили, а на пороге красовался влажный след детского ботинка.

Я оставила дверь открытой нараспашку, чтобы Нина Георгиевна знала, куда бежать. И вы представить себе не можете, как я была счастлива, когда

почти сразу, буквально за стенкой, нашёлся Гоша – живой и невредимый. Он сидел на корточках спиной ко мне и что-то разглядывал.

– Гоша! Ты ничего не ел?! – подлетела я к нему. – Покажи мне свои руки!

Гоша недоумённо посмотрел на меня и медленно протянул руки – как маленький преступник – вверх. Руки были пусты и относительно чисты, а Гошин взгляд так изумлён и невинен, что я рассмеялась (немного нервно, но это простиительно в такой ситуации, не так ли?).

– Ты ничего не ел? – повторила я вопрос, Гоша отрицательно мотнул головой, и я наконец-то увидела, что он рассматривал. На грязной тряпке лежали маленькие-маленькие котятки. Мёртвые. Их мамы-кошки видно не было, наверное, она отравилась и где-то пропала. Котят было очень жаль. Их было пять, они все были одной масти – серые с рыжими подпалинками – и лежали кучкой, видимо, пытались согреться теплом друг друга... Слезы навернулись на глаза, я зашмыгала носом, и не сразу услышала Гошу:

– Один живой...

– Что ты говоришь, Гоша?

– Один живой... – Гоша запустил руку за пазуху и достал шестого котёнка. Тот закопошился и запищал.

– Что же мы стоим! Побежали скорее – его надо согреть и покормить! – засуетилась я, и тут в подвал ворвалась Нина Георгиевна.

– Гоша! – душераздирающе закричала она с порога, потом увидела нас и выдохнула: – Слава Богу! Гоша! Как ты мог! Я так перепугалась! Мне придётся наказать тебя! И я расскажу обо всём твоей няне!..

Говорят, её было слышно

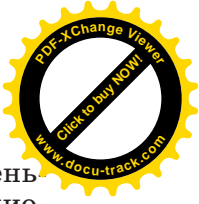
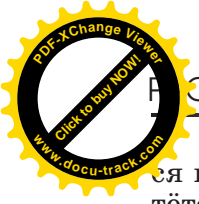
на втором этаже. Гоша стоял, опустив голову и даже не пытался отвечать: он уже неплохо знал Нину Георгиевну и понимал, что этот шквал нужно переждать, как плохую погоду. Когда воспитательница выдохлась, Гоша показал ей котёнка и тихо сказал:

– Он плакал... Я услышал... Вы заняты... Ручеёк... – и грустно пожал плечами.

На следующий день директор уволила дворника, объявила выговор Нине Георгиевне (без занесения в трудовую книжку, так как к счастью всё обошлось) и долго не соглашалась оставить котёнка в живом уголке.

Новый дворник оказался более исполнительным, Нина Георгиевна о выговоре тут же и думать забыла, а по садику теперь разгуливает замечательный кот Воркот. Своим спасением и проживанием в саду он обязан не только Гоше, но и всему нашему коллективу: повар тётя Тома выкормила полудохлого котёнка из пипетки детскими молочными смесями, уборщица Марья Петровна следит за чистотой кошачьего горшка, нянечки и воспитатели привили ему правильное отношение к детям (при виде любого ребёнка кот мгновенно исчезает), а в мои обязанности входит ежеквартальный визит с котом в нашу единственную на весь город ветеринарную лечебницу, где мы с Воркотом высидиваем огромную очередь, потом Воркот орёт во время осмотра, прививок или взятия соскоба (пardon) из попы, а через неделю я демонстрирую директору ветеринарное заключение о том, что Воркот здоров и глистов не обнаружено.

Кот, наверное, благодарен всем нам. Но больше всего времени он проводит всё-таки на кухне – сидит на подоконнике, умывает-

ся или просто наблюдает за тётей Томой... Благодарен он ей больше всех, или демонстрирует свою любовь из других – гастрономических – побуждений, кто ж его кота разберёт.

Никому не нужны

Вы не поверите, но сегодня мне не приснилось ничего! Может быть, потому что сегодня воскресенье, и я с удовольствием проспала почти до девяти утра. А может, потому что вместо противного пиканья будильника меня разбудил красивый колокольный звон, доносившийся с соседней улицы: там совсем недавно построили небольшую церковь, внешним видом напоминающую маяк. Батюшка в ней служил молодой и улыбчивый, поэтому приход в основном состоял из незамужних девушек. Но если кто из них собирался замуж, то венчались молодые непременно здесь, и отцу Глебу порой приходилось венчать по две-три пары в день.

Очень красиво звонили колокола... “Праздник сегодня какой-то, что ли?” – потягиваясь подумала я.

Что делать в выходной день разведённой бездетной женщине тридцати двух лет, проживающей в небольшом провинциальном городе? Выбор огромен: почитать, поесть, встретиться с подругой. Ещё можно пойти в научную библиотеку, в зал музыкальной литературы, но всё интересное я уже перечитала, а новинок в этом зале не видели лет десять. Вариант с подругой неплох, но в это воскресенье мне не хотелось сетовать на судьбу – ни на свою, ни на подругину. И я решила отправиться на прогулку одна.

Вместо привычного чёрного кофе – зелёный чай с

жасмином. Вместо дежурного макияжа – полное его отсутствие. Вместо обычного колючего шарфа, дублёнки и шапки – шёлковая косынка (шёлк, правда, искусственный, ну да ладно), весеннее пальто и непокрытая голова. Почему? Потому что даже в нашем городе бывает весна. Хотя и приходит она к нам, когда в нормальных городах уже отцветают тюльпаны на городских клумбах.

На улицах и площадях города было много таких же как я – опалелых от весны – людей. Переодеваясь в весеннюю одежду многие ошибались: кто-то прел под слишком тёплым свитером, а кто-то мёрз в слишком лёгком плаще. Мне повезло – я угадала и могла позволить себе спокойную прогулку, а не нервные перебежки от автобусной остановки до универсама и обратно.

Прогулка началась на площади Кирилла и Мефодия перед нашей областной библиотекой (она же – научная). Здесь, совсем недалеко – родное музыкальное училище и студенческое безумие. Возле красивых бронзовых фигур Первоучителей – любимое место встреч с подругами и свиданий с влюблёнными юношами. Вот на той лавочке – напротив кукольного театра – муж подарил мне кольцо в красивом бархатном футляре и сделал предложение. И сюда я приехала плакать, когда он сказал мне, что встретил другую... Всё равно я очень люблю это место. На маленьком пятачке (площади в нашем городе небольшие), выложенном суровыми гранитными плитами, осталась моя бестолковая юность и проходит теперь непутёвая молодость, готовясь распрощаться со мной в течение следующих нескольких лет.

Проходя мимо маленького кафе напротив библиотеки, я вспомнила историю тёти Томы, и стало не так одиноко, как будто наша смешливая повариха прошла со мной несколько метров по обледелому ещё тротуару, а с ней и тритон по имени Ящерка.

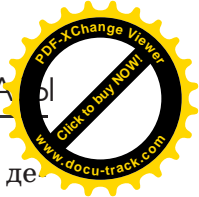
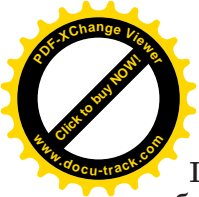
На центральной площади людей было больше всего. Подростки в ярких и лёгких нарядах держались стайками, юноши и девушки гуляли парами или небольшими компаниями, а люди моего возраста – семьями: мужчины и женщины шли рука об руку и жмурились на солнышке, о чём-то беседуя, а дети сидели на руках у пап или шли рядом и держали в руках воздушные шары или мороженое.

Я остановилась возле недавно оттаявшей клумбы (могла ведь я кого-нибудь поджидать там, а не просто глупо стоять столбом, правда?), подставила лицо солнечным лучам и подумала, что одинока в этом городе только я... Ну, может быть, ещё гостиница “Арктика”, торчащая в центре площади.

Когда глупо стоять столбом надоело, я оглянулась вокруг, прикидывая, куда направиться теперь, и увидела одновременно: 1) потрясающую собаку, 2) своего бывшего мужа.

Собака потрясала тем, что будучи породистой – афганская борзая серо-голубого цвета – была бродячей: шерсть на животе свалась, одно ухо надорвано, а на морде – то особое настоженно-презрительное выражение, характерное для всех бездомных собак.

А муж... Бывший муж гулял со своей настоящей семьёй: жена шла с ним рука об руку, они оживлённо о чём-то беседовали, а на руках у папы сидел их полуторагодовалый сын и держал зелёный воздушный шар.

Проводив их взглядом, я с благодарностью посмотрела на пса: своим появлением на площади он дал понять, что считать себя единственной одинокой в этом городе – самонадеянно. Пёс был голоден и обходил с проверкой урны, выкрашенные противной коричневой краской. Собаки, как известно, дальтоники, цвет урн его не смущал, а несъедобное их содержание расстраивало, поэтому я решила покормить породистого бродягу.

Обычных продуктовых магазинов в центре города почему-то не бывает. Пришлось зайти в колбасную лавку, которая славилась хорошими колбасами и высокими ценами. Моей детсадовской зарплаты не хватало на покупки в таких местах, но сегодня я купила пару толстых сарделек. И разумеется, когда я вышла из лавки, собаки и след простыл.

Если раньше я чувствовала себя глупым столбом, то теперь почувствовала себя глупым столбом с сардельками.

Беспомощно оглядев площадь, я поняла, кто может помочь. Возле автобусной остановки стояли фотографы – в обычные дни они работали в местных фотографелье или в двух наших городских газетах, а на выходных и в праздники подрабатывали, фотографируя горожан и редких туристов на фоне гостиницы в обнимку с плюшевыми северными оленями.

– Простите, вы не видели здесь собаку – афганскую борзую? – спросила я у одного из фотографов.

– Это голубую, что ли? – хлопывая себя по всем возможным местам, спросил замёрзший фотограф.

– Да, – ответила я, почему-то смутившись.

– Вон в тот двор побежала. Она вообще там чаще

всего обитает. А вам она зачем? – он с любопытством разглядывал меня, шмыгая замёрзшим носом.

– Хотела её покормить, – показала я ему пакет с сардельками.

– А-а, ну, покормите, лишним не будет, она что-то отохла совсем. Просто её уже несколько раз домой брали – и в этом дворе, и на Подстаницкого уводили, потом в Первомайский район какая-то бабушка пыталась забрать, а псина всё равно возвращается. Сбегаёт и возвращается. Уже второй год здесь живёт. Выбросил кто-то...

Я смотрела на его мохнатые усы, красный нос и зимнюю шапку и вдруг поняла, что он напоминает мне какого-то неудачливого полярника, случайно попавшего на городской праздник. И ещё он напомнил мне своим видом и активными похлопываниями, что хоть и весна, а на месте стоять – холодно, я поблагодарила полярника-фотографа и отправилась на поиски.

Как ни удивительно, но собаку я нашла. Пёс обернулся на оклик, неторопливо подошёл ко мне и понюхал кусок сардельки в моей руке. Потом аккуратно взял угощение передними зубами, отошёл в сторонку и молниеносно проглотил. Он (или всё-таки она?) был очень голоден. Но так же аккуратно он брал из моих рук все остальные куски, а когда сардельки закончились, спокойно повернулся (пardon) задом и потрусил восвояси...

На автобусной остановке, где я поджидала свой редкий 33-й автобус, почти никого не было: влюблённая парочка, высокий мужчина в военно-морской форме и я. Подъезжали автобусы, из них выходили люди и тут же исчезали из поля

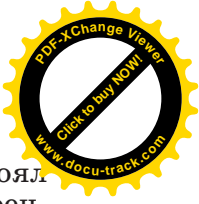
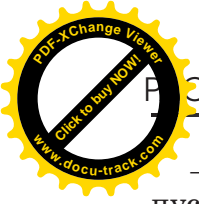
зрения, спеша по своим делам. Светило солнце, таяли сосульки, и очень хотелось домой – сварить кофе, закутать ноги пледом, почитать что-нибудь давно не читанное. И вдруг из близлежащего двора выкатилась вагата ребятишек.

Со стороны их возня могла показаться какой-нибудь детской активной игрой: бегают ребятишки, вот и хорошо, всё лучше, чем дома перед телевизором сидеть, там им такое покажут, мама, не горюй... Но если бы вы пригляделись, то сразу поняли – дело плохо: пятеро пацанов лет семи-восьми силой волокли такого же мальчишку, попутно поколачивая его, когда он пытался вырваться. Пара девочек-ровесниц вились вокруг, подбадривая нападавших. “Ужас какой!” – подумала я, будучи уверенной, что вот этот мужчина в красивой чёрной форме немедленно вмешается и наведёт порядок. Ничего подобного. Дети приблизились к нам, поравнялись с нами и под любопытным взглядом военно-морского мужчины (“А ещё офицер!” – презрительно подумала я) двинулись дальше.

– Стой! – крикнула я. – Всем стоять! – “Руки вверх” – мелькнуло в мыслях, но я удержалась, чтобы не испугать прохожих.

– Что случилось? За что вы его бьёте? Разве так можно – кучей на одного! – начала я отчитывать ребят, одновременно ныряя в их гущу и выдёргивая побитого мальчика за руку.

И тут начались неожиданности. Во-первых, мальчишки не смутились, как я ожидала, а чувствовали себя правыми. Во-вторых, они достаточно вежливо начали объяснять свои действия, и вместо ожидаемой матерной брани я услышала:

– Тётенька, тётенька, отпустите его, мы его в школу ведём, он клей нюхает, в школу не ходит, родители у него алкоголики, классная с ног сбилась, мы его вторую неделю ищем, в милиции заявление лежит... – и т.д. Всё это они выкрикивали вразнобой, я растерянно смотрела на их лица, не успевая понять, кто именно произносит каждую следующую фразу. Наконец, мой взгляд остановился на том, кого я держала за руку. Мальчик был очень бедно и неряшливо одет. Чёрная шапка была натянута на брови, поэтому глаз почти не было видно – тусклые, непонятного цвета, они смотрели прямо перед собой. Руки были грязными, а цвет кожи – каким-то серым, как будто мальчик не только давно не мылся, но и солнечного света не видел, а просидел последние дни-недели-месяцы в тёмном сыром подвале. Возможно, так оно и было. Я окончательно поверила “нападавшим”, когда увидела, что из одного рукава куртки выглядывает

целлофановый пакет с бурой густой (клеякой?) массой.

– Какая же школа в воскресенье? – растерянно спросила я ребят.

– Классная возле школы милицию ждёт, мы его сейчас приведём, они разбираться будут!

Мальчик неожиданно рванулся, но тут уже я крепко сжала руку, понимая, что отпускать его никак нельзя.

Наверное, я должна была пойти вместе с ними – отвести мальчика к школе и передать классной руководительнице. Но я растерялась, и сказав ребятам: “Только не бейте” – передала его в их руки. Двое мальчишек тут же подхватили его и потащили дальше, а остальные шли рядом и внимательно следили, чтобы он не сбежал.

Я провожала их взглядом, пока они не свернули за угол дома. Всё вокруг выглядело так, как будто ничего не произошло: так же подъезжали автобусы, так же исчезали из поля

зрения люди и так же стояла на остановке офицер военно-морского флота в чёрной красивой форме. Влюблённая парочка куда-то подевалась, вероятно, села в автобус, пока я разговаривала с детьми, но это было так же не важно, как была не важна жизнь мальчика с тусклыми глазами и пакетом клея в рукаве ободранной куртки.

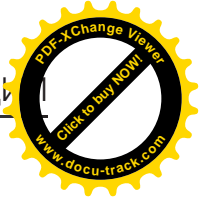
Подойдя к своему дому, я постояла возле подъезда, а потом прошла на соседнюю улицу. Храм был открыт. В мерцающей тишине храма на лавочке дремала старушка, присматривающая за порядком в отсутствие отца Глеба.

Я плохо знаю, как правильно вести себя в храме. И я, наверное, из тех, кого мой воцерковлённый сосед дядя Толя презрительно зовёт теплохладными. Поэтому я была рада побыть в храме одна. “Не знаю, чего просить у Тебя, Господи... – подумала я, остановившись перед ликом Спасителя. – Помилуй нас, Господи...”

Елена Федотенко родилась 28 ноября 1980 года в Мурманске. Отец, Василий Алексеевич Федотенко (1954—2014), ходил в море, был капитаном рыбопромыслового траулера, а затем директором ЗАО «Мурманский траловый флот — 1». Мама, Тамара Ивановна Федотенко (1953 г.р.), занималась детьми и домашним хозяйством. Елена начала писать стихи, когда училась в 11 классе Мурманского лицея №1. Вскоре появилась первая публикация в газете «Вечерний Мурманск». В 1997—2002 годах участвовала в литературных встречах при Мурманской областной организации Союза писателей России. В 2004 году окончила с отличием Литинститут им. А.М. Горького, семинар Эдуарда Владимировича Балашова (поэзия), заочное отделение. Дипломная работа «Новый город» рецензировалась Галиной Ивановной Седых и Сергеем Романовичем Федякиным.

Добавим: Елена по первому образованию экономист, окончила Московский гуманитарно-экономический институт, около 6 лет проработала в коммерческом банке «Возрождение» (Банк «Возрождение» (ОАО)). После рождения детей получила высшее психологическое образование в Институте психологии и педагогики (г. Москва) и сейчас занимается психотерапией, консультированием и преподаванием, работает в психологическом центре.

СКАЗКИ КОЛЫМСКОГО ВЕТЕРИНАРА

(на книгу Константина Ханькана «Живой поток», Магадан, 2007 год)

Медведь знает, как избавляться от наседающей тучи комаров и слепней.
Вокруг лежанки-ямы справляет большую нужду, обкладывая себя кучками...
(Из рассказа «Марондя»)

Ружьё я не стал брать... Схватил посох ... и зашагал ...,
наступая на густую скользкую массу свежего помёта...
(Из рассказа «Чёрный волк»)

О том, что оба зверя были самцами, можно было догадаться по форме помёта:
у самцов лосей экскременты круглой формы, а у самок – овальной конфигурации...
(Из рассказа «Осенняя охота»)
И т.д.

В ГОСТЯХ У МЕДВЕДИЦЫ (рассказ компетентного специалиста)

Однажды пастухи рассказали, что на крутом склоне близлежащей горы видели берлогу, а возле неё медведицу с тремя медвежатами. В сопровождении двух пастухов я пошёл смотреть семейство.

Мы быстро добрались до вершины, выглянули и присели от неожиданности. В полусотне метров в толщине снега зияла берлога, из которой высывалась тёмно-бурая спина медведицы. Неподалёку резвились трое медвежат.

Медведица встрепенулась и стремглав скрылась в берлоге. Видимо, слабый ветерок всё-таки донёс до её острого нюха наш запах. Тут мы заметили, что медведица осторожно высунула голову из берлоги и обнюхивает воздух, чтобы определить, откуда грозит опасность.

Вдруг тёмная глыба стремительно метнулась от норы: медведица прыжками понеслась вниз по склону. Пробежав не менее ста пятидесяти метров, резко затормозила и, развернувшись, остановилась. На фоне белого снега она превосходно видела нас, сидящих на козырьке сугроба.

Расставив передние лапы пошире и, нагнув голову, она решительно пошла обратно по своему следу. Густая шерсть на загривке вздыбилась. Взгляд её был устремлён в нашу сторону. Это было похоже на атаку. Всё с таким же угрожающим видом она шла прямо на нас. Но что это? Поравнявшись с берлогой, медведица резко повернула, за несколько мощных прыжков очутилась у берлоги и легко юркнула в неё.

Мы невольно рассмеялись и стали быстро спускаться по пологому склону, оставляя на белом снегу характерные следы. Специалист их сразу бы определил – это были следы трёх самцов.

ОДНАЖДЫ В ЛУННУЮ НОЧЬ

Мы с племянником поздно вечером возвращались из стада. В какой-то момент мне показалось, что на небе две луны. Невольно я перевёл взгляд на восточную часть неба. Луна оставалась на своём месте А на северо-западе, на высоте около двух километров в направлении юго-востока летел ярко-голубой космический корабль. Корабль летел очень медленно, мы смотрели на него минуты три. Потом он убавил ход, а затем и вовсе остановился, и тут же всю носовую часть корабля стало заволакивать тёмно-фиолетовое чернильное облако. Оно клубилось, быстро увеличивалось и через какое-то время поглотило корабль. Когда рассеялось, корабля нигде не было видно.

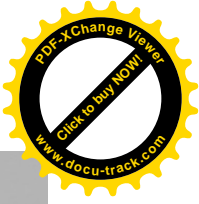
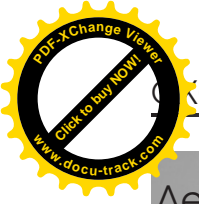
Это был огромных размеров космический корабль. Он напоминал плывущий по воздушному пространству океанский лайнер. Вдоль по борту, по всей длине корабля ярко горели иллюминаторы.

Когда корабль скрылся из виду, мы двинулись дальше. Пройдя немного, я почувствовал тошноту. Было такое ощущение, что меня укачало. Племянник пожаловался, что у него разболелась голова.

Вот так мы с племянником научились различать грибы.

Пётр ЦЫБУЛЬКИН

г. МАГАДАН

Леонид БАБАНИН

ПЕЛЪМЕШКИ

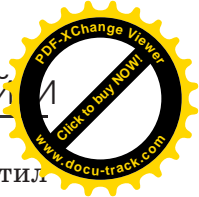
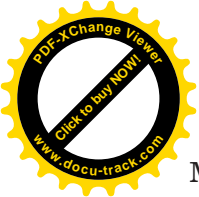
Охота... Хотя и по другому поводу, но на ум приходят строки поэта «Как много в этом слове для сердца русского слилось!» Слово «охота» говорит само за себя. Охота – это когда хочется всё бросить к такой-то бабушке, включая машину, жену, любовницу или что там ещё на повестке дня может стоять, и податься в лес с ружьём. Тут главное – телефон с собой не брать, иначе охоты толковой не получится. Не получится уйти душой и телом в то изумительное занятие, которое мы называем «охотой». Охота – эта гамма самых разных, но волнительных чувств. На охоте ты можешь промокнуть до нитки, продрогнуть насквозь на ветру, но когда добудешь первую утку, схватишь её, ещё трепещущуюся, за шею, такой азарт тобой овладеет, такая страсть охватит, что позабудешь всё на свете. В голове будет только одно – предстоящее блюдо

из утятинны. А это, доложу я Вам, нечто совершенно особенное. Те, кто пробовал это блюдо из лесного трофея, меня поймут и полностью поддержат.

Есть у нас в России места, где лесная дичь и породистая речная рыба – не экзотика, а самая что ни на есть рядовая, ежедневная еда. Таким местом является и моё родное Берёзово, расположенное на стыке Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского округов. Весна тут приходит внезапно. Ещё вчера мог быть тридцатиградусный мороз, а сегодня уже тепло, температура плюсовая, ярко сияет солнце, на дорогах прыгают бело грудые пуночки, то есть наши северные снегири.

А если вдруг увидел орлана-белохвоста, знай, что разворота к зиме уже не будет. Затем на родную землю вернуться лебеди. Это, наверное, самое многочисленное птичье семейство Крайнего Севера. Как

представитель фауны лебедь имеет огромное промысловое значение для местного населения. Из его шкур ханты и ненцы шьют одежду. Выделанная особым способом шкура идёт на изготовление зимних курток. Для этого у добытой птицы в основании шеи делается надрез сантиметров в пятнадцать и из него сначала вытаскивается шея и голова, а затем и вся тушка. После этого своеобразный мешочек из лебязьей шкуры выворачивают пером наружу и выщипывают крупные перья, оставляя на шкуре только пух. После выщипывания шкуру лебедя вновь выворачивают пухом внутрь, а в прорезь на шее закладывают выщипанное перо и подвешивают за шею на высокие перекладыны для просушки. Когда весной вертолёт подлетает к оленеводам, у них на стойбище сушатся, подвешенные на жердях, десятки таких лебязьих заготовок. Таков быт местного народа.

Мясо, конечно, идёт в котёл. После долгой зимы, когда олень становится худым, а запасы провианта иссякают, добытая прилетевшая птица становится для таёжного жителя настоящим витаминным деликатесом. Лесные и тундровые аборигены – большие мастера готовить изысканные лебяжьи блюда.

У лебеда берётся пищевод, с которого снимается нутряной жир, печень, сердце и пупок. Всё это мелко нарубается в деревянном блюде, а затем укладывается в лебяжий пищевод. Потом пищевод связывается с двух сторон жилкой. Получается своего рода колбаса. Во время готовки основного блюда, за пять минут до окончания варки колбаска укладывается в кипящий бульон и... деликатес готов. Не менее изысканный вкус имеют у лебеда и сами лапки, которые целиком закладывают в этот же кипящий бульон и варят минут сорок. Потом их достают и прямо в таком виде подают на стол.

Чёрная несъедобная шкура снимается с лап как перчатки, после чего блюдо готово к употреблению. Вкус бесподобен. Косточки этих лебяжьих лапок с налипшей мякотью, напоминающей желе, будут вами обсосаны до гладкости бильярдного шара. Но не буду вешать вам «лапшу на уши» в виде рассказов о вкусовых достоинствах лебеда, известных настоящим гурманам ещё со времён Ивана Грозного.

Летел я однажды из Москвы в Сургут. Было это в период лёта весенней водоплавающей птицы. Изнывал я от желания скорей добраться до дома, до своей лодки и ружья. Хотелось на природу, поближе к озёрам, в которых плещутся утки и гуси, гуляет карась... Пересадка на АН-24. Надрывно гудят моторами, крылатая маши-

на несёт меня в родное Берёзово. Среди пассажиров есть люди знатные. Например, заместитель авиакомпании ЮТэйр Кравченко. А в хвосте самолёта сидят крепкие ребята в спортивных куртках с гербом России возле сердца. Летит народ охотиться. А мы хоть и мелочь пузатая, но тоже одержимы этой страстью. Не зря ещё Дарвин указывал, что охотничий инстинкт у человека – самый мощный после полового.

Я поздоровался с Кравченко. Он коренной березянин. Вся молодость его прошла в Берёзово. Отсюда он взял себе жену. Тут родились и выросли его дети. Разговорился с ним. Он, как и я, отправляется примерно в те же места, где охочусь и я. Правда, у него там есть большая изба, в которой с десятков человек разместятся. Будут жить, не мешая друг другу. А мои уголья – это озёра с протоками. А дом мой – палатка с костром у куста талового.

– Бог даст, на охоте свидимся. Ведь рядом будем, – сказал я ему на прощанье.

Дома моя подруга Светлана приняла без восторга моё жгучее желание отправиться на охоту. Поутру, посмотрев на меня с укоризной, она недовольно буркнула:

– Меня бы хоть раз взял с собой!

Я задумался. Женщина на корабле – быть беде. Но у меня не корабль, а лодка. К тому же, если женщина просит, то... надо удовлетворить.

– Ладно, собирайся! – сказал я ей.

В кармане зазвонил телефон. Это была Нина, супруга Кравченко.

– Вы ещё не уехали на охоту?

– Ещё нет, – ответил я.

– У меня к Вам просьба, – сказала она печальным голосом. – Влад забыл дома коробочку. А там его лекарства на всякий случай. Вы их ему не захватите?

– Нет проблем, – ответил я. – Я заскочу к Вам по пути. Будьте дома, – а сам при этом подумал:

– Вот опять повод с Владом встретиться.

А погода-то... Солнышко, тёплый южный ветерок, воображение понесло меня на лоно природы, на высокий обский бережок, к костерку под черёмуховым кустом, печёная утка на палочке и мечты, мечты... И всё это очень скоро...

Я проверил нашу экипировку. Кажется, мы всё предусмотрели, от провианта до тёплой одежды. Всё готово. И вот, наконец, мы двое сели в нашу лодку, оттолкнулись от берега и пошли на малых оборотах по северной реке Вагулке. Ещё надо было взять ящик под будущих карасей на рыбокомбинате.

У пирса рыбокомбината стоял водолазный катер «Ярославец», который причалил мой друг и хозяин судна Лёшка Братухин. Завидев нас, Алексей принял от нас чалку и, покосившись на мою Светлану, спросил её удивлённо:

– Вы куда собрались, мадам?

Моя подруга растерянно пожалала плечами, но я быстро пришёл ей на помощь.

– В район Локпана! Смори, какая погода! Шик!!

От полученной информации Алексей задумался и, не отрывая глаз от Светланы, спросил:

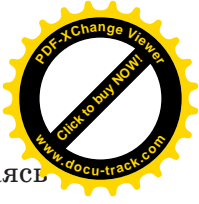
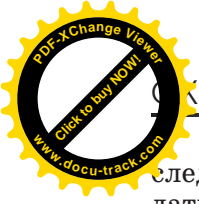
– А ты, красавица, знаешь с кем и куда едешь?

Светлана призадумалась и ответила тихо:

– Нет, не знаю.

– Значит, узнаешь, – сказал ей Братухин, подавая нам пустой деревянный ящик под рыбу. – Отчаливай!

Вскоре мотор набрал максимальные обороты, лодка вышла на глиссер, и мы оказались в фарватере Северной Сосьвы. Тут от бархатного летнего тепла не осталось и

следа. Стало заметно холодать. Взятая впрок одежда пришлась более, чем кстати. Средство подогрева у нас со Светланой было благоразумно припасено, и мы подливали его в свои кружки, любуясь плившими по реке льдинами.

Как красиво всё вокруг! Напуганные гулом мотора, взмывали к небу стаи уток, куликов, чаек. Природа просыпалась, хотя берега были ещё промёрзлые. В солнечных местах пробивались к солнцу толстые корешки трав. Макушки тальниковых кустов, ещё недавно висевшие верхушками вниз, тянулись вертикально к солнцу, показывая на своих ветвях почечные наросты... Там и сям вороны. Пока болотная птица летит домой на север, вороны выставили из гнёзд на тальниках свои чёрные хвосты. Это запущен процесс высихивания вороньего приплода.

Тот из птенцов, который первый вылупится из яйца, подрастёт чуток и начнёт использовать в качестве пропитания яйца из гнёзд болотной птицы. Таков закон природы.

Больше всех весне радуются кроты. Отсидевшие долгую зиму под снегом, отвыкшие от света, эти зверьки выбирают теперь парами и тройками на берег, на долгожданную свободу, с вожделием отдаваясь солнечному теплу и барахтаясь в ещё холодной воде Северной Сосьвы.

Но вот позади первые пятнадцать километров. По правую руку – устье Метляковской протоки, спутницы реки Северная Сосьва. Летавшие над рекой утиные стайки возбудили мой охотничий инстинкт. Рука сама потянулась к завёрнутому в одеяло ружью, новенькой «вертикалке» двадцать восьмого калибра.

– Зачем тебе двадцать восьмой калибр? – спраши-

вали меня владельцы ружей покрупнее, поглядывая на мою вертикальную «мелкашку». Я отмалчивался. Но когда охота заканчивалась и мы подсчитывали трофеи, мои оказывались заметно богаче. А если учесть, что патроны к своему ружью я снаряжаю вручную, то выстрелы мои вообще получаются копейчатые. стакан дрови на весь охотничий сезон. Да и заряды мои качественные, проверены временем и охотничьей практикой. Ничем подобным заводские патроны похвастать не могут. Убойная сила дробин одинакова для всех калибров. Но из малокалиберных дробовиков целиться нужно лучше, потому что чем меньше калибр, тем пучок дрови получается меньше.

Я собрал ружьё, с любовью прижал к себе его холодное цевьё. Почему-то оно всегда холодное, и в жару, и в холод. Открыл замок, вставил два патрона с моей любимой дробью троечкой. Хладнокровно взглянув на спутницу, я приказал:

– Наливай! Как будем ночевать без «шулюмчика»? – и я кивнул на ружьё. Пожав плечами, Светлана налила пива в мою и свою кружки и, поёживаясь от холода, сказала:

– Не знаю, как мы будем ночевать даже с «шулюмчиком».

Но сказано – сделано. Выпив и закусив, я направил лодку к тальниковым кустам, росшим у самого среза воды. Именно здесь утка предпочитает отдыхать после ночных полётов. Но как только приблизились к кустам, из них взмыла вверх парочка заспавшихся свиязей. Два выстрела и две птицы рухнули вниз.

– Ну, вот! – торжественно произнёс я. – «Шулюм» есть. Осталось только к нашему столу карасей добыть!

– Не знаю, – уже без оптимизма произнесла Свет-

лана, поглубже укутываясь в одежду.

Я бросил пару уток в боквину лодки и перезарядил ружьё. Надо быть начеку. А вдруг фортуна нам улыбнётся и пошлёт, кроме этих двух уток, ещё и гуся – заветную добычу охотника. Я плавно добавил газу, и лодка вновь полетела вниз по Северной Сосьве. Плывущих навстречу льдин становилось всё больше, а северный небосклон синел всё сильнее и сильнее. «Не подведи, дай поохотиться!» – просил я погоду.

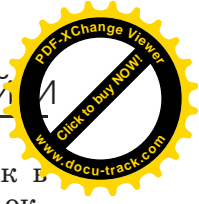
Вот и Малая Обь. Мы вылетели в её ширину из Северной Сосьвы и, обходя громадные льдины, двинулись в наши рыбацкие и охотничьи уголья. Птица летела по всему горизонту. Целые табуны лебедей и уток.

– Смотри, – толкнул я в бок свою охотницу. Косяк лебедей летел на север своим лебяжьим порядком. Вторым от вожака шёл гусь. Ловко устроился! У птиц свои законы, и если лебеди пустили гуся в свою стаю, да ещё на второе почётное место, значит, он это заслужил. Заёрзав на своём месте, Светлана шепнула мне:

– А на берег нельзя? Мне надо!

Конечно, можно. Заприметив таловый островок посреди Оби, я повернул к нему с северной стороны, убавил газ, и под аккомпанемент взлетевшей стаи острохвостов наша лодка ткнулась носом в этот прекрасный таловый островок. Светлана вышла на берег. Весной здесь всегда чисто, никакой грязи. Да и какая может быть грязь, если почва оттаяла не более чем на сантиметр. Шурша подсохшей листвой, Светлана нашла себе укрытие и исчезла.

А вокруг распростёрлась пробуждавшаяся после долгой зимы природа. Многоголосье птиц неописуемое.

На Север стоит свершить па-ломничество хотя бы для того чтобы послушать птичье пе-ние, упоение новой жизнью. Это и любовные голоса птиц, и их ликование по поводу при-шедшей весны, и призывы к брачному союзу. Пение кули-ков, клёкот парящих в небе орланов, взывания самцов всех видов и пород. Я упивал-ся этими звуками, как вдруг за кустами раздалось ни на что не похожее гусиное «га-гак!..»

Гуси! Ёкнуло у меня в душе, и рука схватила цевьё ружья. Ещё одно «га-гак». Я понял, что на меня из-за кустов идёт гусиный табун-чик. Моя вертикалка готова к действию. Ну? Пара гусей вылетела из-за кустов на ко-ролевский выстрел. Мой гла-зомер отсчитал тридцать ме-тров, нужное расстояние для удара в грудь. Грохнуло два выстрела. Первый гусь упал в ту сторону, куда ушла Свет-лана. Второй рухнул в реку. У него сломалось крыло, и бе-лые перья на боку обагрились кровью. Вот она охота.

– Ты что? – слышался гневный голос Светланы. – Ты меня чуть гусём не зашиб!

– Так неси его сюда. А я за вторым схожу, – крикнул я ликующим голосом и, запу-стив мотор, отправился доби-вать второго гуся.

Вытянувшись в воде, оста-вив над водой лишь часть спины и клюв, гусь плыл к берегу. Нырять ему было явно тяжело. Я приблизился на выстрел, нажал на курок и вот гусь гуменик в моей лодке. Я развернулся на ма-лом ходу и вскоре вернулся на место.

– Где гусь? – крикнул я Светлане.

– Сидит, – ответила она и на меня смотрит. Я любовно погладил ружьё, отложил его в сторону и нехотя вылез из лодки к Светлане и гусю. Гусь, сваленный наповал, ле-жал на груди, закинув голо-ву и молча глядя в вечность своими чёрными глазами.

– Да он же мёртвый!

– Ну и что? – возразила Светлана. – Глаза-то откры-ты. Я только поднялась, как услышала выстрел и этот гусь чуть, было, не упал на меня. Перепугалась я ужасно!

– Неси его в лодку, – при-казал я. Но она дерзко вы-прямилась и заявила:

– Ты убил, ты и неси! – сказав это, она величаво и, демонстрируя высшее досто-инство, направилась к своему месту в лодке.

Былой холодок в моём теле прошёл. Суета с гусями меня хорошо согрела, и когда мы уселись в лодке я, пере-полненный теплом и любо-вью, произнёс нечто среднее между тостом и мольбой.

– За тебя, моя Светлана, драгоценная моя охотница. За то, чтобы ты почаще выхо-дила на берег, а я тебя сторо-жил и возле берега и везде и всюду. Свет очей моих, Свет-лана! Возрадуйся немалой добыче нашей. Пара гусей, да столько же уток. Мы имеем полное право возвращаться домой, где я преумножу твою радость.

– Правильные речи гово-ришь! – поймала Светлана меня на слове. – Поехали до-мой!

Я допил своё пиво, посмо-трел на неё и сказал:

– Мы же с тобой северя-не, Света! Значит, наш с то-бой курс – вон туда, на север. К Полярной звезде!

Я дал газу и направил лодку в протоку Нурик. Эта двадцатикилометровая про-тока, соединяющая Малую и Большую Обь, истинная Мекка для рыбаков. В ней берёзовские мужики летом добывают муксуна, а позд-ней осенью нельму. В общем и целом северная жизнь не скучная. Не валяйся на дива-не, и закрома твои будут пол-ны северных деликатесов. Как-то я, будучи на отдыхе у друзей в Сухуми, услышал восторженное восклицание земляков-северян:

– Боже! Да вы тут как в-раю живёте! Виноград за ок-ном растёт, и его никто не ест. А мандарины! А лимо-ны! И всё в таком изобилии. А климат какой чудесный!

Я вспылил и воскликнул:

– А почему мы не видим как у нас тысячи тонн ягод – брусники, клюквы, голу-бики, черники, морошки и прочих витаминов уходят под снег или сгнивают на сол-нце? И каждая эта ягода по своему вкусу и целебности не уступит винограду, лимону или мандарину! Почему мы видим чужое и не замечаем своё? Пирожки с бруснич-ным вареньем моей бабушки Сони я дарю как ценные по-дарки, и сам их ем по сегод-няшний день с превеликим удовольствием.

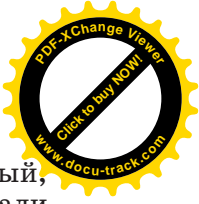
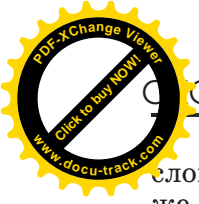
Аааа... подогретый пив-ком, я не заметил, как мы проскочили Нурик и выш-ли из него в Большую Обь. В этом месте сливаются То-готская Обь, Нурик и Горная Обь, образуя широченный плёс длиной в пятнадцать ки-лометров. Мощное течение играло льдинами как силач гириями в цирке. Одну льди-ну закинуло на высокий яр, другую поставило вертикаль-но, приткнув к пологому бе-регу. К одному такому стоя-щему айсбергу мы подплыли и остановились. Указав на него глазами, я предложил Светлане:

– Может, залезешь? Я тебя сфоткаю.

Но промёрзшая до костей, моя подруга решительно отказалась.

– Ой, нет! Может, только на обратном пути...

Я не стал её уговаривать, тем более что до встречи с Владом Кравченко и его ко-мандой оставалось всего лишь минут двадцать пути. А там можно отогреться, попить чайку и со свежими силами двинуться на мои «карасёвые озера». Отец мой Леонид Ефимович всег-да называл озёра местным

словом «озерья». Вот и я так же зову их. Я родился в этих местах, проработал здесь рыбаком, мне тут знаком не только каждый поворот или плёс, но и каждый куст, если не каждое дерево. Поэтому я смотрел на них и вспоминал свою беспокойную, полную забот и приключений молодость рыбака и охотника.

Светлана снова попросилась на берег. Я подыскал подходящее место и высадил её. И опять я замер в ожидании новой стайки гусей, но ... Увы... Пара чернедей вылетела за моей спиной, откуда я их не ждал. Вскинул ружьё, торопливо пальнул им вслед. Ничего... Немного спустя появилась и она. Не скрывая язвительного тона, упрекнула меня:

– Эх, мазила! Уже и в утку попасть не можешь!

– Попаду, когда надо, – сказал я про себя, запустил мотор и взял курс на Старо-Устрёмскую. Через пять минут наша лодка стукнулась носом о деревянный причал. Я привязал носовую чалку, и мы со Светланой вышли на твёрдый берег охотничьей базы, главная достопримечательность которой – изба. Но не простая, а под патронажем компании ЮТэйр. О, это особый разговор.

Докладываю вам как на духу – оказался я на этой базе не потому что это пристанище олигархов и весьма солидных особ, и не потому что я со своей подругой замёрз как собака и нам надо было срочно погреться (погреться мы могли бы и у костра на берегу или у друзей в деревне Казым-Мыс, до которой оставалось каких-то километров двадцать). Мы вышли на эту базу, потому что это был стан настоящих охотников. Эти люди приезжают сюда не за сотнями штук гусей или уток, а потому что сюда их манит романтика Севера. Они едут сюда послушать многоголосье птиц, вдохнуть

запахи тайги, причаститься к той неопишуемой красоте, которую я робко попробовал описать выше.

Это люди другого калибра. В их руках вертолёты. С них они могут набить дичи в любом количестве. Но им этого не нужно. Им нужна охота. Потому что они – русские мужики и, конечно, романтики. А вот и главный из них – Влад Кравченко. Мы обнялись с ним. Я передал ему послышечку от жены. Влад посмотрел на нас с укором и сказал:

– Вы что торчите на холоде? А ну за стол!

Мы со Светланой, как подбитые лётчики, понуро вошли в избу компании ЮТэйр. Тот, кто летал на самолётах этой авиакомпании, знает, что это один из крупнейших авиаперевозчиков страны с безупречным сервисом. ЮТэйр – это чистые машины, безопасные полёты и новейшая авиационная техника. Всё на высшем уровне. И всё это результат работы не суперменов, а самых обычных, но очень добросовестных людей. Как, например, Влад Кравченко, первый заместитель президента компании, стоявший у её истоков и приведший её к сегодняшнему процветанию.

Зайдя вслед за нами в избу, Влад занял место у плиты, на которой доходила картошка в сковороде с салом, и стояло громадное эмалированное ведро с торчащими утиными попками. Это был настоящий «шулюм» из добытых уток. Тут же были и гости, человек десять. Влад пригласил всех за стол. Попробовав картошку из сковороды и убедившись в её готовности, он перенёс сковороду с плиты на стол и начальственным голосом дал команду всем приготовиться к принятию пищи. Затем Влад встал, попросил всех наполнить бокалы и произнёс свой первый тост. Это был тост в мою честь. Такой

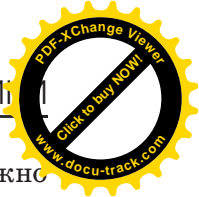
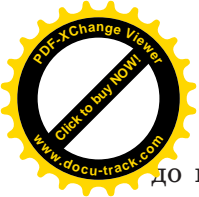
торжественный и хвалебный, какой, кажется, не слышали в свой адрес генеральные секретари ЦК КПСС в период развитого социализма. Этот спич сконфузил меня совершенно и (не буду скрывать) порадовал меня грешного тем, что меня так могут ценить люди, не связанные узами кровного родства.

– Уважаемые охотники и охотницы. Дамы и господа, – произнёс Влад, окидывая взглядом присутствующих. – За этим охотничьим столом мне хочется сказать не об охоте, а о литературе, ибо сегодня нашу скромную базу посетил российский писатель Леонид Бабанин. На его боевом счету среди десятков рассказов имеются два романа «Плата по счетам» и «Вертолётная рапсодии». Одним из героев последнего я имею честь быть (тут Влад хитро усмехнулся и я подумал, что умение сказать нужное слово в нужной компании не могло не способствовать его карьерному росту). Будучи профессиональным авиатором, Леонид смог как никто другой достоверно и с любовью описать наш нелёгкий лётный труд. За нашего Лёню, писателя и охотника!

Загудевшие гости с явным удовольствием выпили.

Тут я совсем растерялся... Дар речи потерял от таких дифирамбов. Вспомнился мне классик Крылов, его соловей с кукушкой и демьянова уха.

Я повнимательней рассмотрел участников застолья. Их поведение мне показалось вполне искренним. Да и каким ещё оно могло быть при вине да с такой-то закуской! Картошка, зажаренная на сале в чугунной сковороде ушла на ура. Мужчины галантно подкладывали Светлане самые изысканные кусочки охотничьей трапезы. А тем временем первый зам авиакомпании занял место у плиты, на которой доходило

до кондиции ведро с утиной шурпой. Непосвящённому может показаться, что это совсем простое блюдо. Оттербил уток, опалил их, отмыл, выпотрошил, кинул в ведро с водой, добавил лук и вермишель – и дело сделано.

Ан нет! В этом блюде исключительно важно «поймать вкус», то есть выждать время и положить приправу в точном, почти аптечном количестве. Чтобы не было слишком слабо, но чтоб и дыхание не перехватывало. Также необходимо соблюсти нужную пропорцию воды и уток. И, конечно же, не допускаются ни переварка содержимого, ни его недоварка. И если всё сделано правильно, то, будьте уверены, едоки не отступят от этого блюда, пока пустое ведро не будет повешено на таловый куст.

Влад колдовал над варевом, а я смотрел на его кулинарные процедуры и думал – тысячи лётчиков в подчинении у этого кулинара, а он у плиты управляет, как заправский шеф-повар. Как будто всю жизнь у котлов священнодействовал, а не летал днём и ночью в условиях крайнего Севера, налетав более одиннадцати тысяч часов. Тут, в охотничьей избе, он чувствует себя так же уверенно, как и в кабине вертолёта, виртуозно орудуя кухонной утварью и при этом фонтанируя шутками.

Ему доверяли самые сложные полёты, такие как отстрел волков в горах в районе оленеводческих пастбищ, перевозка крупногабаритных грузов на внешней подвеске, аварийно-спасательные работы, санитарные задания... А тут – плита и ведро? Но подошёл момент, и Вадим снял ведро с плиты, поставил его на стол и начал выкладывать уток на широкое блюдо. Поднялся ароматный пар. Неповторимый утиный смог заполнил помещение. Все замерли в предвкушении первой про-

бы. Тишина. Никто не шуртит, не наливает. Все сидят, как маленькие дети, и ждут, когда перед ними появится чашка жирного утиного супа с уникальным букетом вкусовых ощущений. Да, Вадим Кравченко не только филигранный лётчик и толковый управленец, но и кулинар-виртуоз плюс радушный хозяин.

Поймав момент, к которому он вёл своих дорогих гостей, Вадим глянул на заворожённые лица и начал неспешно разливать шулом по тарелкам, всем поровну. Затем он поставил перед гостями широкое блюдо с дичью и произнёс с шутливым укором.

– А вы почему не наливаете? Под такую вкуснотищу не налить – грех смертный.

Гости не заставили упрашивать себя дважды. Кружки снова наполнились вином. Густое красное вино, четырнадцать градусов. По телу пошла блаженная истома, по мозгу потекли волшебные флюиды. У меня слегка закружилась голова.

Подумалось – тарелочку утиного супчика – и всё пройдёт.

И вот тарелка утиного супа стоит перед каждым охотником, а в центре стола возвышается горка утиных тушек.

Но ложки никто не берёт. Все ждут приказ старшего. И приказ поступил. Влад встал из-за стола и торжественно произнёс:

– Мы тут чествовали нашего земляка, члена Союза писателей России, выпили за его будущие творческие успехи. А теперь настал его черёд ответить. Ваше слово, товарищ, Бабанин!

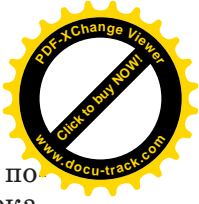
Этого я никак не ожидал. Ораторским искусством не блещу. Если и скажу где-то маленькую речь, то в тесном кругу среди друзей. Мысли свои предпочитаю выражать письменно на бумаге или отстучать на клавиатуре

компьютера. А здесь нужно полноценное выступление. Народ просит. Не выступишь – и себя, и всю пишущую братию опозоришь... Н-да... Положеньице...

Я стал медленно подниматься. В процессе подъёма в голове мелькнуло – не дрейфы! Сделай как в литературном рассказе – вступление, главная часть и вывод! И я заговорил.

– Спасибо, уважаемые охотники и охотницы, за такое внимание к моей скромной персоне и моему неприятельному творчеству. Отдельное спасибо Владиславу (я тоже не лыком не шит, нужных людей в нужной компании не забуду). Всех нас сюда привела любовь к природе, к северу, к этим полярным ночам. Я в этих местах родился, и нет для меня на свете места милей. Говорят, что Север – это холодный край. Да, он холодный. Но только к тем кто не понимает, не чувствует и не видит его особую красоту. Красоту его бескрайних снегов зимой, богатство его лесов летом. Север – это страна, где трепещется жизнь на земле, в воде и в воздухе. Нигде как на Севере человек не понимает, что он – всего лишь частица бесконечной Природы. Любите Север во всей его красе. Учитесь жажде жизни у северного зверя, его умению жить в любых условиях и обстоятельствах. И помните, что как ни долга и сурова северная зима, она никогда не обманет и всегда принесёт за собой жаркое лето с его щедрыми дарами природы. Предлагаю выпить за наш бесконечный бескрайний Север, который по какому-то недоразумению порой называют крайним.

Кажется, мой тост понравился. Народ выпил и начал сосредоточенно закусывать. Я глянул на Светлану. Она улыбалась в знак одобрения моего выступления.

Тишину прервал Кравченко, предложив очередному товарищу сказать новый тост. Как выражался классик Перестройки: «Процесс пошёл».

Один за другим тостующие поднимали кружки. Всё коллеги Вадима, лётчики.

– Как там на небе? – решил я пошутить с одним из них.

Но он шутку мою воспринял вполне серьёзно.

– На небе хорошо, а на земле лучше, – ответил он. – Приезжай ко мне в офис после охоты. А лучше сразу на дачу. Там увидишь и вкусишь настоящие прелести жизни.

Мы долго ещё шутили и смеялись над собственными шутками. Моё присутствие на этой посиделке могло бы затянуться до самого утра, если бы не сработал мой рыбацкий инстинкт, давший мне команду – подъём! На озёра!

– Мне пора, сказал я, выходя из-за стола и кивая Светлане. Призывы дружной компании остаться мы вежливо отклонили и вышли на реку к лодке. Было уже около десяти вечера. На небе хмурились тучи, с севера дул ветер. Очень даже северная ситуация. Хочешь – рыбачь и охоться, а не хочешь – сиди и выпивай. Будет тебе весело, но останешься ты без уток и рыбы. Мы выбрали первое, тем более, что запасной вариант на случай непогоды у нас был – это посёлок Казым-Мыс.

Сели мы со Светой в лодку и, несмотря на уговоры Вадима (С тобой всё ясно, ты – отравленный охотник, но зачем женщину мучаешь?), я запустил мотор, дал газу, и мы помчались на наши угодья.

Хорошо, что ехать было недолго. Расчёт мой был прост – разведём костёр, водрузим чайник, я накачаю резинку, поставлю на озере две сетки на карася. На это уйдёт около часа. Зато явим-

ся в Казым-Мыс с карасями. А карась в этих местах – рыба особо почитаемая.

И вот мы перевалили Обь и проскочили Лок-Панскую «заостровку», то есть полосу наносного песка. Инстинкт охотника и рыбака гнал меня всё дальше. Сердце колотилось в предвкушении добычи. А вон и тот куст на краю протоки, под которым провёл я немало ночей. Тут дорогие моему сердцу пять озёр. Мы вышли на берег...

Задымил костёр. Языки пламени взметнулись «до самого неба». Я набрал побольше толстых корней, чтобы костёр не прогорел быстро и начал накачивать резиновую лодку.

Готово! Я победно похлопал лодку по тугим бокам.

– Дождик пошёл, – невесело произнесла Светлана. Я понимал её, но не мог отвести глаз от звавшего меня озера. Там плавали утиные табунки, то взмывая к небу, то камнем падая в кочки, крича при этом на своём звонком утином языке. Пара длинноносых гагар ныряла по очереди, будто соревнуясь друг с другом. Тут же сновали от протоки на озеро кулики-турухтаны. Везде и всюду бесконечная суета жизни.

– Света, – обратился я к своей подруге. – Потерпи чуток. Дров я тебе наносил. Посиди тут полчаса. Я только сети поставлю и сразу же на Казым-Мыс отправимся.

– А, ладно, – покорно ответила она. Для меня это прозвучало сигналом отправки на озёра.

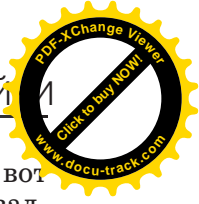
– Возьми в лодке пиво. Закуску согрей на угольях. Время пролетит незаметно, – посоветовал я ей и, ощущая холодные струйки дождя, бегущие по спине, подумал: «Нет, сегодня обнималок на природе не будет...»

Я сложил в лодку-резинку всё необходимое. Метров двадцать проволок её до озера, сел, оттолкнулся

и вышел на простор. А потом... потом я как будто оказался в другом мире. Мире грёз и воспоминаний. Вспомнилось детство, отец, кормивший нас охотничьим и рыбацким промыслом. Было мне тогда лет семь, мать по работе часто в командировках отсутствовала. Вот и брал меня отец с собой постоянно «на озёрья». Обычно он использовал долблёную из осины лодку, называемую по-местному «облас». Её длина – метров пять-шесть. Она полностью оснащена для промысла на ондатру капканами-нулёвками или самоловами. Последние – это стяжки сантиметров по сорок. На каждой стяжке подвешено до двенадцати проволочных крючков, которые и ловили проплывавшую ондатру.

Секрет крючков заключается в том, что перед тем как их поставить жало их нужно отшлифовать на диком камне, иначе оно не вопьётся в ондатровый бок. Только цапнет и отпустит. Вот мы с братом Юрой и шлифовали их после школы на камешках, с завистью поглядывая на улицу, где пацаны гоняли со смехом мяч или лапту. Через петлю на носу обласа отец продевал весло, взваливал на плечо этот нос и волок плавсредство на озеро. Моя обязанность при этом была поддерживать переборку обласа и помогать тянуть его вперёд. Даже наш пёс Дружок подключался к операции. Отец делал хомут, одевал его псу на грудь и Дружок с серьёзным видом тащил, сколько мог, помогая хозяину в транспортровке судна.

Как только лодка оказывалась на озере, моя работа прекращалась. Сиди и смотри. Отец объезжал озеро вдоль берега, выставляя свои нехитрые снасти на ондатру, которая водилась в этих местах в великом множестве. На озёрных островках, там, где кормится ондатра, остаётся

Её характерный след в виде объединенных корешков травы и помёта. Туда выставлялся капкан с тросиком, конец которого крепился к «тычке», то есть колышку, воткнутому в дно озера. Когда ондатра попадала в капкан, она тут же прыгала в воду, ища там спасения. Но капкан тянул её вниз, и участь её была предрешена. А если от берега в озеро шёл мутный ондатровый ход, то туда выставлялась стяжка самоловов. За два дня промысла отец налавливал до двухсот зверьков. На «озерьях» с тушек снимались шкурки, дома оставалось только их обезжирить и высушить на «правилках». Если не сделаешь этого на угодьях, то тушки начнут разлагаться. Шкурка ондатры в те времена была ходовым товаром. Отец распоряжался этим добром смекалисто. Шкурки помельче он сдавал в коопзверопромхоз, а крупные оставлял себе. Ондатра в те времена ценилась и стоила до десяти рублей за штуку. Отец распродал их без проблем. Овчинка стоила выделки. Труд охотника окупался сторицей. Вот так при отце я и вырос на этих «озерьях».

Моя «надувнушка» скользила по озеру. Вот и кочка, выпирающая мыском в озеро. Я привязал к ней конец сети и не спеша выставил её на карасей. На этом озере попадается серебристый карась, а через гривку водится карась золотистый. Очень похожий, но тёмно-золотого цвета. Вообще я карася отношу скорее к пиявочным породам, чем рыбным. Както проверял я выставленные сети и ни одного карася не обнаружил. Отчего так? Ведь этой рыбы тут множество. Почему же ни одна рыбёшка в сеть не идёт? Возле берега, у кола бережного всмотрелся я в дно озера и увидел – что-то шевелится. Пригляделся и обомлел. Карасьи хвосты поигрывали в воде как опахала.

Сами караси закопались в ил по самый хвост и что-то высасывали из ила. Пять распластанных хвостов лежали на дне как пять вымпелов. Вот почему они в сеть не шли! Некарасёвый день был для рыбалки! Надо выбирать дни, когда карась из ила выползает, ходит по озеру и чистится.

На озере всё интересно. Вот мелкая «поедь». Значит, тут утиная парочка ночевала, оставив множество измельчённых корешков молодой травы и помёт. А вон куликутурухтан на одной ноге у среза воды стоит, нахохлился, распушил свой купеческий воротник и возглашает на всю округу:

– Я! Я!! Я!!! Я – самый сильный и могучий на этом озере.

В воде, под самым берегом разноцветным бисером плавали пиявки разных форм и цветов. – Надо же, – подумал я. – Температура воды сейчас не выше трёх градусов, а они уже живут и радуются.

В лабиринтах озёрных кочек давали волю своим игрищам водяные кроты. Весна. Раздолье. Их враги – вороны и ястребы – в кочкарнике их не возьмут. Вот и рай земной наступил для кротов. Бывает, однако, что какая-то голодная ворона сядет прямо в кочки и сидит, ждёт пока подслеповатый крот сам заползёт ей в клюв. Ворона убивает грызуна ударом своего мощного клюва в глаз. При встрече с вороной шансов на выживание у зверька нет. В таловом кусту из вороньего гнезда торчит чёрный вороний хвост.

– Гадина! – ругнулся я на неё и поднял, было, ружьё, но подумал и опустил.

Не я породил эту ворону и не мне её убивать.

Вдруг со стороны проточки пара чирков на бредущем полёте пошла прямо на меня. У меня учащённо забилося сердце, а душа приказала ему:

– Бейся! Бейся! И стучи! Та парочка – твоя.

Я поднял ружьё. И вот они у меня на мушке двадцать восьмого калибра, в заряде которого пятьдесят две дробинки третьего номера. Я спустил курок, и первый самец рухнул в воду. Нажал на второй курок, и самка с подбитым крылом упала в озеро, подняв кровавые брызги. Не оставлять подранков – неперемное правило настоящих охотников. Дрожащими от азарта пальцами я достал два патрона, перезарядил «вертикалку» и погрёб за чирушкой, удиравшей в траву. Кажется, успел, подумал я, увидев обессиливающую утку. Вновь ружьё наизготовку, выстрел и... напуганный выстрелом табун гусей, шедший через озёра на меня, свечкой взмыл высоко в небо.

Эх! Меня охватила досада. Погнался я за уткой, а гуся упустил. Так мгновенно на охоте радость превращается в разочарование, а победа в проигрыш. Я забросил чирушку в лодку, подобрал самца, глянул в конец озера. Из-за куста, за которым осталась Светлана, шёл густой дым.

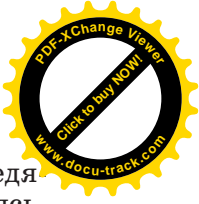
– Молодец, северянка! – похвалил я её в уме. Если костёр кочегарит, значит, всё у неё нормально. На Севере по-другому не бывает.

Несильный, но и не слабый, очень северный дождь шелестел по траве. Я решил поставить ещё одну сетку на втором озере. Карасиков наловлю и душа моя, Бог даст, успокоится. На карасёвую ушицу хватит. А у меня ещё и гуси. Будет супчик гусиный.

Вдруг – ондатра!! Я увидел ещё один объект охотничьего промысла. Рыжий зверёк достаточно смело плыл вдоль берега, разглядывая меня чёрными сердитыми глазами.

– А ты кто тут? – спросила меня ондатра.

– Охотник! – ответил я и, подняв ствол, как учил меня отец, выстрелил «под обрез».

Есть ещё мясо! Ханты его едят с удовольствием. А я почему-то всегда брезговал. В прошлом году взял от парочки тушек заднюю часть, замариновал в уксусе, натёр чесноком и приправами и в духовку поместил. На вид и запах блюдо получилось завлекательное, но я не смог заставить себя съесть хоть кусочек. Досталось это кулинарное изделие кошке Муське, которая и без меня спокойно добывала себе грызунов, когда те по неосторожности забегали в окрестности нашего дома. Так получилось, что Муська впервые в жизни откушала блюдо из тушёной ондатры с овощами.

Теперь через гриву и второе озеро нужно перетащить. Это всего метров двадцать. Озеро овальной формы. Его очень любят белобокие хохлатые чернеды. Тут они устраивают свои гнездовья.

Если чернедь и гагара на водоёме бьются, значит, водоём рыбный. Я в этом ничуть не сомневался. Озеро карасёвое, тут его всегда много, даже когда другие озёра меня ничем не радовали. Особенно это озеро предпочитает карась жёлтый.

Одним рывком под всплески взлетевших чернедей я перетащил и спустил лодку на озеро. Дальний конец озера упирался в черёмуховую гриву, уходившую к Оби в районе плавного песка Ван-Пан. А за ней кормовой гусиный сор. Я глянул в сторону кострища Светланы и подумал:

– Эх, Света! Не будь тебя со мной, я бы поставил сетку да ещё порезвился, но... неприлично будет мне о тебе и комфорте твоём не подумать. Тем более, что всё для этого есть. Гуси порадуют нас сегодня очень даже душевно, – мысли мои уже витали над кастрюлей с гусем.

Дикий гусь как кулинарное блюдо разительно отличается от домашнего. Если

домашний гусь состоит в основном из кожи и жира, то дикий из тёмного мяса и жира, которого намного меньше, чем у домашнего, и он имеет свой специфический лесной аромат. Само собой разумеется, что во время готовки и еды ни с чем несравнимый запах гусяного супа заполнит ваш дом и всю округу. Это запах костра, реки и неба. Такого запаха у домашней птицы нет.

Я открыл глаза и вернулся к реальности. Шапка моя намокла, дождик ручейками стекал по спине в трусы. «Скорей, скорей! Света ждёт», – подгонял я себя. Наконец, дело сделано. Я проплыл рядом с поставленной сетью, поправил, где было спутано, вытащил пяток уже попавшихся карасей. Вспомнилась отцовская присказка «сеть в воде – рыба на сковороде». Уже представлял встречу со Светланой. Видел её грустные глаза.

Вот и озеро. А вот и тот куст. Но почему оттуда дым не идёт? Неужели костёр дождём залит? Я налёг на вёсла, поторапливая встречу со Светланой. Дождь пошёл со снегом. И тут я вдруг увидел пару лебедей. Они пролетали мимо меня величественно и в полном неведении моего присутствия. Я знал, ЧТО надо делать. Меня этому обучил Наумто Выла, местный парень манси, которого мы по-свойски звали Аликом. Я поднёс руки ко рту, немного напряг горло и издал зазывной клич.

На севере никого этим не удивишь. Многие умеют издавать эти звуки, зовущие лебедей. Дело несложное, но навыка требует. Голосовым связкам в горле надо придать определённую вибрацию, чтобы звук пошёл чисто лебяжий, самими птицами неотличимый. Среди прочего я могу прокричать за лебединую самку. Научился я этому на карасёвой рыбалке,

наблюдая при этом за лебедями и к ним прислушиваясь. Лебеди мне поверили, сделали разворот и приблизились к острову, куда подгрёбал и я, крича до срыва голоса. Вдруг из-за куста, где была Светлана, раздался подобный же отклик. Я продолжал кричать, желая ещё больше приблизить к себе лебедей. Они шли прямо на меня.

И вот они метрах в трёх от меня. Я махнул им руками. От неожиданности возникшей опасности лебеди свечкой взмыли к небу, издавая характерный хруст белыми с розовым отливом перьями. Всё. Ушли...

Тут же оказалась и Светлана. Она с явным неодобрением рассмотрела мою залепленную снегом лодку. Я крикнул ей:

– Привет тебе лебяжий!

Она улыбнулась в ответ, а когда я подплыл к ней, облегчённо выдохнула:

– Ну, слава Богу! А то я уж начала думать, что с тобой что-то случилось.

Она опустила голову и сказала, теперь уже без упрека:

– Я вся мокрая. Наверное, простыла и заболела.

– А костёр? Ты почему не грелась?

– Ты уехал, и он потух под дождём.

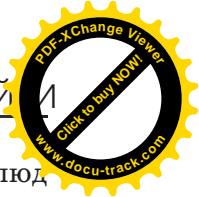
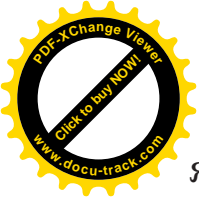
– Но ты хоть бы пивом погрелась.

– Я вначале попила, а потом не смогла. Сыро, холодно. Лёня, давай скорей в Казым-Мыс.

– Хорошо, Света. Неси вещи в лодку. Я только сетку проверю. Там угощение для Букариновых в деревне. Они любят карасиков. Не беспокойся. Через двадцать минут мы будем на месте.

Я вернулся к сетке. Карасей набралось много. Я выпутал с пару десятков и направился к берегу.

– Садись! Приказал я Светлане указывая на место в лодке. Для тепла я подложил Свете одеяло и её саму укрыв.

Я запустил мотор, и мы двинулись вперёд в спасительный Казым-Мыс. Время к полуночи. Лодка набрала скорость, вышла на глиссер. Лобовое стекло тут же покрылось ледяной коркой.

Спугнув уснувшего на мыске лося, мы выскочили на Большую Обь и попали в невысокую, но частую волну. Одеядло на Светиной спине намочило в одну минуту. До посёлка оставалось километров десять, но каких! Похоже, что на финише нас ждут настоящие испытания. Я выдержу, мне не впервой. За выносливость и упорство друзья прозвали меня «Бультерьером», но каково Светлане?! Переохладится и получит букет болезней. А нам это надо?

Мы прошли мимо острова Обский. Показались телевышки нашего спасительного посёлка. Молча и не глядя друг на друга, мы дотерпели до самой деревни и наконец-то ткнулись лодкой в берег. Чтобы не искушать собак я спрятал съестное в лючок лодки, взял карасей и повёл спутницу в дом моих друзей Игоря и Лилии. Эти последние триста метров были особенно тяжки. Насквозь мокрые, облепленные снегом, мы больше походили на лесовиков, чем обычных людей. Вот и дом. Я толкнул калитку, и мы прошли к крыльцу. По горевшему в доме освещению мы к своей радости поняли, что хозяйева ещё не спали. На севере в деревнях нет замков и запоров. Об отсутствии хозяев в доме говорит палочка, которой подпирают наружную дверь. Мы зашли в дощатые сени и постучались.

Когда-то я считал дощатые сени недостойным реликтом. Полагал, что веранда должна быть из кирпича, а двери из стеклопластика. Теперь я так не думаю. Насквозь продрогшие, мы впервые за этот день и ночь почувствовали настоя-

щее тепло в этих дощатых сенях. Ничего подобного в кирпичной веранде быть бы не могло. Дверь открылась. На пороге стоял Игорь. Увидев нас, он улыбнулся и спросил с наигранным удивлением:

– Вы откуда такие?

– С охоты... С рыбалки... – произнёс я задревеневшими от холода губами и протянул пакет с карасями.

– Вот вам от лесного хозяина карасики!

– Прошу к нашему шалашу! – Игорь сделал приглашающий жест.

– Мы... Это самое... Не совсем сухие, – сказал я, кивнув на нашу одежду, с которой сбежали ручейки.

– Лилия! – позвал свою супругу из дома Игорь.

– Ой, ой! – заойкала Лилия сокрушённо оглядывая мою мокрую спутницу. Но тут же совладала с собой и скомандовала:

– Света, за мной! У нас ещё баня не остыла. Там прогреешься, и там же одежду твою посушим...

Вот и конец нашим злоключениям. Через каких-то десять минут, находясь в блаженном тепле, мы начисто забыли ещё недавнюю опасность умереть от переохлаждения. Как почётных гостей нас провели на кухню, где на столе стояли большие фарфоровые блюда, в которые Ульяна Павловна, тёща Игоря, выкладывала пельмени.

– У нас нынче праздник. День рождения внучки, – торжественно объявила Ульяна Павловна.

Я мужик крепкий, но у меня тут закружилась голова. После дождя и снега, после пронизывающего ветра и проникновенных Светиных слёз я нахожусь в тепле и уюте, в оазисе любви и предстолем, заставленным шедеврами кулинарного искусства. Штук пять салатов, морс клюквенный, рыбка по домашнему рецепту. И ещё

что-то из фирменных блюд этого дома.

Игорь налил рюмки. Мы выпили за внучку. Закусили. Потом выпили за гостей. Я изловил кончиком вилки пельмень, помакал его в уксусе и, отправив в рот, понял, что жизнь – штука замечательная.

– Не ожидал я вот с такого собачьего холода на лебяжьих пельмешки попасть, – сказал я Игорю.

– Была у нас эта птичка вначале, – ответил мне Игорь. – И вот сегодня Лилия решила нас побаловать по особому случаю. Лебедятина – блюдо для гурманов, – авторитетно заключил Игорь.

Эх, Игорь! Кому ты рассказываешь про лебяжьих пельмешки. Знаю я, что под них легко рассказывается, дружно спорится, душевно поётся и от тягостей жизни быстро отходится.

Спали мы со Светланой на белых простынях...

Утром нас разбудили и снова за стол усадили. За те же лебяжьих пельмешки, только на сковородке подогретые и хрустящие. И снова хоровод разговоров и споров. Только под вечер мы от них уехали...

На обратном пути я снял богатый улов карасей. Есть с чем домой возвращаться. Да, помокли немножко, и ветер нас пообдувал, так ведь ничто не даётся даром!

Утром мне позвонил Кравченко.

– Как доехали? – с тревогой спросил Влад.

– Доехали нормально. Карасей наловили. Приезжай, угощу!

– Молодцы! Сейчас приеду, – сказал Влад. – А у тебя лебяжьих пельмени готовы?

– Всегда готовы! – ответил я и направился к холодильнику.

пос. БЕРЕЗОВО,
Ханты-Мансийский
автономный округ – Югра

*В этом году исполняется 85 лет писателю
Исаю Калашникову. Покинув нас в 49 лет,
он успел написать романы
«Последнее отступление», «Разрыв-трава»
и «Жестокий век», о Чингисхане.*

Исай Калашников

НАКАЗЫ ИСАЯ

В сентябре 1950 года, окончив философский факультет МГУ, я получил направление в «Бурят-Монгольский комсомолец». В ЦК ВЛКСМ мне предлагали место инструктора обкома ВЛКСМ, но я решил начать с газеты. Редакция находилась на улице Рабочей, рядом с главпочтамтом. Коллектив небольшой, перьев десять. Почти все рядовые без высшего образования. Дипломы имели редактор Сергей Бальжинимаев, его заместитель Игорь Казанцев, ответсекретарь Андрей Терёб и завотделом Лидия Мельникова.

Основными пахарями были завотделом сельской молодёжи Исай Калашников и зав комсомольским отделом Володя Корнаков. Из-за недостатка места они располагались напротив редакции в деревянном домике у здания пединститута. Там мне выделили стол, а отдел пропаганды, который возглавил я, был в деревянном одноэтажном доме.

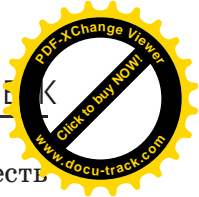
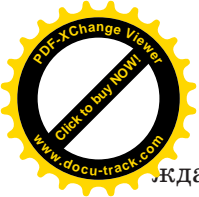
Исай поражал тонкими чертами лица, пышными волосами. Он был ослепительно красив. Считали, что он похож на актёра Кадочникова, а кто-то возражал «Это Кадочников похож на Исаю». Студентки специально заходили в Малый хурал, чтобы увидеть его. Правда, кое-кто говорил, что девчонки смотрели и на меня. Своим ростом 190 см я удивлял сородичей.

С обликом Исаю не вязалась его непростая биография. Родился в 1931 г. в семейском селе Шаралдай. В годы войны Исай окончил

лишь пять классов. В Шаралдае пас скот на коне с книгой в руках. Переехав в Кому, был лесорубом, сплавщиком леса, токарем. Писал заметки об Итанцинском леспромхозе, их печатали, и он стал рабкором. В 1954-м его взяли в «Буркомсомолец», и он переехал в Улан-Удэ. Жена Катя, инструктор Прибайкальского райкома комсомола уволилась, и они сняли угол. Через два года получили комнату на Ранжурова 1.

Обком комсомола бросил клич: «Молодёжь на стройки!» Наша газета получила указание поддержать начин. И мне дали задание написать о нём. В райкоме комсомола, на улице Ленина, нашёл девушку, пришедшую за путёвкой на стройку. Позвонил в два других райкома и узнал, что у них нет желающих. Пришлось сравнить эту девчонку с первой ласточкой, которая принесёт весну. Заметка вышла в газете. Работа, начатая с фальши, удручила меня. Студентом писал статьи, фельетоны в стенгазетах и многотиражке «Московский университет», а здесь редакция обходила острые углы. Язык материалов был примитивен. Информации отдела сельской молодёжи, возглавляемой Исаем, выглядели так же.

Однако с Исаем мы подружились. Как и он, я снимал угол. С работы уходили вместе. Разговаривали в поезде по субботам. Он ехал к семье в Кому, а я на Ильинку, где жили мои родители. До Татаурово, где выходил Исай, поезд-ученик шёл более часа. На другой день

жддал его в третьем вагоне. Тогда я узнал, что у его отца после ареста в 1937-м пытали имена других «предателей». Но он не оговорил никого и не подписал «признания» в шпионаже. И тем спас себя и своих соседей.

В 1959 году Исай принёс только что вышедший роман «Последнее отступление». О том, что он пишет книгу, я знал, но не думал, что она получится. Начав читать, я понял, что Исай пишет очень прилично. Удивили описания боёв в старом Верхнеудинске, ныне Улан-Удэ. Не испытывая тогда тяги к истории, я вдруг понял, что и в прошлом много тайн, которые волнуют и сейчас. По этой книге его приняли в Союз писателей.

В 1959 году я поступил в аспирантуру факультета журналистики МГУ. Но дружба с Исаем продолжилась. В 1966 году я вернулся в Улан-Удэ из Целинограда. Поехал туда в газету «Молодой целинник», чтобы «обобщить» в диссертации опыт работы лучшей молодёжной газеты, как её называли в ЦК ВЛКСМ, и остался на пять лет. Именно там я понял настоящую журналистику. Газету закрыли в 1966 году. Руководство Казахстана коробил возросший авторитет Целинного края, и его расформировали на пять областей.

Вернувшись в Улан-Удэ, решил оставить журналистику и стал младшим научным сотрудником БКНИИ. Попав в группу лекторов обкома партии, я полетел в Окинский район с лекциями по международной и внутренней политике. Читал их в Орлике, Соробе, Боксоне. Впечатлений набралось на серию очерков. Я принёс их в журнал «Байкал». Главный редактор Бальбуров прочёл и сказал, что журналу нужен публицист. Так я стал его заместителем.

Дело осложнялось тем, что этот пост занимал мой друг поэт Дондок Улзытуев. Бальбуров ревновал к его всесоюзной славе. Дондока переводил Евтушенко. И Африкан Андреевич решил избавиться от него, обвинив Дондока в зазнайстве, пьянстве. Исай Калашников как член редколлегии журнала уже прочёл мои очерки и одобрил их. Закурив свой «Беломор», он сказал: «Не чувствуй неудобства перед Дондоком. Соглашайся».

Бальбуров направил меня на стажировку в журнал «Дружба народов». Чтобы повысить интерес к журналу, я набрал рукописи известных писателей. Встретился с К. Чуковским, А. Белинковым, Е. Булгаковой, А. Стругацким. Написал о них в «Правде Бурятии». А Елена Сергеевна приглашала к себе домой, где я прочёл «Зойкину квартиру», «Багровый остров», «Собачье сердце». Наученная горьким опытом, она не разрешала выносить рукописи из дома. Более недели я пользовался гостеприимством Булгаковского дома.

В 1967 году «Байкал» опубликовал повесть Стругацких «Улитка на склоне», в 1968-м – главу из книги Белинкова «Поэт и толстяк» (о писателе Юрии Олеше). В ближайшем номере должна выйти пьеса Булгакова «Зойкина квартира». В январе 1968 года вышел «Байкал» № 1.

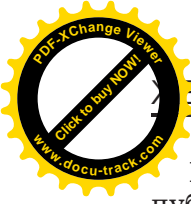
Ответные выстрелы из Москвы последовали почти мгновенно. Против нас выступили журналы «Огонёк», «Наука и религия», «Литературная газета» и «Советская Россия». Этот залп вызвал переполох в обкоме партии. Десять лет «Байкал» выходил тихо, мирно, никто его не замечал, и вдруг – такая канонада. Правда, нас поддержал «Новый мир», но Твардовский был на грани увольнения. И эта поддержка усугубила ситуацию.

Первого секретаря Бурятского обкома партии А. У. Модогоева вызвали в Москву. Завотделом пропаганды ЦК КПСС В. И. Степаков, не предложив ему сесть, начал распекать его. Вернувшись в Улан-Удэ, Андрей Уропхеевич вызвал Бальбурова. «Зачем ты публикуешь московских евреев? – кричал он, – Из-за тебя я два часа стоял перед Степаковым на вытяжку». Далее Модогоев сказал о происках врагов коммунизма в Чехословакии. Тогда назревала Пражская весна 1968 года, а осенью мы ввели танки в Прагу. Вся Европа и весь мир стали трубить об агрессии СССР, начались волнения в Венгрии, Польше.

Положение журнала осложнилось после бегства А. Белинкова в США. Его хвалил Чуковский в статье, опубликованной у нас. Автор книги о Юрии Олеше, глава из которой вышла в «Байкале», Белинков сидел в одном лагере с Солженицыным. И оказался «предателем», которого пригрозил журнал. На республиканском активе в театре оперы и балета Модогоев в двухчасовом докладе рассказал о сложностях идеологической борьбы и начал критиковать наш журнал.

После перерыва на обед началось единодушное осуждение журнала. Но гендиректор «Бурятэнерго» Станислав Мельников, выслушав выступления, сказал: «Раз так критикуют «Байкал», теперь будем читать его. Верно, Гена?». Геннадий Очирович Борисов, его зам, с улыбкой кивнул.

Именно в это время я получил от Калашникова особую моральную поддержку. Бальбуров сказал, что не читал Стругацких и Белинкова. «Их привёз и опубликовал Барев». А меня попросил не обижаться: «Я уже перенёс гонения в 1948 году. Второй раз не вынесу. Возьми всё на себя, ты молод». Я согласился, речь шла о гонениях против эпоса «Гэсэр», когда пострадали Балдано, Зугеев вместе с Бальбуровым и десятками других. После этого Африкан Андреевич слёт в больницу «с давлением».

Между прочим, Исай выступал против публикаций иногородних авторов. Не только москвичей, но и иркутян Распутина и Вампилова. «У них есть своя «Ангара», пусть печатаются там». «Байкал» выходил шесть раз в год. Членов Союза писателей Бурятии более сорока. Борьба за место в журнале жёсткая. Защищал Исай довольно тонко, говоря: «Скандалы с «Байкалом» были и прежде. Вспомните повесть Вершинина «Если бы молодость знала» и роман Лазутина «Чёрные лебеди». Исаю Калашникова поддержали Намжил Балдано, Михаил Степанов, Ц.Дамдинжапов, Д.Жалсарав.

Для расследования работы «Байкала» создали комиссию из 17 человек. Её возглавил В.Ц. Найдаков. Такого в истории редакции ещё не было. Кроме того, обком партии поручил сотрудникам КГБ своё расследование. Оно велось с особым рвением – прослушкой телефонов, перлюстрацией писем. Завотделом пропаганды Л.Я. Похосоев процитировал мои строки вдове Михаила Булгакова Елене Сергеевне. Я понял, что Елена Сергеевна, как и я, находится под надзором. Зачитав строки моего письма к ней, Лев Яковлевич ошеломил меня. Именно в те дни ко мне приходили вести от Белинкова из Чехословакии, Венгрии. Аркадий Викторович писал мне на открытках. Никакого опасения «почтарей» они не вызывали. Текст обычный, где был, что видел. Но я понимал, о чём мастер слова сообщал между строк.

Внешне моя жизнь не изменилась. Ходил на работу, побеждал в соревнованиях по метанию диска. Из-за «болезни» Бальбурова съездил в апреле 1968 года в Ангарск на зональное совещание творческой молодёжи Восточной Сибири. Там усадили в президиум, предоставили слово для приветствия писателей, актёров, художников. В мае 1968-го поехал в Усть-Орду на открытие памятника Герою Советского Союза Владимиру Борсоеву. Выступил с речью перед земляками. Сказал, что «Байкал» публиковал материалы о жизни Героя. И о том, что я помогал Н.И. Зугееву редактировать воспоминания о Борсоеве.

Между тем, габэшная комиссия вела расследование к обсуждению «Байкала» на бюро обкома партии. Тут я узнал цену нашим провинциальным чекистам. Режиссёра Евгения Теплякова забрали на телестудии в 10 утра, отвезли на «волге» в КГБ и целый день поочерёдно допрашивали его, не давая пить и есть. А к пяти вечера, так же демонстративно доставили на работу. Во время допроса следователь Харахинов кричал: «Эх, дали бы мне на десять минут тридцать седьмой год, я бы вытряхнул из него всё!»

О том, как велись допросы, мне позже рассказали, несмотря на расписку о неразглашении, врач Лев Кубаевский и критик Анатолий Политов. С ними обошлись мягче, но и их допрашивали с яркой лампой в лицо, с криками, угрозами. Следователей интересовала моя личная жизнь и книги Солженицына, которые я мог привезти из Москвы. Но их не было.

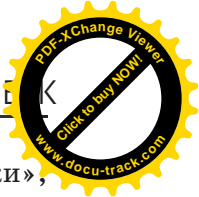
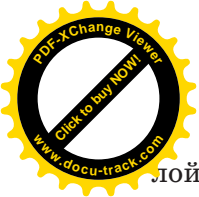
Допросили около 80 человек. Похосоев, вызвав меня в очередной раз, конечно, не показал отчёт КГБ, но список фамилий лежал перед ним, и я увидел два столбца, прикинув число допрошенных. Среди них – знакомые, авторы журнала. Не найдя политических обвинений, следователи, состряпали дело об обществе «Зелёная лампа». У меня дома была такая лампа. Мол, пили водку, голыми танцевали с партнёршами, обмениваясь ими. В этот круг попали я со своей женой Валею, архитектор Павел Зильберман, поэтесса Нелли Закурина, зампред телерадиокомитета Евгений Голубев, журналист Виталий Зоркин, капитан МВД Владимир Волков и упомянутые выше Лев Кубаевский, Анатолий Политов, Евгений Тепляков...

Сотрудники КГБ выступали в учреждениях города. О «Зелёной лампе» узнал весь город. Членов общества обвиняли в моральном разложении. Пьянство, танцы нагишом вызывали не только ухмылки, но и раздражение слушателей. Те, кто знал нас, конечно, усмехались. Но нам было не до смеха. Кто-то пустил слух, что я лежал в собственной луже у ресторана «Селенга». Мои родители испытывали не только стыд, но и страх за меня. Своему отцу, ветерану партии, я сказал, что ничего подобного и быть не могло. Он сказал, что верит мне, но это очерняет нашу фамилию и грозит бедой.

И вот – историческое бюро обкома партии. Честно говоря, не хочется вспоминать о нём. Но придётся. Зал заседаний заполнили руководители Союза писателей, телерадиокомитета, редакторы газет и члены комиссии во главе с В.Ц.Найдаковым. Говорили, что столько людей на бюро никогда не было. Заключение комиссии было сдержанным. Я был удивлён взвешенной оценкой журнала и после поблагодарил Василия Цыреновича.

Однако сразу после этого патриархи СП обрушили на журнал уйму упреков. Все претензии были ко мне. Профессор пединститута Белоусов доложил, что в беседе с ним я поддерживал редактора «Нового мира» Твардовского и плохо отзывался о журнале «Октябрь» Кочетова.

Меня несколько раз поднимали с места, но перебивали, не давая отвечать на вопросы. Когда член бюро А.У.Хахалов с ухмылкой спросил: «Что за шашни были у тебя с весё-

лой вдовой?» Имея в виду Булгакову. Я встал и сказал: «Её нельзя называть так! Она сохранила рукописи мужа, и за это ей надо сказать спасибо».

Исай, сидевший рядом со мной, незаметно трогал мой локоть, желая успокоить. После он сказал, что он согласен со мной, но не стоило так реагировать на вопрос Хахалова. «Как не вступить за честь великой женщины?» – ответил я. В ходе обсуждения, точнее, осуждения журнала, я удивился тому, что секретари обкома Продайвода, Бирюков, заводделом пропаганды Гаськов не сказали ни слова. Мне даже показалось, что они сочувствуют мне. А секретарь обкома Бутуханов, заводделом науки Похосоев нападали очень резко. Позже узнал, секрет – в негласном правиле: на бюро русские не критиковали бурят, а буряты не трогали русских. В свете национальной политики в этом был здравый смысл.

Бюро шло три часа. На предложения исключить меня из партии Модогоев сказал по-бурятски: «Да ладно, зачем портить жизнь, он ещё молодой». Тут Бутуханов крикнул: «Какой молодой? Ему уже тридцать шесть!» В итоге решение бюро прозвучало странно: «Укрепить руководство журнала». Все подумали, снимут Бальбурова, но сняли только меня. И я оказался у разбитого корыта. Закрыли телепередачу, которую я вёл два года. В Буриздате вычеркнули мою книгу – сборник очерков и рассказов. По ней я хотел вступить в Союз писателей. Когда я в десятый раз стал чемпионом Бурятии по метанию диска, об этом не сообщили в газетах. Моё имя – под запретом. Да и как может стать чемпионом пьянчуга из «Зелёной лампы»?

Посоветовавшись с женой и родителями, я в 1969 году уехал в Москву. Почти год стучался в разные газеты, ездил от них в командировки, писал, но печатали не всё. Ночевал, где придётся, плохо питался. Как выдержал всё, не пал духом, сам удивляюсь. Многие в таких ситуациях ломались. Когда дело о моём устройстве дошло до редактора «Комсомолки» Б. Панкина, он сказал: «После журнала «Байкал» принять его не можем».

Выручили давние друзья поэт Лариса Васильева и главный редактор издательства «Молодая гвардия» Валентин Осипов, экс-редактор «Молодого целинника». По их рекомендации меня взяли собкором газеты «Пионерская правда» по Северному Кавказу. Получив квартиру в Краснодаре, стал собкором. Жить на 120 рублей, с женой, дочерью и сыном, было невозможно. Устроить жену, выпускницу иняза, на работу не удавалось. Тогда мы в буквальном смысле голодали. Когда я стал печататься в местных газетах,

это не понравилось руководству «Пионерки», мол, работает на сторону. В итоге пришлось поменять 3-комнатную квартиру в Краснодаре на две комнаты в коммуналке в Москве. С солидной доплатой. И устроился в журнале «Журналист» на 180 р. Для столицы – не сахар, но лиха беда начало.

В 1974 году связь с Исаем Калашниковым возобновилась. Он приезжал в Москву на пленумы писателей. Бывал в моей квартире у кинотеатра «Октябрь», на Новом Арбате. Как же вырос Исай за эти годы. Написал роман «Разрыв-трава», опубликованный в Роман-газете, писал роман о Чингисхане «Жестокий век». Его писательский рост поражал. Изменился он и внешне. Виски поседели, взгляд с прищуром стал более степенным, – пронзительным.

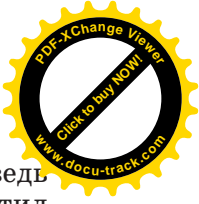
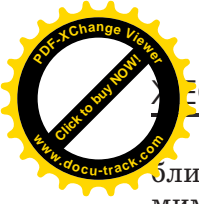
«Как ты тут живёшь? – спрашивал он, – Здесь невозможно писать!» Да, литературу пришлось оставить. Надо было утверждаться в новой редакции, обустраивать жильё, зарабатывать на хлеб. Перейдя в журнал «Коммунист», я получил новую квартиру на Бутырской улице. Пользуясь неограниченным фондом командировочных, выбирал самые дальние маршруты. Летал на БАМ, Колыму и Чукотку, в Тюмень и Приморье. За очерки о них стал лауреатом премии Союза журналистов Москвы. Нового адреса Исай не знал, а я не бывал в Улан-Удэ. Родители приезжали к нам. Связь с Исаем прервалась. Каково же было узнать в 1980 году о его неожиданной смерти. Сказалось курение. Он умер в 49 лет!

А я свою первую книгу «Высоких мыслей достойнее» опубликовал в 56. Она вышла в Москве в 1989 г. тиражом 300 тысяч. То бюро обкома помогло в описании суда над декабристами. Потом написал ещё четыре романа. А жизнь Исаия оборвалась в самом плодотворном возрасте. Сколько написал бы он, если бы не преждевременный уход!

ПОСМЕРТНОЕ ВЛИЯНИЕ ИСАЯ

Кстати, книги о декабристах я написал в каком-то смысле благодаря Исаю. Услышав мой рассказ о поиске потомков Николая Бестужевых, он посоветовал взяться за книгу о них. И добавил: «Если ты не напишешь, возьмусь я». И в 1991 году появилась моя книга «Древо: декабристы и семейство Кандинских». Её цитируют и сейчас не только в России, но и в Европе, США, Австралии. Так я выполнил наказ Исаия.

Более мистическая связь с Исаем проявилась через 14 лет после его смерти, когда я вдруг взялся за роман о Чингисхане. Спусковым крючком стала... гора Байтог,

Близ Усть-Орды. В 1993 году, проезжая мимо неё, Степан Танганов, муж моей куклины, сказал: «Раньше эту гору на тайлага-нах штурмовали всадники. Побеждал тот, кто взбирался вон на тот выступ». Выйдя из машины, я увидел неприступное место и сказал: «Какое безумие!» Степан усмехнулся: «Безумие, говоришь? Но такие штурмы устраивал Чингисхан! И потомки продолжали их».

Вернулся в Москву, а гора Байтог не даёт покоя. Стал вспоминать Монголию, где бывал много раз. Представил мифическую гору Бурхан-Халдун. Мифическую потому, что никто не знает её местонахождения. Доржи Банзаров утверждал, что она в среднем течении реки Онон, на территории нынешнего Агинского округа. Нам, бурятам, это приятно, но монголы назвали Бурхан-Халдуном одну из вершин у истоков Онона. Ближе к Улан-Батору – удобнее для туристов. Но разные авторы называют и другие адреса.

В 1998 году я, как наяву, увидел конный штурм Бурхан-Халдуна, описал его, показал друзьям. Они посоветовали продолжить. Проводя выставку Михаила Шемякина в Чите, я выехал на Онон, обратился к духу Чингисхана, попросил позволения на роман и продолжил писать. Вот так, в 2008 году и прискакал из глубин веков мой «Гонец Чингисхана». Мне кажется, что и тут был тайный посыл Исая? И я рад, что выполнил ещё один его наказ.

В заключение ещё немного мистики. Следователи КГБ окончили плохо. Харахинов оглох, и его уволили из органов. Представляете казус – глухой кагэбэшник! Его коллега, Мальцев, тоже стряпавший дело о «Зелёной лампе», умер в одиночестве, его труп разложился в квартире. Профессор Белоусов, выдавший меня на бюро обкома, был найден под железнодорожным мостиком у стекольного завода с петлёй на шее. Собаки изгрызли его труп. Узнав об этом, Степан Танганов сказал: «Это духи предков наказывают тех, кто делает тебе плохо».

В 1974 году Бальбуров приехал в Москву. Жил в Одинцове, в Доме творчества писателей. В ресторане ЦДЛ он рассказывал, что пострадал из-за гонений. На этот раз все «грехи» журнала приписывал себе. Обо мне же говорил, что я стучал на него в обком и КГБ. «Бараев уехал куда-то на юг, и его хватил инфаркт». А всё было в точности наоборот. Сочувствуя ему, писатели, не знавшие сути, угощали его – «жертву репрессий».

На самом деле он завёл роман с женой друга, затем увлёкся его дочерью. Соблазнив её, уехал с ней в Москву, потом в Алма-Ату, где 17 января 1980 г. умер от инфаркта. На

61-м году жизни. Тоже рано. Писатель ведь должен жить долго. Если Исая укоротил свой земной срок курением, то Африкан, к сожалению, многовато выпивал. Меня могут обвинить, будто я свожу счёты с Бальбуровым. Но я привожу лишь медицинские факты.

И я рад, что он взял меня в «Байкал». Несмотря на изгнание из редакции, сложности с устройством на работу, задержку с вступлением в СП, другие передраги, я выстоял и обратил беду в победу. Между прочим, именно таким был один из главных девизов Чингисхана, предложенный ему его женой Бортэ.

Если кому-то покажется, что я слишком много написал о себе, отвечу, что сделал это для того, чтобы показать, какое воздействие Исая Калашников оказывал на меня не только при жизни, но и после своего ухода. Точно так же он воздействовал и на Владимира Корнакова, Вилю Липатова, Андрея Румянцева, Кима Балкова, Евгения Голубева, Анатолия Субботина и многих других соратников по перу. И в редакции «Молодёжи Бурятии», и в журнале «Байкал», на посту ответсекретаря Союза писателей Бурятии.

В августе 2011 года я побывал в Шаралдае, на родине Исая. Там в типично семейских избах создали музей-усадебу писателя. На стенах – книги, вышедшие не только в Бурятии, но и в десятках странах за рубежом. Среди них – «Последнее отступление», «Разрыв-трава» и более десятка изданий его главной книги «Жестокий век». Особенно эффектно выглядел вариант, только что изданный галереей Константина Ханхалаева. Огромный формат, яркие иллюстрации художника Зоригто Доржиева. Вдова Исая Калашникова Екатерина перепечатала рукопись почти в три тысячи машинописных страниц – 50 печатных листов, 14-й раз! Так она совершила самый настоящий подвиг!

Тогда в Шаралдае отметили 80-летие Исая Калашникова. Во дворе школы, где учился он, прошли выступления друзей его детства, юности и писателей. Виднейшие артисты и деятели культуры Бурятии дали большой концерт. Особенно ярко выступили со старинными песнями его земляки в сарафанах времён боярыни Морозовой и протопопа Аввакума! Уверен, что так же достойно отметят жители Бурятии и 85-летие Исая Калистратовича Калашникова. Не только в Шаралдае, но и в Улан-Удэ, Гусиноозёрске, других городах и сёлах республики.

Владимир БАРАЕВ